
Россия, Русь! Храни себя, храни!

10
2021

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Игорь РОМАНОВ. «Большая Евразия»	3
Валерий БУХВАЛОВ. Социализм и религиозное сознание	9
Валентин КАТАСОНОВ. Мрачная антиутопия	43
Кирилл ПШЕНИЧНЫЙ. Донецкий исход	87

ПРОЗА

Михаил СМИРНОВ. Ладони пахли клубникой. Рассказ ...	14
Виктор БОЧЕНКОВ. Синий петушок. Рассказ	50
Юрий ШИПНЕВСКИЙ. Ван Гог. Рассказ	66

ПОЭЗИЯ

Геннадий ФРОЛОВ. Не заплачу и не затоскую... Стихи	34
Андрей ПОПОВ. Между строк листопада. Стихи	75
Виктор КАРПУШИН. Луна, река и лодка... Стихи	82
Анатолий ЗЕЛЕНЦОВ. Песня жизни не допета. Стихи ...	109
Иван АНДРЕЕВ. Земной поклон. Стихи	113

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Всеволод ТРОИЦКИЙ. О стоянии в правде, чести и совести	120
---	-----

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

Владислава РОМАНОВА. Рабовладельческий тоталитаризм	134
Дмитрий СВЕТИН. Заявка на глобальную победу	140

РУССКИЙ МИР

Дмитрий КУНИЦКИЙ. Основа русского единства	146
Фёдор ПАПАЯНИ. Освободительный и угнетающий национализм	151

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий ШАМБАРОВ. Прирождённый враг России	156
Валерий ГАБРУСЕНКО. Две ошибки Александра I	165

УРОКИ ИСТОРИИ

Владимир БОЛЬШАКОВ. Десант мировой закулисы	171
Валерий ГАБРУСЕНКО. Сосиски с баварским пивом	182

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

Станислав ЗОТОВ. «Тайную свободу пели мы...»	186
--	-----

ЛАРЕЦ

Глеб ГОРБОВСКИЙ. Живой родник. Стихи	204
--	-----

СИМВОЛ ВЕРЫ

Ольга СЕВОСТЬЯНОВА. Очень личное чудо	212
---	-----

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Андрей СОШЕНКО. Вакцинация и миграция	238
Владимир ВАСИЛИК. Вавилонское ростовщичество	242
Галина ЕВГРАФОВА. Ничего личного, только бизнес	245
Владимир ЮДИН. Ученый, педагог, публицист	247

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	251
---	-----

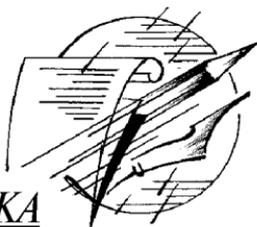
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Николай ДОРОЩЕНКО. Из поколения созидателей	262
Вячеслав ЛЮТЫЙ. Во имя земной красоты	269

«БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ»

Сегодня много внимания на уровне высшей государственной власти России уделяется проекту интеграции независимых государств на территории евразийского пространства. О создании и реализации проекта «Большая Евразия» (Большое Евразийское партнерство) президент России В.В. Путин говорил еще в 2016 году на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ-2016). «Мы с нашими партнёрами считаем, что Евразийский экономический союз может стать одним из центров формирования более широкого интеграционного контура. <...> Предлагаем подумать о создании большого Евразийского партнерства с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми у нас уже сложились тесные отношения, — Китай, Индия, Пакистан, Иран и, конечно, имею в виду наших партнеров по СНГ и других заинтересованных государств и объединений», — сказал российский лидер.

Напомним, что Евразийский экономический союз является международной организацией региональной экономической интеграции, обладает между-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

народной правосубъектностью и учрежден Договором о Евразийском экономическом союзе. «В ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики. Государствами — членами Евразийского экономического союза являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация» (официальный портал ЕАЭС).

Поскольку экономические, денежные идеи и смыслы сегодня являются основой для большей части политических и даже культурных объединений и сообществ, не трудно понять, что Евразийский экономический союз и интеграция вокруг него не могут носить лишь экономический характер. Евразийский экономический союз, перерастающий в Большое евразийское партнерство, имеет все признаки политического объединения. В общем-то в этом нет чего-то сверхъестественного.

Стого момента, когда президент России озвучил идею евразийской интеграции на базе Евразийского экономического союза, сделано много весомых шагов, направленных на создание некоей конфедерации, объединяющей государства постсоветского пространства и ряд крупных азиатских стран, в первую очередь, Китай.

В настоящее время параллельно с процессами развития и укрепления Евразийского экономического союза идёт процесс его интеграции с глобальным китайским проектом «Один пояс, один путь», возрождение Великого шелкового пути. Китайский проект носит не только экономический, но, в первую очередь, цивилизационный характер — об этом многократно говорилось и со стороны Китая, и с российской стороны. Совместно с Китаем и странами ЕАЭС сейчас мы подходим к воплощению масштабного стратегического плана по созданию «Большой Евразии».

Китай выдвигает свой проект «Один пояс, один путь» как цивилизационную концепцию «сообщества единой судьбы человечества».

Си Цзиньпин на Давосском форуме в феврале 2021 года выразил ряд мыслей, свидетельствующих о том, что в глобальных китайских проектах чётко прослеживается «ооновский стандарт». Вот несколько цитат из выступления Си Цзиньпина на форуме: «Исходя из концепции сообщества единой судьбы человечества, важно стоять на страже общих ценностей человечества, таких как мир, развитие, беспристрастность, справедливость, демократия и свобода. Необходимо сбросить в сторону идеологические предрассудки, максимально закрепить открытость и инклюзивность механизмов, концепций и политики сотрудничества в интересах мира и стабильности во всем мире».

Некоторые удивились: мол, кто это произносит? Китайский лидер или Клаус Шваб? Это произносит глава КНР Си Цзиньпин.

Вот еще из выступления Си Цзиньпина на Давосском форуме: «Важно строго соблюдать принцип верховенства закона, неукоснительно защищать мировую систему под эгидой ООН и миропорядок на основе международного права. <...> Необходимо поддерживать роль Всемирной организации здравоохранения, формировать сообщество здравоохранения человечества. Нужно продвигать реформы ВТО и Международной валютно-финансовой системы с целью стимулировать рост мировой экономики и обеспечивать развивающимся странам права и возможности развития. Разработка правил глобального управления цифровыми данными должна ориентироваться, в первую очередь, на реальности и интересы человека. Нужно выполнять Парижское соглашение по климату ради зеленого развития. Развитие должно всегда быть в приоритете, для чего необходимо претворять в жизнь повестку дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года, делать глобальное развитие общим благом, прежде всего для развивающихся стран».

Сегодня мы, Россия, вместе с Китаем строим сообщество единой судьбы человечества. Россия участвует в этом масштабном замысле и даже президентский аналитический институт РИСИ в последнее время работает по поручению президента преимущественно на информационно-аналитическое обеспечение реализации китайского проекта «Один пояс, один путь».

Однако есть ли уверенность в том, что выбранный сегодня нами путь участия в интеграционных процессах на территории Евразии полностью согласуется с нашими национальными интересами? Готов ли народ России с воодушевлением поддержать создание новой конфедерации, создаваемой пока в виде экономического союза и основанной на тех же идеях, ради воплощения которых создавались мировые координационные структуры, наподобие ООН и ВОЗ? Насколько хорошо изучены последствия столь активного участия России в общемировых планах, пусть даже через партнёрство с Китаем?

Часто указывается на то, что Большая Евразия — это альтернатива и даже противовес Европе и Америке с ее мировыми имперскими амбициями. Однако если приглядеться внимательнее, то мы увидим, что на более высоком уровне масштабные американские, европейские или российско-китайские проекты по созданию новых союзов, конфедераций или империй координируются всемирными организациями, в первую очередь, ООН. И органично вписываются в единый общемировой план по образованию глобального государства с единым глобальным народом и одним правителем.

Участник встреч Валдайского клуба, цитируемый российскими идеологами Большого Евразийского партнерства, Гленн Дизен из Австралии наставляет: «Россия могла бы сместить в свою пользу симметрию взаимозависимости, став преемницей Монгольской империи и связав между собой страны огромного евразийского континента». То есть Большое Евразийское партнёрство, направленное на создание конфедерации «Большая Евразия» выглядит в глазах наших зарубежных «наставников» как воссоздание Монгольской империи. И такой взгляд вполне оправдан и даже приемлем нашими идеологами ЕАЭС и Большой Евразии.

Также австралийский пропагандист Большой Евразии утверждает: «Китай представляется главным партнером России в формировании Большой Евразии в силу его потенциала и готовности оспаривать систему международных отношений, во главе которой стоят США. Стратегическое партнерство между Китаем и Россией необходимо для любого формата Большой Евразии, так как этот тандем включает крупнейшего в мире производителя энергоносителей и крупнейшего их потребителя, лидера мировой торговли и континентальную державу, способную выступать в качестве связующего моста между разными частями континента».

Очевидно, что сегодня мы вполне оправдываем ожидания современных австралийских «мыслителей».

Сегодня союз России с Китаем и вообще выстраивание конфедерации «Большая Евразия» подается как противовес Западу и США. Однако идеи, на которых протекают сегодня интеграционные процессы, инициируемые Китаем и нами на Евразийском пространстве, в сущности, ничем не отличаются от того, ради чего Америка пытается унифицировать весь мир по своему стандарту.

Си Цзиньпин произнес такие слова: «Пройдя огромный и весьма непростой путь, китайский народ с выдающимися подвигами в деле ликвидации крайней нищеты выходит на финишную прямую всестороннего построения общества средней зажиточности, отправляясь, таким образом, в новый поход всестороннего построения социалистического модернизированного государства. На новом этапе развития мы будем внедрять новую концепцию развития, активно работать над формированием новой архитектуры развития «двойной циркуляции» с акцентом на циркуляцию внутреннюю, но при ее взаимодополнении с внешней. Готовы со всеми партнерами вместе развивать чистый и прекрасный мир, где воцарится прочный мир, всеобщая безопасность, совместное процветание, открытость и толерантность».

Так ведь эти мысли и задачи вовсе не противоречат тому, на что в конечном итоге направлена американская внешняя

политика. Не противоречат установкам ООН. Не противоречат самой главной идее — утверждению во всем мире Нового порядка, основанного на представлении о том, что все люди, кроме самых избранных и справедливых, произошли от обезьяны и живут лишь ради земного богатства, удовольствия и комфорта. И эти люди, произошедшие от обезьяны, нуждаются, чтобы избранные и справедливые распределяли между ними произведённые ими же блага.

Конечно, России не следует отгораживаться великой стеной от всего мира. И нам нужны союзники и друзья. Но вопрос в том, на какой основе строится дружба.

Наш народ в общем-то не очень посвящён в интеграционные планы, которые реализуются сегодня на евразийском пространстве с участием России и за счет России. Мы не видим каких-то внятных пояснений, ответов на вопросы со стороны нашей власти. Почему ради противостояния Западу и США нам необходимо двигаться вслед за китайским проектом? Почему мы не следуем своим многовековым идеям? Почему у нас управленческий корпус, министры, губернаторы нередко представлены людьми, совершенно далёкими по своим взглядам, убеждениям и даже профессиональному опыту от России и ее национальных интересов?

О том, как вылечить наших чиновников от коррупции, представители органов власти России тоже решили узнать у китайцев. В конце мая на сайте Кремля была опубликована информация о том, что «В рамках развития отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия между Россией и Китаем состоялись двусторонние консультации по вопросам противодействия коррупции. <...> С участием руководства МИД КНР, представителей МИД России, Центральной комиссии по проверке дисциплины Компартии Китая и посольства Китая в Российской Федерации состоялась предметная экспертная дискуссия о взаимодействии антикоррупционных структур двух стран и перспективах его развития. Обсуждалась выработка единых подходов к практическому противодействию коррупционным проявлениям и согласованных позиций в рамках деятельности многосторонних антикоррупционных диалоговых форматов. По итогам консультаций согласован ряд конкретных шагов по углублению интеграционного процесса».

Как нужно понимать это? Китайцы не только будут учить нас борьбе с коррупцией, но и сами будут участвовать в этом процессе, помогая России избавиться от своих коррупционеров? Готово ли российское общество к такому партнёрству с Китаем?

Откуда у нас в обществе такая коррупция? Может быть, эта проблема как-то связана с системой подготовки и подбо-

---

ра кадров для госслужбы? Мы же все прекрасно видим, как осуществляется подбор кадров для органов власти, кто выдвигается и побеждает на конкурсе «Лидеры России». Часто не очень глубокие и профессионально малоопытные люди, ориентированные на «общемировые задачи».

Может быть, состояние нашего общества определяется не уровнем бедности и продолжительностью жизни, а нравственностью и уровнем любви наших граждан к своей стране и друг к другу? Но такой взгляд отчего-то не приемлют сегодня в среде тех, кто ответственен за политический курс страны, состояние управленческого слоя и всего общества.

Часто критика особенностей нашей дружбы с Китаем оценивается как содействие интересам США. Критикуешь союз России и Китая — значит ты либерал, предатель и американский агент. Действительно, в ряде случаев бывает и так. Например, когда американский гражданин Познер тревожится по поводу сближения России и Китая, несложно увидеть в этом американский интерес.

Но когда мы говорим, что России не нужно идти ни китайским, ни американским путем, не нужно искать «сильное плечо», к которому нам надо прислониться, здесь вряд ли уместно обвинять нас в лоббизме интересов США.

У России, как известно, свой путь. И по этому пути может пойти немалая часть человечества, в том числе и китайцы, и американцы. Это путь к спасению человеческой души, к соединению ее с вечным Источником любви и света. Россия имеет тысячелетний опыт следования христианскому пути, имеет свою стройную и не устаревающую идею, концепцию «Москва — Третий Рим». И с этой идеей Россия создала великое государство, которое рухнуло, когда мы предали свою идею, предали Бога и убили Его Помazanника.

Пока наше общество не получает внятных ответов от власти, куда мы идем и на основе каких идей интегрируемся в «Большую Евразию». Ради чего встраиваемся в китайские проекты и с какими смыслами противостоим Америке? Пока мы видим поспешные действия по заключению недостаточно проработанных международных договоров, способных серьезно осложнить нашу будущую жизнь. Видим лишь какие-то малосодержательные новости о том, что где-то что-то состоялось, прошло, принято решение... А куда идем, каким курсом? И не является ли выбранный курс ошибочным и ложным? Пока с народом никто не советовался.

г. Владивосток

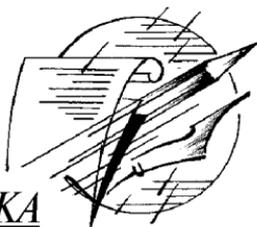
СОЦИАЛИЗМ И РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ

Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его
(Мф. 6: 33)

Что означает утверждение — социализм феномен религиозного сознания? Это утверждение означает, что создание общества социальной солидарности, в котором каждому гарантируются минимально необходимые условия для жизни, возможно только при условии преобладания в общественном сознании христианских духовных идеалов.

В советском общественном сознании преобладали евангельские заповеди, соблюдение которых большей частью населения было основой для обеспечения каждого жильем, работой, бесплатным доступом к образованию, медицине и социальному страхованию. Опыт реализации советского проекта показывает, что строительство социализма возможно только при условии постепенного укрепления в общественном сознании христианских духовных идеалов. Уровень социальной справедливости в обществе напрямую зависит от уровня братолюбия в отношениях между людьми.

В общественном сознании социализм и коммунизм часто отождествляются как разные стадии одного и того же яв-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ления, тогда как социализм был системой социально-экономических отношений, а коммунизм — идеологией, под эгидой которой он осуществлялся. Вместе с тем, марксизм предполагал, что социализм будет первой стадией коммунизма. Именно предполагал, доказательств этому никаких не было ни во время жизни Маркса, ни в советское время, ни тем более сейчас.

Концепция социализма по Марксу вытекала из принципа — от каждого по способностям, каждому по труду, а концепция коммунизма вытекала из принципа — от каждого по способностям, каждому по потребностям. Таким образом, в основание коммунизма марксизм заложил религиозную ересь, которая была обозначена еще в Евангелии — достижение земного изобилия.

Во время пребывания Христа в пустыне, дьявол предложил ему превратить камни в хлеба, чтобы утолить голод. Но Христос отказался, дав тем самым всем нам понять, что не изобилие на основе чудес спасает, а духовная жизнь и нравственное самовоспитание. Он ответил: «Не хлебом единым будет жить человек, но всяким Словом, исходящим из уст Божиих» (Матф. 4: 1-4). Из этого примера мы видим, что на земле никогда не будет материального изобилия, доступного каждому человеку и никакие чудеса не смогут такое изобилие создать.

Второе, что мы должны понять, — человек не животное, а образ Божий, у человека есть духовные потребности, развитие которых должно опережать развитие материальных потребностей. В этом опережении, по мнению профессора Московской Православной Духовной Академии А.И. Осипова, заключается один из законов духовной жизни. Если материальное изобилие дать человеку с низким уровнем духовной культуры, то это повредит не только ему, но и другим людям, с которыми он социально связан. Известно немало примеров, когда патологическая жадность, зависть или лживость приводили к тяжелым последствиям тех, кому судьбой были даны материальные блага или власть.

Так, в книге С. Вальцева «Миссия России. Национальная доктрина» представлен достаточно подробный сравнительный анализ социализма и коммунизма. Это разные и во многом противоположные концепции. Неслучайно первых социалистов коммунисты снисходительно называли «утописты, мечтатели, прожектеры». На самом деле такое отношение легко объяснимо.

Социалисты никогда не были ни утопистами, ни предшественниками Маркса с его учением. Потому что социализм

не может не быть религиозным, ведь общественная собственность может быть таковой только в том случае, если само общество держится на принципе братолюбия. И не просто держится, но и создает условия для духовного совершенствования каждого своего члена ради будущей вечной жизни. Если из общественных отношений исчезает братолюбие, то исчезает и общественная собственность. Вспомните «перестройку»: начали обливать грязью братолюбие в коллективизме — и рухнула общественная собственность, а за ней и советский социализм.

Марксизм же есть воинствующий атеизм, никакой вечной жизни он не признает, по сути дела, марксизм — это ересь древних саддукеев, отрицавших духовный мир и веривших в достижение земного изобилия. А раз нет духовного мира, как перспективы для вечной жизни души, то зачем соблюдать братолюбие в реальной жизни? Бери от жизни всё, что можешь взять, и наслаждайся.

Атеизм стал одной из главных причин разрушения советского проекта; тогдашние «перестройщики» не смогли увидеть перспективу развития страны в объединении советского социализма и религиозных духовных ценностей с приоритетом евангельских заповедей. И вместо очищения советской идеологии от марксистского воинствующего словоблудия и укрепления духовных смыслов обществу начали навязывать неолиберальную идеологию с ее «общечеловеческими ценностями», в итоге — уничтожили социализм и развалили страну.

Социализм и коммунизм имеют немало общего — это коллективистские учения, поэтому они выступают против частной собственности: собственность должна быть общей, за приоритет общих интересов над интересами частными, за реальное равенство прав, основанное на имущественном равенстве, за распределение произведенного продукта пропорционально труду каждого гражданина.

Но и различия между социализмом и коммунизмом очень существенны. Социалистический идеал обоснован, исходя из духовно-нравственных принципов, коммунистический — исходя из материалистического учения. И это фундаментальное отличие проявляется во всём: в отношении к религии, семье, нации, государству. Согласно марксизму в коммунистическом обществе должно отмереть всё, что обусловлено только развитием экономики: религия, классы, государство, нации, семья в традиционном смысле слова.

В социалистическом проекте государство играет решающую роль, в коммунистическом — отмирает. В результате, по

прошествии времени, целью коммунистического учения стало построение мещанского общества, что вполне естественно для материалистической идеологии, а главными ценностями этого общества являлись материальные блага. Постоянное напоминание людям о том, что повышение благосостояния — это главная задача советского общества, привело к потере цели жизни — раскрытие духовно-творческого потенциала личности. Советские люди превращались в стяжателей.

Описывая советскую интеллигенцию, английский ученый Р. Саква писал: «Коммунистический режим породил своеобразный парадокс: миллионы людей являлись буржуа по своей культуре и устремлениям, но были включены в социально-экономическую систему, отрицавшую эти устремления». В результате, на практике со страстью к приобретению вещей в СССР боролись и осуждали, высмеивали мещанство, но в то же время фундаментом мировоззрения была материалистическая, а по сути — мещанская идеология.

Однако большевики, будучи формальными марксистами, шли наперекор основным догматам Маркса во всём, но самое главное, они строили, то, что Маркс считал принципиально невозможным, — социализм в отдельной стране. И построили, но удержать не смогли по причине атеизма. Они считали, что создавая социалистическое, братолюбивое бытие смогут воспитывать и братолюбие в отношениях и мировоззрении. Но подобное создается и удерживается подобным: братолюбие как духовная ценность воспитывается духовной жизнью, которая в атеистической стране была на низком уровне, несмотря на общий в целом высокий уровень образования и культуры. Но закон духовной жизни гласит — ближнего, а значит и Бога, любит тот, кто исполняет евангельские заповеди и ограничивает свое благополучие необходимым.

Согласно Ф.М. Достоевскому, православная идея соборности является идейным стержнем русского проекта социализма. Русский социализм в его понимании — это «Всенародная и вселенская церковь, осуществленная на земле». «Уничтожьте у нас общину, и народ тотчас же будет у нас развращен в одно поколение...» В соединении основ социализма и православной духовности Федор Михайлович видел основы общественно-государственного устройства, соответствующего культуре и цивилизации русского народа.

В атеистическом социализме, считал Ф.М. Достоевский, нет высокого идеала, ему присуще «ложное начало рассудочности и расчета», «арифметическое» стремление дать людям «хлеб насущный». А этого для счастья людей недостаточно. В «Записной книжке 1863—1864 годов» Достоевский

отмечает: «Социалисты хотят переродить человека, освободить его, представить его без Бога и без семейства. Они заключают, что изменив насильно экономический быт его, цели достигнут. Но человек изменится не от внешних причин, а не иначе как от перемены нравственной».

Большевики верили, что социалистические отношения автоматически воспитают у людей социалистическое мировоззрение. Но изменение мировоззрения человека невозможно без духовной жизни, которую предлагает религия, в нашем случае — Православие. И сами по себе социалистические отношения не могут преобразить страсти человека — зависть, жадность, гордыню, злобу в добродетели. Никакой светский моральный кодекс не сможет удержать людей от пожара греховных страстей при повышении материального благополучия. Пламя греховных страстей и проступков может тушить только духовная жизнь, поэтому социализм возможен только на преобладании в общественном сознании христианских духовных идеалов.

Советское сознание, атеистическое по форме, но православное по ценностным смыслам, принимало и поддерживало советский проект до тех пор, пока людям не была внушена ложь о том, что имеющиеся социальные достижения можно сохранить и приумножить, если приватизировать крупные системообразующие предприятия. Люди поверили этой лжи, однако частная собственность на системообразующие предприятия и советская социальная справедливость несовместимы.

Причина этого доверия — духовная деградация общественного сознания и как результат — непонимание того, что социальные блага создаются за счет прибыли крупных предприятий, но распределяются на основе согласия в духовных идеалах. Возрождение социализма в перспективе возможно только на основе возрождения в общественном сознании православных идеалов.

ЛАДОНИ ПАХЛИ КЛУБНИКОЙ

РАССКАЗ

Алексей стоял на балконе, посматривая вниз. Жарко. Очень жарко, несмотря на то, что наступил вечер. Вроде лето еще только поднялось на вершину, и на улице самое настоящее пекло, а до осени еще очень далеко, когда начнутся обложные дожди, небо затянет до горизонта низкими тяжелыми тучами, а порывистый ветер будет трепать деревья, срывая листву и не успокоится до тех пор, пока не оголит их, а там уж до зимы рукой подать. Не успеешь оглянуться, как закрутят метели, ударят морозы, а вокруг будет светло и хрустко, но пока что на улице пекло, которое уже длится с середины весны, и люди радовались наступлению ранней весны, теплomu солнышку, первой листве и первой любви, которая, как принято считать, приходит именно весной, и тогда весь мир становится ярким и красивым...

Алексей мотнул головой. Нахмурился. Лето в разгаре. Но рано или поздно, а осень придет с прохладой и дождями, с бабьим летом и осенним листопадом, и будут кружиться листья, медленно опускаясь на землю... Он вздохнул. Покосился на открытую

ПРОЗА

дверь. В природе все идет своим чередом, весна и лето, осень и зима, а у него в семейных отношениях пустыня Сахара, где солнце выжгло всё живое, оставив оболочку, а внутри пепел, недовольство и почему-то еще было чувство тоски. И всё это было как в снежную зиму, когда незначительные ссоры перерастают в снежный ком, который катится по семейной жизни, всё сметает на своем пути, раздавливая самое хорошее, что было между ними, а конечная остановка — это уже пустыня и горстка пепла на песке. А получится ли возродить из пепла сгоревшие отношения — этого никто не знает и он тоже...

И в его семье всё начиналось с малого. Ссора и обвинение друг друга в несуществующем. Вспыхнула искорка на пустом месте, и полыхнуло пламя. Вроде удалось загасить огонь и даже помирились, а внутри у каждого осталось чувство неудовлетворенности и обида. За этой ссорой последовала другая и третья, пятая и десятая, и в ход уже пошла тяжелая артиллерия, обвинения друг друга, куда в более страшных преступлениях, чем было в самом начале, когда еще уважали и любили друг друга, как казалось. Пусть поссорились, но они боялись, как бы обидеть друг дружку, причинить боль, а потом эти чувства стали исчезать. Незаметно исчезали, а на этом месте появлялась ненависть, и взгляды говорили не о любви и нежности — ненависть была в них и злоба, но при детях нужно было сдерживаться, маски менялись на лицах, и они изображали из себя счастливых родителей...

Вся реальность перевернулась с ног на голову. В глаза одно, за спиной другое, и так уже много лет. Он не винил жену. Но и на себя не хотелось вешать все грехи семейной жизни. А какие грехи, если бы кто-нибудь спросил, а ему и ответить нечего, потому что сам не знал. Просто этот, скажем, снежный ком обид, вдруг вырос до невероятных размеров. И еще немного, и он лопнет, а какими будут последствия — ни жена не знает, ни тем более — он, но точно чувствовали оба, если лопнет этот нарыв, обратной дороги не будет, а на дороге в будущую жизнь стоит преогромный шлагбаум, но лучше сказать, дорога заканчивается тупиком, и всё на этом...

Алексей простоял на балконе до наступления ночи. Стоял, посматривая по сторонам, потом уселся на табуретку, что была на балконе, и снова смотрел, а еще думал. Думал обо всем, вспоминая прошлую жизнь, когда познакомился с будущей женой. Случайно столкнулись на улице. Он вывернул из-за угла и столь стремительно, что не удержался на ногах и упал, ухватившись за Геру, как впоследствии узнал имя девушки. Оба упали посреди тротуара. И Гера, вместо того, чтобы нахмуриться и обругать его, как обычно бывает, вдруг расхохо-

---

талась, продолжая лежать на снегу, и не спешила подниматься. А он, испугавшись, что не только уронил девушку, но и причинил вред ее здоровью, всё же Алексей был довольно-таки крепким парнем, закрутился на снегу, под которым была накатанная дорожка, — это ребятня накатала, а снегом ее присыпало, и поэтому не заметил, грохнувшись во весть рост, он завоzilся на ледяной дорожке словно огромный червяк и не мог подняться, руки-ноги разъезжались, и он снова падал на снег возле девушки. Она хохотала, глядя на его неуклюжие попытки подняться, и он сначала сопел и хмурился, что не удастся встать на ноги, а потом тоже перевернулся на спину, взглянул на нее и принялся смеяться. Так они и лежали на снегу, хохоча во всё горло, а люди шли, обтекая с обеих сторон, одни хмурились, глядя на них, а другие не сдерживались и тоже едва заметно, но улыбались. Ведь не каждый же день увидишь подобное. Так они и познакомились...

— Алексей, долго еще будешь стоять? — на балконе появилась Гера, облокотилась на перила, и глянула вниз. — Фонари зажгли. Темно на улице.

— Что хотела? — чуть погодя, сказал Алексей, хотя как бы уже знал, что она ответит, но всё же спросил. — Снова начнешь кота за хвост тянуть? Прекращала бы... И так всё ясно. Скажи уж сразу, а не ходи вокруг да около. Надоела такая жизнь.

Сказал и поморщился. Затянулся, и яркий огонек сигареты осветил лицо. Алексей резко выпустил струю дыма, а потом щелчком отправил окурочок в недолгий полет до земли. Огонек описал плавную дугу, ударился об землю, вспыхнул, рассыпавшись на многочисленные искры, и они исчезли в густой траве газона.

Уже в который раз жена пыгается довести разговор до конца, но что-то не дает ей, и, прыгая с пятого на десятое, вспоминая прошлые обиды, и несуществующие разговоры переходили в очередные ссоры. И до такой степени эти скандалы обрыдли, что Алексею хотелось только одного, чтобы всё это побыстрее закончилось. А то, что всё равно закончится, он чувствовал, всё шло к этому. И в то же время ему хотелось, чтобы Гера хоть чуточку прислушивалась к его словам и хотя бы на один шаг смотрела дальше, а не жила эмоциями. Так-то наворотили делов, что не разгребешь, а сейчас вообще глаза бы не смотрели на семейную жизнь, но нужно было терпеть, чтобы дети не заметили. Если поймут, семья окончательно развалится. А может, они давно уже поняли, но делают вид, будто ничего не происходит между родителями...

— Не тяни резину, — буркнул он и снова закурил. — Ну, что молчишь-то?

— Снова звонил дядя Вилли... — Гера запнулась, немного помолчала и сказала. — Поговорили с ним...

— А раньше он был дядей Володей, — не удержался, съехидничал Алексей, а внутри всё сжалось в кулак. Он знал, что ее родной дядя так просто не станет звонить, а в последнее время международные звонки всё чаще и чаще стали раздаваться в доме. О чём жена разговаривала с дядей — этого Алексей не знал. Он не спрашивал, а жена отмалчивалась. Но всё равно что-то подсказывало, что эти звонки до добра не доведут. — И что же хотел новоиспеченный дядюшка Вилли?

И опять съехидничал.

— Ну не нужно язвить, — поморщившись, ровным голосом произнесла Гера. — Сам знаешь, что он звонит лишь в крайних случаях. А сейчас такой наступил...

Она замолчала.

— Слишком много стало крайних случаев, — сказал он. — Чуть ли не каждую неделю звонит и всё в крайнем случае. К чему бы это, а, Гера?

Алексей покосился на нее и замолчал, попыхивая сигаретой, и снова окурок полетел вниз, описывая ровную дугу, и исчез на газоне.

— Есть возможность, вот и звонит.. — жена прислонилась к перилам и взглянула вниз. — Видать, средства позволяют, чтобы звонить.

— Ага, на этих переговорах можно без штанов остаться, а он не прекращает и названивает. Наверное, миллионером стал, — снова не удержался Алексей. — Ну, не тяни резину. Говори, что хотела сказать, только не обманывай меня. Я же почувствую это.

И усмехнулся в темноте. Темнота — друг молодежи, как говорится, но в то же время эта темнота дружна с враньем, с ложью, если разобраться. В основном, все начинают обманывать в темноте, чтобы не было видно лица, не видно глаз, которые чаще всего выдают лгунов и то вранье, которое они стараются выдать за правду. И сейчас жена готовилась к этому. Она могла бы и днем сказать. Дядя Вилли, как она стала называть его, позвонил ранним утром. Они поговорили, и жена положила трубку. Весь день ходила, о чем-то думая, но не решалась на разговор, а тут надумала. Ночью хороши любые разговоры и обо всем, потому что лицо превращается как бы в застывшую маску, на которой отсутствуют эмоции. Можно говорить всё и обо всем, потому что в темноте не увидишь взгляд, который сразу бы выдал собеседника, а если собеседник еще и жена — тем более, потому что Алексей за многие годы настолько изучил ее характер, что заранее мог определить, что сейчас скажет. И поэтому Гертруда начала разговор ровным голосом, лишенным эмоций.

— Алеша, помнишь, я много рассказывала про свою семью, — опять ровный голос, словно не живой человек говорит, а голос робота раздается в ночной тьме, и даже в нем мелькнули металлические нотки. — Ты знаешь, когда мои предки переместились в Россию. Я рассказывала, что нам... Нет, нашей семье пришлось пережить, когда тебя, можно сказать, за человека не считали, в спину обзывали фашистами, хотя мы никакого отношения к фашисткой Германии не имели, но нас все равно унижали, пусть не в глаза, так за спиной. И это очень больно и обидно. Дядя Вилли смелый человек. Он был первым из всей нашей семьи, кто покинул страну и вернулся на нашу историческую родину. А вслед за ним уехал его брат, дядюшка Альфред, который немного пожил на родине, но решил найти счастье в другой стране и оказался в Америке, где прошел всё с низов, а сейчас у него своя адвокатская контора. Жена, тетя Анни, устроилась в госпиталь, дети подрастают, и нужно уже думать о будущем. Дядя Альфред сообщил, что надо всю родню перетащить на родину, а там, кто захочет найти счастье в других странах, он поможет. Я к чему веду разговор... — она замолчала, и Алексею в темноте был едва заметен профиль лица, который ничего не мог ему сказать. Так, темный профиль на черном фоне ночи и всё. — Я что хочу сказать... — снова повторила Гертруда и сказала, словно выдохнула. — Дядя Вилли сделал нам вызов на родину. Ждет нас. Ждет, чтобы помочь устроиться, а там уж будем решать, оставаться на исторической родине или подадимся в другие страны, где жизнь куда лучше, тем более намного лучше, чем здесь.

И она ткнула пальцем перед собой — это было видно, а потом снова замолчала.

— Поздно родину менять, — устало вздохнул Алексей. — Мы на эту тему уже тысячи раз разговоры разговаривали, и ты не хочешь понять, что никто тебя не будет ждать, и ты не нужна этой самой родине. Ну что ты можешь полезного дать для нее? Подумай... Ты всю сознательную жизнь проработала на заводе. Просидела на складе, выдавая тазики и ведра, да еще всякий инструмент для рабочих. Думаешь, что тебя встретят с распростертыми объятьями, чтобы вновь посадить на складе и выдавать инвентарь? Нет, Гера, ошибаешься. Таких, как ты, там пруд пруди. В лучшем случае, ты в своем возрасте устроишься дворником или уборщицей, хотя и знаешь родной язык, но не более того. А наши дети и того не увидят. Подумай...

И снова окурочок полетел по дуге и рассыпался мелкими искорками.

— А я считаю, что нужно ехать, — сказала она. — Ехать ради детей, чтобы у них было светлое будущее, чтобы они

жили, как другие люди живут — там, а не так, как мы с тобой — здесь. Дядя Вилли не стал бы звать понапрасну. Это... — Она запнулась, и это было непривычно в ее разговоре. — Это... Дядя Вилли сделал вызовы для меня и наших детей, а чуть попозже будет готов вызов для тебя, если согласишься уехать. Тебе решать...

— А, всё правильно, — перебил Алексей, а в душе почему-то заскребла кошка. — Во мне течет другая кровь и тяга не к вашей, а к другой родине, вот к этой, — И теперь он ткнул пальцем во тьму, а потом обвел окоём, словно хотел показать, что он здесь хозяин. — Это моя родина, а там чужая страна.

— Я поговорю с дядей Вилли, чтобы он побыстрее сделал вызов для тебя, — снова ровный голос в ночи. — Человек выбирает для себя родину, а не родина человека. Рыба ищет, где глубже, а человек где лучше, как у вас говорят...

— О, ты уже перестала считать своей родину, где родилась и выросла и прожила почти всю жизнь? — не удержался за ней. — Да, у нас так говорят. А уехать... А кому я нужен там, в этой самой стране, не зная обычаев и языка? Никому! Ведь любой человек, если попадает в другую страну, должен изучить не только язык, но и обычаи этой страны и соблюдать ее законы. Я при всем желании не смогу одолеть всё, что собиралось веками — это у коренных жителей в крови, а я обязан изучить за короткий промежуток времени. Не получится. И, как бы я ни старался, до конца дней своих останусь чужим. Впрочем, как и ты — тоже. Ты, Гера, должна понять, что поздно в эти годы переезжать в другую страну, где всё чуждо нам, где люди на мир смотрят абсолютно другим взглядом, и что для них легко и привычно, для нас может оказаться неразрешимой задачей. Это ты здесь можешь подойти к любому и тебе помогут, а там... А там я не знаю, потому что в другой стране и привычки другие, тем более взгляд на жизнь. И срываться с насиженного места и мчаться неизвестно куда и неизвестно зачем — это будет самая большая глупость в жизни, которую ты хочешь совершить. Не знаю, как ты, а я так считаю.

Покосился — и снова темный профиль на черном ночном фоне.

— А другие, кто уезжает, тоже глупость совершили? — ровным механическим голосом сказала она.

— У каждого свои причины, — пожал плечами Алексей. — Но уезжать тебе на родину предков, которую совсем не знала и не знаешь, лишь для того, что это — их родина, а для тебя-то она ничего не значит — это бессмысленно. Для тебя ближе вот эта страна, — и Алексей снова обвел окоем, показывая. — Вот это и

есть твоя настоящая родина, а не та, про которую пытаются вам мозги запудрить и где тебя совсем не ждут. Не нужна ты никому и дяде Вилли — тем более. Почему они решают за всю вашу родню? Для чего хотят перетащить туда, а кому не понравится, тот может поискать счастье в других странах. Получается как в сказке «Поди туда — не знаю куда...» А ты еще хочешь детей за собой увезти. Увезти, не знаешь — куда, хотя и пытаешься доказать, что у детей будет светлое будущее. Подумай...

Он постучал пальцем по лбу и снова тишина.

— Ты помоги с отъездом, — она долго молчала, и всё же решила сделать по-своему, даже не по ее, а как дядя Вилли с братом решили, и это было самое обидное, честно сказать, что в их семье принимают решение не они сами, а чужие люди, которые и считаются близкими родственниками и заставляют принять это решение, потому что они как бы заботятся о родственниках. — Помоги с деньгами.

Да, было заметно, что Гера уже давно приняла решение перебраться в Германию — страну своих предков, и ее уже ничто не остановит. И не важно, с ним или без него, но она все равно туда отправится. Она стоит рядом, а душой давно там. И, наверное, ночами, вместо того, чтобы спать, она лежит и мечтает, как уедет туда и заживет настоящей жизнью, а не останется прозябать в этой стране, которая как бы считается родиной, но в то же время, она чувствует себя здесь совершенно чужой. А теперь всё должно встать на свои места. Ведь многие уже перебрались в другие страны. Квартиры бросали, если не находили покупателей, брали билеты и отправлялись на родину предков, а оттуда еще куда-нибудь и еще... И так ездили из страны в страну, искали свое счастье. А как же родина предков, ради которой они бросили всё и помчались за тридевять земель? Говорят, что родина там, где тебе хорошо. Всё может быть... Алексей пожал плечами...

— Знаешь, Гера, я заметил, что ты хочешь уехать любимым путем, решив, что так будет лучше и для тебя, и для наших детей, потому что, как тебе кажется со слов дяди Вилли, там ждет другая жизнь, — он снова покосился на темный неподвижный профиль на черном фоне ночи. — Честно сказать, я уже устал доказывать, просить и убеждать, что ты ошибаешься. Устал... — Он вздохнул, и еще один окурок звездочкой мелькнул в ночи и исчез среди травы. — Может быть, для тебя будет лучше, если уедешь. Может, и правда, кровь предков заговорила в тебе, и ты ради этого хочешь бросить всё, включая нашу семейную жизнь, и уехать туда. Не знаю... Но я останусь в любом случае, потому что дороже этих мест нигде не найдешь. Вспомни наше знакомство, как валялись

посреди тротуара и смеялись, а люди, словно река, наткнувшись на препятствие, обтекали нас с обеих сторон, чтобы вновь соединиться. Вспомни, как гуляли по весеннему лесу, когда еще только начали проклевываться листочки, а вокруг был такой аромат, хоть ложкой черпай, и воздух призрачно-зеленый. А ты помнишь, каждую осень ездили в парк и гуляли там. Ребятишки носились, бросали охапки листьев вверх и застывали, когда на них опускалась желтая листва. А мы с тобой гуляли по аллеям парка или сидели на скамейке возле пруда и смотрели на золотую осень. Истинно золотая! И не хотелось уходить оттуда. Уезжали, а у каждого внутри оставалась грустинка, что такую красоту мы сможем увидеть лишь в следующем году. А летом пропадали на речке. У нас даже свое место было, — он замолчал, а потом выдохнул. — А теперь ничего у нас не осталось, ни зимы и лета, не весны и осени, а про наши отношения и говорить нечего...

Он махнул рукой и замолчал.

А вскоре жена с ребятишками уехали. Алексею удалось продать квартиру, она была в хорошем районе, и многие мечтали сюда переселиться. Проблем с покупателем не было, тем более что гараж для машины был во дворе. Раньше частенько с мужиками посиживали там. Бутылочку-другую брали и скрывались от семейной жизни, от своих жен, хотя все до одной прекрасно знали, где они находятся и для чего туда ушли, но не препятствовали мужьям. Пусть посидят, по душам поговорят. Всё на глазах, а не где-нибудь в забегаловке на окраине города. А когда нужно было, выходили на балконы и звали своих мужей, и они потихонечку расходились, ссылаясь на многочисленные дела. Квартира продана, гараж тоже. Следом удалось продать дачу. Пусть не так дорого, как хотелось бы, но всё же забрали. А Алексею было жаль дачу. Она досталась ему по наследству от родителей. Уютный домик с открытой верандой, участок земли, на котором росли яблони и две груши, немного смородины и малины, клубника была — крупная и вкусная, а дальним концом участок упирался в берег озера. И там была калитка, а в воде стояли мостки. И после работы, Алексей частенько спускался к воде. Если позволяла погода, скидывал грязную одежду и, охая и вздрагивая, заходил в озеро, окунался с головой, а потом саженками плавал неподалеку от берега, а Гера охала и всё звала его, чтобы прекратил беситься, словно маленький ребенок, и вышел на берег. И грозила пальцем. Да, всё у них было, а теперь ничего не осталось. Ничего, кроме памяти...

Алексей до последнего надеялся, что жена откажется от поездки и останется с ним. Всё же столько лет были вместе.

Дочка и сын родились. Погодки были. Школа за плечами. Готовятся в институт, а потом ждет дорога в жизнь. Но жена не захотела ждать еще несколько лет, пока они одолеют институт, сказала, что там выучатся, тем более это время принесет для них больше пользы, чем если бы остались здесь. Всё же новая страна, изучение языка и планы на будущее там, а не здесь. За годы учебы можно многому научиться. И она надеялась именно на это. А Алексей, что уж тут греха таить, как бы они ни ругались, а жизнь-то прожили. Пусть не всю жизнь, а большую ее часть, но были вместе, и он в душе надеялся, что появится какая-нибудь причина и семья останется. Вернутся, а квартира продана. Да и Бог с ней — этой квартирой. На первое время нашли бы жилье, а там что-нибудь придумали. Деньги от продажи остались. Можно было новую взять или себе однушку и детям на будущее присмотреть, или коттедж за городом и переехать туда, как многие делали, бросая города и подаваясь в природу, чтобы остаться наедине с природой. Но обьявили посадку. Он обнял детей. Они что-то говорили ему, перебивая друг друга, он кивал, соглашаясь с ними, а сам смотрел на жену, на Геру, а она отводила взгляд и всё поторапливала детей, всё подгоняла. Потом мельком чмокнула его в щеку, пообещала позвонить или написать, и они ушли, а вскоре он увидел, как вырулил самолет на взлетную полосу, постоял, ожидая взлета, и стал набирать скорость, разгоняясь всё сильнее и сильнее, и взлетел. А у Алексея, чем быстрее шел разгон, а потом самолет пошел на взлет, внутри словно струнки лопались: дзинь, дзинь, дзинь...

И, вернувшись в пустую квартиру, в которой был только лишь стул, продавленное кресло и чайник с кастрюлькой на плите, а остальное все распродали по-дешёвке, Алексей запил. Крепко! Надолго запил, пытаясь заглушить в себе не разрыв, а потерю семьи. Но с каждой выпитой бутылкой становилось хуже и хуже. Боль и тоска не отступала. Она поселилась в нем надолго, она была в каждой клеточке организма, и избавиться от них не было никакой возможности.

Жена обещала позвонить или прислать письмо. А куда звонить, если телефон сняли и куда письмо придет, если квартира продана. На этот адрес, но когда? Ведь ему нужно освободить жилплощадь для других. Они уже несколько раз приходили, но Алексей был в таком состоянии, что с ним невозможно было разговаривать, да и смотреть на его опухшее и обросшее щетиной лицо тоже не тянуло. Но с каждым приходом новые жильцы, всё чаще и чаще его поторапливали, чтобы он покинул квартиру. Иначе... И многозначительно тыкали пальцем в потолок. Видать, хотели напугать. В

другое бы время Алексей, может быть, и испугался, а сейчас ему было всё равно, что его ждет. Милиция придет или какие-нибудь амбалы ввалятся, переломают руки-ноги и выбросят на улицу. Ведь он же стал никем и ничем в этой жизни, лишившись семьи и детей.

— А где будешь жить? — сказала жена, когда пришлось продать квартиру и дачу, но было видно, что она спросила так, для проформы, можно сказать, потому что она уже в мыслях подсчитывала деньги и думала, что можно будет приобрести там, где их ждет дядюшка Вилли, который бывший Володя. — Где станешь жить?

— Не волнуйся за меня, — Алексей пожал плечами. — Я на своей родине остаюсь. Здесь каждый кустик приютит меня, ведь лето в разгаре. Ладно, я пошутил. Что-нибудь придумаю. Ну, сниму квартиру на первое время или на даче у знакомых поживу, а может, женюсь на какой-нибудь деревенской бабе, у которой никакой родни нет в других странах, и она нарожает кучу ребятишек, а я стану с ними нянчиться...

Сказал, взглянул на нее, вроде улыбнулся жене, а у самого в глазах боль — долгая и тоскливая.

— Ну, если надумаешь жениться, я не стану препятствовать, — ровным голосом, словно робот, сказала она и пожалала плечами, принимая его шутки за чистую монету. — Может, правда, для тебя — это лучшая жизнь, к которой ты стремился, но я не смогла и не помогла воплотить твои мечты в жизнь. Извини!

Сказала, а в глазах — ничего, словно она не с ним разговаривала, а со стеной.

А у него опять полыхнула щемящая боль в глазах, но жена не заметила, и было видно, что она вообще не задумывалась, как он останется один без средств существования. Она уже была в мыслях далеко, и ему не нашлось местечка в ее будущей жизни.

В один из вечеров, Алексей долго бродил по пустой квартире, заглядывая в углы, гремел на балконе, выискивая бутылку, но ничего не обнаружил. Долго сидел на табуретке, посматривая вниз, а в душе пустота. Он уж запутался в днях, не помнил, сколько дней заливает горе. Наверное, сколько ни пей, а горе не зальешь, лишь сильнее себя растравишь, всё больше будешь себя жалеть и обвинять других. Он наклонился, всматриваясь в вечерние сумерки. Земля притягивала. Хотелось перевалиться через перила, и всего лишь несколько мгновений страха, а потом его не станет. Он бы, наверное, даже не закричал, если бы полетел вниз. Всё надоело и жизнь — тоже. Всё осталось в прошлом, а будет ли будущее — он не знал. И спроси у него сейчас, ты хочешь буду-

---

шего, а он бы в ответ лишь плечами пожал. И не потому, что не знает, для чего ему это будущее, если вся его жизнь осталась в прошлом. А может, и правда, напиться до чертиков, чтобы не так страшно было, и шагнуть вниз, чтобы этим шагом оборвать все проблемы, потому что устал от жизни, а другой уже не будет. Он опять принялся бродить по квартире, а сам не мог успокоиться, вспоминая семью. И ругался, и слезы вытирал и опять раздавался мат, но в то же время где-то глубоко в душе он думал: а может, правильно она сделала, что уехала отсюда. Если на родине предков не найдет счастья, отправится в другую страну, а там, глядишь, повезет, и жена с детьми заживут счастливо. Ведь другие люди живут, значит и она должна устроиться в той незнакомой для нее жизни, которая называется родиной предков. Но станет ли для нее чужая страна родиной — этого жена не знает, а он — тем более. А потом отправился в магазин, чтобы взять побольше спиртного, напиться до чертиков, выйти на балкон и...

Он долго бродил по вечерним улицам. Торопиться некуда. Зашел в магазин. Стоял возле прилавка, пересчитывая деньги, но взял всего лишь две бутылки, сунул в пакет и опять побрел по улицам. Давно не ходил, чтобы вот так, бесцельно шагать и ничего не думать, а просто идти и смотреть по сторонам. Кто знает, может он в последний раз видит родной город. И не торопился. Хотелось растянуть это удовольствие, гуляя по городу. Казалось бы, он вырос здесь и каждая улица, каждый переулок, а тем более старинные дома ему известны до последней трещинки. Ведь раньше — сколько они гуляли по городу!

Не заметил, как добрался до заросшего парка, где они любили проводить время осенней порой, когда наступало бабье лето, когда летели паутинки, и казалось, воздух сверкает, и повсюду с тихим шорохом опадали листья. Желтые и еще зеленые, красноватые и совсем коричневые. Они были повсюду. И под ногами, и в воздухе, и над головой, и казалось, что они с семьей находились не только среди них, но и внутри осени. И это было настоящим чудом...

Алексей бродил по аллеям парка. Сейчас лето и нет того осеннего благолепия в природе, но всё равно, даже летней порой здесь прекрасно. Редкие фонари пробиваются сквозь зеленые кроны деревьев, освещая маленькие пятячки на земле. Там и сям виднеются скамейки. Редкие парочки на них. Одни просто сидят и потихонечку переговариваются, словно опасаются нарушить вечерний покой, а другие сидят в обнимку и нет-нет — целуются. А там прогуливаются. Вроде уже поздно, но по аллее неторопливо идет пожилая пара. Он, несмотря на

теплое время, в строгом костюме, галстук заметен, шляпа на голове, при ходьбе опирается на большой сложенный зонт, на который можно опереться, как на клюку, а сбоку, прижимаясь к его локтю, семенит старушка в тёмном платье почти до пят, из-под которого видны белые носочки, а на ногах — открытые босоножки. Теплая кофта на плечах и небольшая кокетливая шляпка на голове. Они прошли мимо Алексея, не замечая его. Старик редкий раз опирался на зонт, что-то вполголоса говорил старушке, и она кивала ему, соглашаясь. И никого для них не существовало в этом мире. Были только они, старый заросший парк и этот вечер, где им было хорошо...

Алексей ушел в дальний угол парка, который одной стороной примыкал к жилым домам. Присел на скамейку, и опять закружились мысли. Хотел было выпить и даже вытащил бутылку из пакета, но, подержав в руках, сунул обратно, заметив неподалеку парочку, сидевшую на скамье. Здесь всё же парк отдыха, а не распивочная, хотя кто его остановит, и снова рука непроизвольно взялась за бутылку. Порыв ветра. Зашумели кроны над головой, и откуда-то донесся едва уловимый запах. Вкусный запах, сладкий и чуточку с горчинкой. Он что-то ворохнул в его душе, словно пробуждая, но ветер затих, и волнующий запах тоже исчез.

Алексей закрутил головой. Поднялся. Думал, ошибся, но снова порывом ветра донесло этот знакомо-забытый запах прошлого. Он задумался, пытаясь вспомнить всё, что было связано с ним. А потом торопливо зашагал к домам, примыкающим к парку. Освещенные окна, кое-где открыты настежь. Лето и жара давала о себе знать. И тут снова что-то знакомое мелькнуло в воздухе. Он остановился. Закрутил головой и торопливо зашагал к ближайшему окну, створки которого были распахнуты. Остановился возле него. Глубоко вдохнул и затаял дыхание, а потом в душе заскребло. Сильно скребануло, до крови, до далекого прошлого. Алексей не удержался, застонал и мотнул головой. Ну как же он мог забыть этот запах. Нет, запах клубники он каждый год чувствовал, когда жена варила варенье. Дети любили его, и жене приходилось помногу заготавливать. И Алексей не придавал ему значения. А тут он был более густым, более насыщенным. Таким бывает, если варенье переварится и всего лишь чуточку подгорит, и тогда запах от него такой густой, что можно брать ложку и пробовать на вкус. Но в тот же миг, клубничный запах напомнил ему далекое прошлое, когда он учился в техникуме, и летом, когда пошел сбор клубники, друг позвал его съездить к родственникам в соседний городок. Казалось, городок ничем не примечательный. Таких много на Руси. Небольшой, старинный, больше

похожий на деревню, чем на город. Сонные тихие улочки. В пыли копошатся куры. А там заблелая коза, привязанная к забору. Видать, хозяйку звала, а может, ждала, но ее хозяйка где-то задержалась и забыла про свою кормилицу. Но дело не в этом. Когда они приехали и направились улочками к родственникам друга, отовсюду доносился запах клубники. Казалось, весь городок варит варенье, и это было необычно, потому что кроме клубничного запаха других тут не было. Из каждого двора, из каждого распахнутого окна доносился тягучий сладко-приторный запах немного переваренного, а потому густого и ароматного варенья.

Уже ближе к вечеру, родственники друга засобирались в гости, предупреждая, что вернутся нескоро, можно укладываться спать, не дожидаясь их. А следом засобирался друг, у которого здесь была девушка. Алексей отказался его сопровождать. Остался. Посидел на крыльце, а потом зашел в сад, где тянулись грядки с клубникой, а ее было красным-красно. И не удержался, присел на корточки и принялся обрывать одну за другой. И поперхнулся, когда из-за забора донесся тихий девичий смехок. Он вскочил, закрутил головой и снова послышался смехок, а потом качнулись кусты малины, и возле забора показалась худенькая девушка в простеньком платье, выцветшие волосы заплетены в косички. Она стояла, крутила одну косичку между пальцами, а сама того и гляди расхохочется, глядя на его лицо, испачканное клубникой. И засмеялась, а потом она прислушалась, оглянулась на свой дом и поманила его пальцем. Сам того не ожидая, Алексей шагнул к ней...

— Вы к Филимоновым приехали? — неожиданно сказала она, когда Алексей пролез в дыру забора и чуть ли не нос к носу остановился перед ней.

Алексей непроизвольно пожал плечами. А ведь он и правда не знал, как фамилия хозяев, к кому приехал с другом.

— Я с Петькой Марковым приехал к его родственникам, а как фамилия — не знаю, — хриловато-осевшим голосом чуть ли не прошептал Алексей и невольно оглянулся, не услышит ли кто-нибудь. — Я с Петькой... Вместе учимся...

Девчушка прыснула и тут же едва заметные веснушки разбежались по лицу. Она чуть придвинулась. От волос пахнуло ромашками, и она принялась поправлять их, и вот здесь-то Алексей почувствовал густой сладкий привкус клубничного варенья. Казалось, протяни руку и, если не обожжешься, попробуешь его. И Алексей не удержался. Взял ее руку в свою и уткнулся в узкую ладошку, вдыхая этот клубничный запах, словно пил его. И застыл, не выпуская руки.

И девушка стояла и молчала, продолжая держать свою руку в его ладони.

— Это вареньем пахнет, — неожиданно тихим голосом сказала она. — Много уродилось клубники. Все заняты вареньем и мы — тоже, — а потом сказала: — А пошли на речку? Я свое место покажу.

И они пошли.

Небольшой обрыв, на краю толстое бревно, и было видно, что она здесь частенько бывает. Высохший пяточок травы под ногами, листок бумаги исписанный, а рядом шариковая ручка валяется. Она вдруг смутилась. Подхватила ручку и листок и торопливо подсунула под бревно, подальше с глаз. Присела. Похлопала ладошкой по бревну, приглашая его. И Алексей присел, но ему казалось, что от нее до сих пор пахнет пригоревшим клубничным вареньем, а запах густой и тягучий, хоть попробуй его...

Они долго сидели возле речки. Говорили обо всем, но в то же время ни о чем. То взхлеб что-то рассказывали друг другу, то надолго умолкали и снова перебивали друг друга, словно всю свою жизнь хотели уместить в один разговор.

— Алешка, хочешь купаться? — неожиданно она вскочила и, не обращая внимания, рывком сдернула платишко, оставшись в белых трусиках. — Беги за мной!

И съехав с обрывчика, она в вечерних сумерках пробежала по мелководью и забарахталась, поднимая брызги.

Алексей не ожидал этого. Остался на бревне. Танечка смеялась, шлепая руками по воде, а у него перед глазами стояла картина, как она сорвала платье, и перед ним мелькнула маленькая грудь. И Алексей растерялся. А может, напугался, потому что еще никогда с ним такого не происходило, и поэтому остался на берегу, а не помчался вслед за ней.

И снова перед его лицом мелькнула девичья грудь, когда Танечка выбежала на берег и, балуясь, принялась носиться возле него, брызгаясь водой. А потом, кое-как натянув платье, она присела рядом и притихла.

— Ты, наверное, думаешь, что я дурочка? — тихо сказала она. — Ни с того, ни с сего кинулась купаться, да еще в таком виде.

— Нет же, нет! — вскричал Алексей, схватил ее за руку и снова уткнулся в ладошку, и опять показалось, что от нее исходит густой и тягучий запах подгоревшего клубничного варенья. Не речной водой пахло, а вареньем и это было необычно. — Нет-нет, Танечка, я так не думаю! Ты самая удивительная девушка, которую я встретил на своем пути. Ты необычная, ты словно из прошлого появилась, чтобы со мной встретиться. И мы встретились...

Сказал и снова прижался лбом к ладошке.

— А ты хочешь еще встретиться со мной? — снова тихо сказала она. Так тихо, будто ветер прошелестел по листве. — Вот здесь, вот на этом же месте...

— Да-да, конечно! — опять вскричал он и вскочил, продолжая держать ее руку. — Да, хочу, чтобы мы виделись. Но я со дня на день уеду на дипломную практику. Через несколько месяцев вернусь.

— Я буду тебя ждать, — она похлопала ладошкой по бревну. — Вот здесь буду ждать. Всегда. Всю свою жизнь. Ты веришь мне?

Она посмотрела на него, а взгляд словно обжигал, будто в душу хотела заглянуть, и ему становилось не по себе от этого.

— Да, конечно, верю! — он закивал головой. — Как только вернемся с практики, я приеду. А потом будет защита диплома. И я приеду, чтобы...

И не смог сказать, замолчал.

— Я всё знаю, — она провела ладошкой по его щеке. — Знаю, что придешь. Вот сюда, — она снова ткнула пальцем в бревно. — Вот здесь мы опять встретимся. А теперь пошли...

Она поднялась и пошла впереди него. Плечи поникли, голова опущена. Она шла медленно, о чем-то думая. А возле калитки остановилась. Прижалась к нему. Крепко. Сильно. Схватила в ладошки его лицо и долго смотрела ему в глаза, а взгляд у нее был какой-то бездонный. Снова всем телом прижалась и оттолкнула.

— Иди, — поблекшим голосом сказала она. — Но помни, я буду ждать тебя. Иди...

И сама направилась к своему дому, ни разу не оглянувшись.

А на следующий день они уехали. Дружок посмеивался над ним, что с Танькой-дурочкой гулять ходил, а он возмущался: да никакая не дурочка, а самая что ни на есть нормальная девчонка. А дружок отмахнулся — дурочка!..

Много лет прошло с той поры. За повседневными заботами-хлопотами как-то стерся образ той милой Танечки. Закружили дела, практика, защита диплома, потом работа и неожиданная встреча с Герой, которая и решила его судьбу, а может, помогли решить еще слова дружка, что Танюшка — дурочка. И всё, что у него было в памяти о том необычном и даже немного странном вечере, как-то незаметно исчезло. А сейчас, по прошествии стольких лет, вдруг неожиданно всплыло и так ярко, с такими подробностями, что он даже помнил привкус этого подгоревшего варенья и ее узкую ладошку и милые мелкие веснушки, которые разбегались в разные стороны и пря-

---

тались среди морщинок, когда она смеялась. И тот взгляд, словно в душу заглянула. Заглянула и там осталась, чтобы через много лет напомнить о себе. И Алексей поспешил домой. Заторопился, чтобы вновь встретиться с ней, с той девушкой из далекого прошлого, которая обещала, что дождетя его...

Он подхватил сумку, где была смена белья, рубашка и джинсы, бритва и зубная щетка, ну и пара книг, конечно, и всё на этом. Всё, что осталось у него от семейной жизни. И Алексей поспешил на вокзал.

Подошел автобус. Он присел на боковое сиденье и уткнулся в стекло. Салон наполнялся пассажирами. Вскоре прохрипел динамик. Мотор взревел, и автобус отправился в соседний городок, но скорее всего, что в его прошлое. Ведь столько лет прожил, сколько раз бывал в том городке, и ни разу в душе не ворохнулось, словно ее и не было вовсе — этой Танюшки, которая обещала его дожждаться. И не было вечера на реке, когда она сбросила платье и помчалась в воду, а потом вышла из воды, а по коже мурашки пробежали, и ладошки пахли не речной водой, а клубничным густым вареньем, и это было удивительно, она словно пропиталась этим запахом.

А когда мелькнул пригород, сердце защемило. Куда, для чего он поехал, на что понадеялся? Столько лет прошло. Вечер у реки всего лишь мгновение, но в то же время — это целая жизнь, где он, как ему казалось, был счастлив. Да-да, в то время он был по-настоящему счастлив, а сейчас... Сейчас он не знал. И получается, ехал в неизвестность...

Казалось, время застыло в этом старинном городке, когда он вышел из автобуса и пошел по узким сонным улочкам, залитым солнечным светом. Всё так же копошились куры в пыли, у забора привязана коза, которая продолжала ждать хозяйку. Но главное, как и в те времена, вокруг был запах клубничного варенья, а может, он сам находился в этом столь дорогом для него запахе. Тягучий, сладкий и чуть пригоревший, он со всех сторон окружал Алексея и был таким плотным, что казалось, протяни руку и попробуешь его.

Алексей долго бродил по сонным улочкам в поисках нужного дома. Он уж давно забыл, где находился дом, куда он приезжал с дружком, а теперь приходилось ходить и чуть ли не в каждый двор заглядывать, надеясь, что там увидит Танюшку. Ту Танюшку, из своего прошлого, у которой ладошки пропахли клубникой. Ту Танюшку, у которой взгляд обжигает, словно она в душу заглядывает. Скорее всего, заглянула и там осталась, а он не увидел, не понял ее и за повседневными заботами забыл о ней, а сейчас вспомнил. Для чего? Он не знал...

— Что в каждый двор заглядываешь? — неожиданно раздался старческий голос, и Алексей увидел сухонькую старуху, которая сидела на крыльце и перебирала полный таз клубники. — Уж продаю-продаю, а она не кончается. И варенья наварила, и настоечку сделала, а она прёт, как на дрожжах. Вот еще разок сделаю варенье для внучат и больше не стану собирать. Устала! Пушай гниет, — и опять сказала, приложив ладошку к глазам. — Что заглядываешь, аль кого разыскиваешь? Не припомню тебя...

Сказала и развела руками.

— Я всего лишь один раз приезжал с другом, — он запнулся, нахмурился, а потом шлепнул по лбу. — Мы же к его родне приезжали, к Филимоновым. О, вспомнил!

И опять шлепнул по лбу.

— Филимоновых на мазарки снесли, — старуха махнула рукой, показывая на кладбище. — Давно уж снесли, а в доме дочка Филимоновых живет. К ней, что ли, приехал? Так она за мужиком...

— Нет-нет, не к ней, — отмахнулся Алексей. — У них соседка была, Танечкой звали. Худенькая девушка с косичками ходила. Вы не скажете, где она сейчас?

И застыл, ожидая ответа.

— А, дурочка, что ли? — протянула старуха. — А что с ней делается-то? Здесь она. С ранней весны и до поздней осени бегаёт на речку. Будь потеплее, и зимой бы помчалась, дурочка. Всё ждёт кого-то, — и тут же глянула на него. — Вот скажи мне, мил-человек, разве умная баба станет всю жизнь кого-то ждать, а? Нет, конечно! Умная бы давно замуж вышла, детишек нарожала и мужика бы ублажала, а этой дурочке нечем заняться, вот и бегаёт на речку, — сказала, а потом нахмурилась и принялась всматриваться в него. — А случаем, не тебя ли она поджидает?

И, прищурившись, внимательно поглядела.

— А где она? — у Алексея внутри всё сжалось. — Где Танечка?

Алексей не стал отвечать на ее вопрос. Не хотел, а может, не решился. И ответ старухи резанул — дурочка...

— Так это... — старуха вновь махнула рукой. — Одна живёт. Родителей схоронила. Ой, давно уж померли! Вот с той поры одна и одна. Умная баба мужика бы в дом взяла, а она всем от ворот поворот показывала. Дура, как есть — дура! — и снова пристально взглянула на него. — Я ж говорю, на речке она. Сидит и ждёт, когда он зайвится, — и ехидно так сказала. — На своем месте, если знаешь его.

Алексей закивал головой, а потом заторопился вдоль улицы, не замечая, как старуха навалилась на забор и долгим взглядом

проводила его, а сама что-то шептала, покачивая головой. Может, Танечку опять называла дурочкой, как все звали ее, а может, радовалась за нее, что дождалась его, а сложится ли жизнь или снова не того дождалась — это жизнь покажет...

Алексей проулками добрался до реки. Долго шагал вдоль берега. Останавливался. Оглядывался. Столько лет прошло. Всё изменилось. Он хмурился, пытаясь вспомнить те времена, и снова пускался в дорогу. А потом спустился по пологому склону, прошел рощей до речки и оказался на небольшом обрыве, где все так же лежало старое бревно, но сейчас казалось, что оно стало поменьше — время не шадит ничего, а деревья — тем более. А на бревне, спиной к нему сидела худенькая женщина в простеньком платье. Не русые, выгоревшие, а седые волосы заплетены в косички. В морщинистых руках блокнот и ручка. Она сидела, смотрела на речку, на воду и небо, и что-то писала в блокноте. Остановится. Задумается. Потом едва заметная улыбка на лице и снова о чем-то пишет...

— Танечка... — сначала несмело позвал Алексей и увидел, что женщина вздрогнула, услышав его голос, и он уже громче сказал. — Танечка, я вернулся. Да-да, я обещал, что приеду. Пусть поздно, но я...

И не договорил. Замолчал и смотрел на нее, как она медленно, словно еще не веря, поворачивалась к нему.

Алексей увидел перед собой давно не ту Танюшку, с которой провел вечер возле реки. С которой смеялся и жаром обдало, когда она скинула платье и помчалась купаться, а в вечерних сумерках была видна ее девичья грудь. И не та Танюшка, веселая и смешливая, а порой серьезная, которая всё допытывалась, придет ли он, а она будет ждать. Столько ждать, сколько потребуется и прижалась к нему — крепко, всем телом. И не было сейчас русских косичек, исчезли мелкие веснушки в частой сетке морщин. А когда она шагнула к нему и заглянула в глаза, ему показалось, она заглянула в душу. Танюшка молчала. Смотрела на него, а потом присела на бревно, и похлопала узенькой ладошкой по нему. И Алексей присел. Взял ее ладошки и уткнулся в них, и вновь ему почудилось, что от них исходит тягучий приторный запах клубничного варенья. И показалось, что снова он вернулся в далекое прошлое, где были они и река, тот вечер и долгий разговор, и её руки, пахнувшие клубникой.

— Алеша, я знала, что вернешься, — сказала она. — Ты не изменился. Всё такой же молодой и так же, как в нашу первую встречу, уткнулся в ладони. А я снова варенье варила. И опять недоглядела. Подгорело. Мыла руки, мыла, а запах так и остался.

Она говорила и говорила, смотрела на него, пытаясь заглянуть в глаза, а может, в душу, но Алексей опускал голову, избегая взгляда. Вот она, Танечка, а в то же время ее не было рядом с ним. Не было той Танечки, которой он обещал, что вернется. И на что он надеялся, когда поехал сюда — Алексей не знал. И его не было, того стеснительного и восторженного паренька, который, как казалось ему, с первого взгляда влюбился в эту сумасбродную девушку с косичками, которой пообещал, что вернется, но за повседневными заботами забыл про нее, а потом встреча с Герой изменила всю его жизнь, а теперь на бревне возле реки сидит седая поблекшая женщина, и он — пока еще не старый, но уже больной человек, который непонятно на что надеялся, когда отправится сюда. Прошлое не вернешь, а будущее уже не построишь — это нужно было понять и принять...

— Танечка, мне пора уезжать, — вскоре сказал он, и опять вдохнул запах клубники, а потом, едва касаясь, поцеловал жесткие мозолистые ладошки. — Мне пора...

Сказал и поднялся.

— Алеша, ты, наверное, думаешь, что я дурочка, — старая женщина пыталась удержать его руки. — Столько лет прождала тебя. А ты появился и снова уезжаешь.

— Нет же, нет, — вскричал Алексей. — Ты самая прекрасная девушка, которую я встречал в своей жизни, но мне нужно ехать.

— Ехать? — она сказала задумчиво, поднялась с бревна, потянулась к нему и внимательно посмотрела в глаза, словно в душу заглядывала, а потом отпустила и тихо сказала. — Ты вернешься, Алеша?

— Да, конечно, я вернусь! — опять вскричал он, подхватывая сумку. Настанет время, и приеду к тебе. Обязательно вернусь!

— Я буду ждать, — она похлопала ладошкой по бревну. — Вот здесь буду ждать. Год, а может два, пять или десять лет, да какая разница. Всегда. Всю свою жизнь буду ждать тебя. Придешь?

Она посмотрела на него, а взгляд обжигал, будто в душу заглянула, и ему стало не по себе от этого.

— Да, я вернусь, когда наступит лето и в воздухе запахнет клубничным вареньем, — Алексей закивал головой. — И я приеду к тебе, чтобы...

И не смог сказать, замолчал.

— Я знаю, — Танечка провела ладошкой по его щеке. — Знаю, что вернешься. Вот сюда, — она снова ткнула пальцем в бревно и повторила. — Через год или два, через пять лет или десять, но вернешься. Вот здесь мы встретимся, как в прошлый раз, как и сегодня, так и в будущем. А теперь иди...

Нет, подожди, — она прижалась к нему всем телом, пытаясь заглянуть в глаза, а потом оттолкнула. — Иди...

И Алексей поспешил на вокзал, чтобы успеть на последний автобус.

...Миловидная стюардесса появилась в проходе между креслами. Улыбаясь, она сказала, что вскоре лайнер совершит посадку и всем нужно пристегнуться ремнями безопасности, а потом стала говорить на немецком и английском языках.

Алексей покосился в иллюминатор, за которым было видно облачное небо и редкий раз в просветах мелькали реки и леса и тут же исчезали, а потом вдалеке появился город.

— Ну вот, Алексей, теперь здесь наш дом, — сказала Гертруда и погладила по плечу, словно успокаивала. — Рыба ищет, где глубже, а человек где лучше, как в России говорят. Здесь совершенно другая жизнь, которая тебе обязательно понравится...

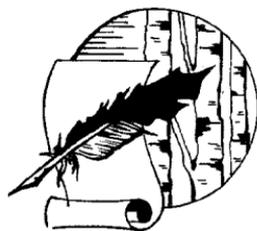
Алексей не ответил. Ему не хотелось думать о будущем, которое было каким-то расплывчатым и нетвердым. Но в то же время, не хотелось возвращаться в прошлое, от которого он сбежал, оставив ту единственную, как казалось, которую он любил многие годы, и она обещала ждать его — год или два, пять или десять лет — всю жизнь, а он пообещал вернуться. Обещал, но не вернется, потому что понял, что время ушло и поздно что-то менять в этой жизни.

И тут ему показалось, что откуда-то донесся запах свежей клубники, невольно напоминая о прошлом, напоминая о Танечке. Ведь он же хотел забыть о прошлом, но почему же так сладко заныло сердце, когда в салоне пахнуло клубникой и ему показалось, что сейчас появится Танечка в простеньком ситцевом платье, подойдет к нему, и он уткнется в узкие ладошки, пропахшие клубникой, вдохнет и затаит дыхание...

— Всё, Алексей, выходим, — сказала Гертруда и кивнула на иллюминатор. — А вон дети встречают. И дядя Вилли с машиной ждет. Торопись...

И она поднялась.

Алексей опять выглянул в иллюминатор и среди встречающих, он заметил детей, которые стояли и махали руками, привлекая к себе внимание, что они здесь, они ждут и радуются, что наконец-то отец с ними. Алексей нахмурился, а потом едва заметно улыбнулся, поднялся и нерешительно шагнул по проходу, но с каждым шагом он всё тверже и тверже ступал по нему, навсегда прощаясь с прошлым, и шагал навстречу будущему, а каким оно будет — он не знал...

Геннадий ФРОЛОВ
(1947 — 2021)

Геннадий Васильевич Фролов родился в Курске. Детство и юность прошли в Орле, куда в начале 50-х переехали его родители. В 1971 году окончил Литературный институт имени А.М. Горького и остался в Москве. Автор многих поэтических сборников. Член Союза писателей СССР с 1987 года. Работал в издательствах «Современник», «Советский писатель», в московских литературных журналах. Лауреат литературной премии имени Александра Прокофьева «Ладога» (2015 г.).

НЕ ЗАПЛАЧУ И НЕ ЗАТОСКУЮ...

* * *

Час за часом, день за днем,
Год за годом, век за веком
Всё, нам кажется, идем
Мы путем как будто неким.
Все-то мнится нам — вдали,
За иссякшей силой взгляда, —
Тем — спасение земли,
Этим — только тьма распада.
Хоть и знаем, вдаль спеша,
То, что всюду неизменно
В каждый миг несет душа
Их в себе одновременно.
Что не завтра — там, куда
Увлекает нас движенье,
Здесь, сегодня и всегда,
Нам даны они с рожденья.
Что пространства в мире нет,
Что и время преходяще,
Что грядущей жизни свет
В нашем светит настоящем.

---

* * *

Как можно требовать от других
Того, что сам им не можешь дать?
Что же, давай выползай, мой стих,
Из того, без чего не видна звезда.
А звезда не видна без крошечной тьмы.
Разве от света отделишь свет?
Где вы, страдавшие на земле умы,
Сердца, прочертившие в мире след?

О вас сказать бы — да слов не найти.
О себе подумать бы — да мыслей нет.
Снова белая яблоня стоит на пути,
Снова с розовой вишни слетает цвет.
Пробивается из лиловой грязи трава,
Огуречник шершавый запахи льет.
И такая над садом нежная синева,
Что ни час не важен, ни день, ни год.

Только теперь я понял в этой глуши,
Отчего блажен тот, кто духом нищ,
Когда все грехи, что я совершил,
Вошли в назём, как зола с пепелищ.
Наконец-то ни каяться я не хочу,
Ни лелеять в сердце к себе былому мечь,
И впервые не страшно мне знать, что вручу
Господу душу такой, как есть.

* * *

От солнечных ярких пятен
Стал сад предвесенний сыр
И беден, и необъятен,
Как весь этот Божий мир.

Как мир этот Божий, где мы,
Хотя и видны пока,
Не более, чем поэмы
Зачеркнутая строка.

Строка, вариант которой
Не плох был, а между тем
В поэме уже готовой
Иначе звучит совсем.

---

* * *

Убегают к лесу провода,
В пятнах снега мартовское поле.
Родина моя, моя беда,
Не свободы ищем мы, а воли.
Ну а воли хватит у тебя.
Разве жаль тебе ее для сына?!
Родина моя, моя судьба,
В сумрак уходящая равнина.
Там, где рельсы осветлил закат,
Где торчит шлагбаум одноруко,
Снова видит пристальный мой взгляд
С фонарем стоящую старуху.
По ветру седая вьется прядь,
Гнется воротник ее шинели.
Ей ли о грядущем горевать,
Прошлое отплакав еле-еле!
Налетит грохочущий состав,
Торопливо мусор закружится.
Хорошо, от странствий приустань,
Никуда душою не стремиться.
Тонет поле вязкое во мгле,
Тонет радость краткая в печали.
Вот уже, как уголья в золе,
Над землею звезды замерцали.
Ничего не пожелаю вновь,
И былых желаний слишком много.
Родина моя, моя любовь,
В никуда ведущая дорога.
Добреду до мокрого леска,
Все свои припомню пораженья.
Родина моя, моя тоска,
Нам и в воле нет освобожденья.
 Попрошусь к старухе ночевать,
Встану на бессолнечном рассвете.
Ничего не надо понимать,
Ни за что не надо быть в ответе.
Надо в печь поленья подложить,
Пусть зайдутся в пламени и дыме.
Невозможно в мире заслужить
Благодать деяньями своими.
В жажде справедливости о зле
Что твердить с отчаяньем и жаром! —

Ведь совсем недаром на земле
Всё, что надо нам, дается даром.
Выйду, сном коротким освежен,
И пойду на дальние березы.
Родина моя, несмолкший звон,
Ветром осушаемые слёзы.
Как с тобою песню мне допеть,
Как высокий голос твой дослушать,
На твоём просторе умереть,
Одинокой думы не нарушить?
Не боюсь ни жить, ни пропадать,
Мы с тобою оба одиноки.
Родина моя, больная мать,
Ни к чему загадывать нам сроки.
Или небосвод над нами пуст,
Чтоб была погибель нам случайна?
Родина моя, нелгущих уст
Словом заповеданная тайна.

* * *

На тему вечную предательства
Я ничего не написал
Не оттого, что это качество
В самом себе не замечал;

Нет, с первых дней существования,
С полузабытых детских дней,
Я предавал до содрогания
Себя и близких, и друзей;

Я предавал траву с деревьями,
Ночную тьму, сиянье дня —
Всё, что однажды мне доверилось
Иль положилось на меня;

С какой-то спешкой оголтелую
Как бы боялся не успеть! —
Вот так я делал, так я делаю,
И так я делать буду впредь,

Все нарушая обязательства,
А потому, пока дышу,
На тему вечную предательства
Я ничего не напишу.

---

* * *

Луна замерзает, как белая мышь,
В сугробы уходят дома.
И вьется поземкой с синеющих крыш
По комнате грязной зима.

Она наметает сугробы в углах,
Морозным трясет рукавом,
И, как сумасшедшая, пляшет впотьмах,
Свивая пространство жгутом.

От двери до окон не сыщешь следа.
Как пестрый лоскут, тишина
Трепещет от ветра, и снова беда,
Как запах мимозы, нежна.

И смерть, соболиную выгнувши бровь,
Глядит на страстей кутерьму,
Где мир из безумья рождается вновь,
Чтоб вновь устремиться к нему.

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

Упала башня Вавилона,
И прокатился над землей
Объединяющего стона
Уже разноязыкий вой.

И пыль всё тучею объяла,
И каждый к каждому зывал,
Но горло звуки искажало,
И слов никто не понимал.

Когда ж опять пробилось солнце,
То, на все стороны земли,
Как от иссохшего колодца,
От башни люди побрели.

Они брели, таясь друг друга,
Пожитки жалкие влача;
Сходясь же вместе — от испуга
Невольно пятились, рыча.

Язык звериный стал им ближе,
Чем человеческая речь,
Которой в гордости бесстыжей
Они не думали беречь.

Но поколение сменялось
За поколеньем. Шли года.
Уже потомкам представлялась
Всё поправимее беда.

И терпеливо постигали
Они чужие языки,
И снова башни воздвигали —
Бесчисленны и велики.

Но меж камней столпотворенья
Всходила прежняя трава.
И лишь иллюзию общенья
Давали мертвые слова.

И снова башни разрушались,
Народ вздымался на народ.
И снова в мире воцарялись
И страх, и гибель, и разброд.

И жив он — явно или тайно —
В нас древний Вавилон досель!
И не случайно, не случайно
Вскипает войн гражданских хмель!

И льются крови братской реки,
Пожар вздымается, багров!
И на земле уже вовеки
Не отыскать всеобщих слов.

Разрушено единство мира,
Распалась родственная связь.
Здесь каждый сам себе кумира
Творит, чужого убоясь.

К кому мы руки простираем,
Как дети малые впотьмах?
Ведь мы других не понимаем
И на родимых языках.

Да что — других! Когда мы ночью,
Край одеяла теребя,
Порою из последней мочи
Понять стараемся себя,

Мы постигаем в потрясенье,
Что нам невнятен наш язык!
И в немоту, как бы в спасенье,
Бросаемся, зажавши крик.

И пьем забвенью полной чашей,
Покуда тяжкий длится сон,
Пока для строек новых башен
Нас не разбудит Вавилон.

И мы, проснувшись на рассвете,
Сумеет вновь не замечать,
Что нет в нас слов себе ответить
И нету сил, чтобы молчать!..

* * *

Много мелких сыпучих предметов
Надо в доме иметь, чтобы он
И зимой, и весной, и летом
Был хранением их поглощен.
Чтоб не ведал он времени знаясь
С пустотою бесплодных затей,
Чтобы было ему, чем заняться
Среди долгих осенних ночей.
Я в примету уверовал крепко,
Я в коробку свалил для него
Груды пуговиц, кнопок и скрепок,
И еще там не знаю чего.
И теперь, как свихнулась эпоха,
Под которую время ушло,
Он один, как бы ни было плохо,
Мне внушает, что всё хорошо.
И в ответ на глухие стенанья
Моему повторяет уму,
Что ничто не грозит мирозданию,
Если есть о чём думать ему.

Что уж если чего по привычке
И бояться до смертной тоски,
Так того, что вдруг кончатся спички,
А не мир разлетится в куски.

* * *

Снег в саду синей, чем молоко,
Розовато-мокры ветви вишен.
Сер восток, но запад — высоко —
Словно огненным узором вышит.
Запах талых почек и воды,
Лужи, подмерзающие к ночи.
За день не свершенные труды
Тяготят сейчас меня не очень.
Может быть, не стоило бы мне
Этой беззаботною печалью
Утешать себя, но по весне
Как бы легче тяжесть за плечами:
Тяжесть бед минувших, тяжесть лет,
Что, подьемаля взгляд к небесной шире,
Где играет в переливах свет,
Можно вновь подумать — будто нет
Ничего законченного в мире.

* * *

Сбрось и тоску, и усталость!
Полон стакан до краев!
Это не старость, не старость,
А ожиданье ее!
Это не горе, не горе —
Скорый приход сентября!
Теплое мерное море —
Время колышет тебя.
Слышишь в ночи бормотание
Неповторяемых строк? —
Это гранитные камни
Вечность стирает в песок.
Это в движеньи движенье,
Скрежет и музыка слов,
Грохот кораблекрушений,
Гул бесконечных валов.

Ливня удары по крыше,
Шорох, неслышный почти —
Радости нету превыше
Слушать и слушать в ночи
Это развитие темы,
Этот сырой перепляс
Ритмов невнятной поэмы,
Сложенной кем-то для нас!

* * *

Не заплачу и не затоскую
Оттого, что я умер уже.
Я тебя ни к кому не ревную,
Ни к единой на свете душе.
Ведь ни ревность, ни злоба, ни зависть,
Ни горячая страсть, ни тоска —
Не разбудят уснувшую завязь,
Не раскроют на ветке листка.
Лишь осыплются неумолимо,
Словно с крыл мотыльковых пыльца.
А любовь ни на что не делима —
Ей ни времени нет, ни конца.

МРАЧНАЯ АНТИУТОПИЯ

1

Английского писателя Джерома К. Джерома (1859—1927) знают во всем мире. Знаменитым его сделали «Трое в лодке, не считая собаки». Ни одно из последующих произведений не достигало до той оглушительной славы, которую принесла писателю эта повесть. Между тем в творческом наследии Джерома есть и другие книги, о которых хочется напомнить. Одна из них — рассказ «Новая утопия», появившийся 130 лет назад.

По смыслу это классическая антиутопия, и родилась она в атмосфере расслабленной Европы конца XIX века. Джером ухватил то общее, что объединяло различные течения мысли в Европе тех лет — идеал уравнительности, которая начиналась с социально-экономической сферы (уравнивание доходов, имущественного положения), постепенно распространяясь на все аспекты жизни человека.

Главный герой рассказа, от имени которого идет повествование, обедает со своими передовыми друзьями в национально-социалистическом клубе Лондона. Тема разговора друзей — идеальное устройство общества. Модель такого общества в их умах давно отшлифована, они проговарива-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ют её в сто первый раз. «Лозунгом их было равенство человечества — полное равенство во всем: имущественное, общественное, равенство обязанностей и, как следствие всего этого, равенство в счастье и довольстве. Мир принадлежит всем одинаково и должен быть разделен между всеми поровну. Труд индивидуума — собственность не его, а государства, которое его кормит и одевает, и должен быть направлен не к увеличению личного благосостояния, а к обогащению нации».

Придя домой, главный герой засыпает и просыпается через тысячу лет. Оказывается, все эти века человечество охраняло нашего героя, поместив его в «Музей редкостей» и терпеливо ожидая его пробуждения. Первый, с кем вступает в контакт наш герой, — «благородный старичок-джентльмен», сотрудник музея. Он и становится путеводителем нашего героя по Лондону. Старичок предваряет экскурсию следующими словами: «Мы здорово-таки потрудились, пока вы спали. Смею сказать, мы превратили землю в совершенство. Теперь никому не позволяют делать глупости и допускать несправедливость. А что касается до равенства, то и лягушкам за нами не угнаться».

Люди, которые встречались герою во время экскурсии по городу были удивительно одинаковы. Во-первых, «все были одеты, как и мой спутник, в пару серых брюк и серую тунику, туго застегнутую на шее и стянутую у талии поясом». Во-вторых, «все были гладко выбриты и черноволосы». Наш герой решил, что все они — близнецы. Нет, оказывается, как разъяснил старичок, всем было приказано выкраситься в черный цвет: «Так решило большинство».

Нашего героя очень удивило, что в городе ему встречались одни мужчины. На вопрос, где же женщины, старичок ответил, что они, оказывается, вокруг. Их примерно столько же, сколько мужчин. Просто они одинаково одеты и выкрашены, но при этом вполне различимы по металлическим номерам, прикрепленным к воротнику. У женщин номера четные, а у мужчин — нечетные.

В ходе разговора наш герой узнает, что у граждан уже давно только номера, имен нет. В самих именах было усмотрено неравенство. Старичок терпеливо разъяснял нашему герою: «Одни звались Монморанси и на этом основании свысока глядели на Смитов. Смиты не хотели смешиваться с Джонсами и т.д. в этом духе. Порешили упразднить имена и пронумеровать всех. Монморанси поначалу противились. Но Джонсы и Смиты оказались в большинстве».

Однако в номерах и числах ведь тоже заложено неравенство, как с этим? Старичок разъясняет, что до тех пор, пока в обществе существовало понятие «богатство», которое изме-

---

рялось числами, миллион был больше ста или десяти, но с упразднением богатства люди стали относиться к числам индифферентно: «Теперь номер сто считается ничуть не выше и не ниже номера миллион».

Постепенно выясняется все больше таких деталей жизни «дивного нового мира», от которых нашего героя охватывает ужас. Так, в городе было очень жарко, ему захотелось умыться. Старичок говорит, что придется некоторое время потерпеть: «Нет, нам нельзя мыться самим. Нужно подождать до половины пятого, а затем нас умоют к чаю». И далее по тексту: «Умоют?! — воскликнул я. — Кто? — Государство». Все граждане должны быть чистыми одинаково, никто не должен отклоняться от стандартов чистоты ни в ту ни в другую сторону.

Старичок «рассказал мне, что они нашли невозможным поддерживать равенство, если каждый моется самовольно. Одни мылись три или четыре раза в день, тогда как другие не касались воды и мыла в течение целого года, следствием чего и явились два ясно разграниченных класса — чистых и грязных. И старые классовые предрассудки стали оживать. Чистые презирали грязных, грязные ненавидели чистых. Чтобы положить конец расколу, государство решило само производить умывание, и каждого гражданина отныне умывают дважды в день специально назначенные государством чиновники; частное же умывание запретили».

Устроители «дивного нового мира» стали замечать, что им придется исправлять не только «вредные привычки», но и недочеты природы. Различия людей порождаются отчасти различиями в природной среде их обитания. Поэтому первоначально надо сделать природную среду одинаковой. Наш герой уже подустал от экскурсии по городу и предлагает уйти на природу: «В мое время было так хорошо в полях, в деревнях. Огромные зеленые деревья, лужайки, густо поросшие травой, волнуемой ветром, прелестные коттеджи, обсаженные розовыми кустами...» Звучит ответ старого джентльмена: «О, мы все это изменили... Теперь у нас имеется огромный огород, правильно пересекаемый дорогами и каналами под прямым углом. В полях теперь нет красоты. Мы упразднили красоту; она мешала нашему равенству. Теперь у нас всё и везде одинаково, и нет места, которое чем-либо отличалось бы от другого».

Природа производит людей разного здоровья, разных размеров, разной силы, разного ума, но в созданном Джеромом мире утопии выравнивают биологические и умственные параметры человека. Старичок поясняет: «Видите ли, если кто-

---

либо вырастает больше обыкновенных размеров, мы отрезаем ему руку или ногу, чтобы подравнять его с остальными. Природа, понимаете ли, немного отстала от века; по мере возможности, мы стараемся ее подправить».

Конечно, признается старичок, жители Утопии хотели бы упразднить природу, но пока это не получается. Поэтому они «исправляют» природу. Одна из задач «исправления» — нивелировка людей по их умственным способностям. Нивелировка идет путем «подрезания» избыточно умных: «Мы делаем хирургическую операцию, которая низводит данный мозг до степени обыкновенного».

Наш герой усомнился, что обитатели Утопии поступают правильно, проводя подобного рода «стрижку» людей. Старичок возражает: так решило большинство. И далее следует важная часть диалога между нашим героем и старичком, раскрывающая суть демократии, царящей в Утопии:

«— Но разве же это справедливо с его (большинства. — **В.К.**) стороны?

— Большинство не может ошибаться, — ответил он (старичок. — **В.К.**) твердо.

— Согласны ли с этим «подстриженные» люди?

— Они? — ответил он, очевидно удивленный вопросом. — Да ведь они в меньшинстве, знаете ли.

— Да, но даже меньшинство имеет право обладать своими руками, ногами и головой.

— Меньшинство не имеет никаких прав, — отвечал он.

— В таком случае лучше присоединиться к большинству, если хочешь жить здесь, не правда ли?

— Да, многие так и делают. Они находят это более удобным для себя».

В этом мире люди трудятся ежедневно по три часа. Работать больше им запрещено. Остальное время (более двадцати часов) они отдыхают, размышляют, беседуют. О чем? Старичок разъясняет: «О том, как скверно было жить в старое время, и о том, какую счастливую жизнь мы теперь ведем, и... и... о назначении человечества!»

Наш герой допытывается: в чем же заключается назначение человечества? Ответ старого джентльмена: «В том, чтобы жить, как теперь, даже в еще большем равенстве, чтобы еще больше работ производилось электричеством, чтобы у каждого было два голоса вместо одного, чтобы...»

Не буду дальше пересказывать. Рассказ Джерома К. Джерома лучше прочитать. В этом рассказе многое из того, что он описал 130 лет назад, мы обнаруживаем в цивилизации Запада сегодня.

В последний год в социальных сетях и вообще в Интернете образовалась интересная тенденция: пользователи стали всё чаще приводить «откровения» представителей интересов мировой закулисы — Билла Гейтса, Клауса Шваба, Жака Аттали и других. «Откровения» касаются, как правило, будущего нашего мира и путей движения к нему. И стали появляться сайты, посвященные исключительно опровержениям этих «откровений». Нередко то, что они публикуют в виде цитаты, представляет собой комбинацию фрагментов из разных статей, интервью, выступлений. Тем не менее центральная идея этих компиляций, как правило, излагается достаточно точно.

Приведу цитату, которая гуляет по Интернету и авторство которой приписывается Жаку Аттали: «В будущем речь пойдет о поиске способа сокращения популяции. Начнем со старых, потому что, как только они превышают 60—65 лет, человек живет дольше, чем производит, и это дорого обходится обществу. Потом слабых, бесполезных, которые ничего не приносят обществу, потому что их будет все больше и больше, и особенно, наконец, глупых... Мы избавляемся от них, заставляя их верить, что это для их же блага... Мы что-то найдем или вызовем пандемию, нацеленную на конкретных людей, настоящий экономический кризис или нет, вирус, поражающий старых или толстых, не важно, слабые поддадутся ему, испуганные и глупые поверят в него и дадут себя лечить. Мы позаботимся о том, чтобы лечение было предусмотрено, лечение, которое будет решением... Отбор идиотов происходит сам по себе: они идут на бойню сами по себе».

Цитату датируют 1981 годом, когда во Франции вышла книга «Будущее жизни». Книга представляет собой сборник интервью, собранных известным французским журналистом Мишелем Саломоном. Среди собеседников Саломона был и Жак Аттали, которого журналист представил так: «Айн Вундеркинд, — сказали бы немцы. В возрасте менее сорока лет Жак Аттали, всемирно известный экономист, педагог, популярный политический советник Социалистической партии и разносторонний писатель, автор не только теоретических работ по своей дисциплине, но и эссе в таких разных областях, как политика, музыка и в последнее время медицина...»

Сразу скажу: приведенной выше цитаты в интервью нет. А вот все мысли, содержащиеся в цитате, присутствуют. И ответы Жака Аттали на вопросы Мишеля Саломона носят еще более зловещий характер, чем в несуществующей цитате.

Исходной точкой разговора стала книга Жака Аттали 1979 года «Орден каннибалов: жизнь и смерть медицины». Сало-

---

мон задает вопрос: почему вдруг экономист Жак Аттали интересуется вопросами здравоохранения, которые вроде бы далеки от экономики? Аттали отвечает, что Запад добился невероятных успехов в производстве благодаря машинам. Производительность машинной экономики бьет рекорды, но кроме традиционного производства материальных благ есть еще производство и воспроизводство человека, которое осуществляется в образовании и здравоохранении. А тут всё остается на том же уровне, что в незапамятные времена. Давно произошла революция машин в сфере производства материальных благ, а в сфере воспроизводства человека такой революцией пока не пахнет. А она нужна.

Применительно к здравоохранению это означает, что медиков должны заменить машины. Вся медицина должна быть радикально реформирована путем индустриализации и коммерциализации. Еще недавно в Европе были очень востребованы полицейские. Сегодня для обывателя законы стали естественной частью жизни, и потребность в полицейских стала постепенно убывать. Наступит время, когда потребность в медиках также начнет убывать. Медиков слишком много, и их труд малопроизводителен. Аттали сетует: «Сегодня медицина в некотором смысле не в состоянии лечить все болезни, потому что затраты на нее становятся слишком высокими».

«Вундеркинд» задается вопросом: а какой продукт нужен в сфере воспроизводства человека? И заявляет: нужен человек здоровый. Во-первых, потому что, по его мнению, высшей целью экономики является счастье человека, а о каком счастье можно говорить, если человек болеет и физически страдает? Во-вторых, воспроизводство больного человека слишком дорого обходится обществу. Такой человек становится бременем для здоровых, занятых эффективным трудом.

Аттали пытается развенчать такую цель, как повышение продолжительности жизни человека. И предлагает новую версию цели: максимизация срока здоровой жизни. И соответственно, минимизация того отрезка жизни, когда у человека начинаются проблемы со здоровьем. Вот фрагмент рассуждений Аттали о том, почему он противник большой продолжительности жизни: «Если отбросить цинизм, расходы на здравоохранение не достигли бы и одной трети нынешнего уровня (175 миллиардов франков в 1979 году), если бы все люди внезапно умерли в автокатастрофе. Таким образом, мы должны признать, что логика заключается уже не в увеличении продолжительности жизни, а в увеличении продолжительности жизни без болезней».

Аттали заключает: «В самой логике индустриального общества целью отныне будет не увеличение продолжительно-

---

сти жизни, а обеспечение того, чтобы в течение данной продолжительности жизни люди жили как можно лучше, но таким образом, чтобы расходы на здравоохранение были с минимальными затратами для общества». И тут мы приближаемся к самому главному. Каким образом Аттали предлагает «оптимизировать» жизнь человека?

Во-первых, за счет того, что машины смогут мониторить здоровье человека в режиме онлайн: «Я верю... в скрытый тоталитаризм с невидимым и децентрализованным «Большим братом». Эти машины для наблюдения за нашим здоровьем, которые мы могли бы иметь для нашего же блага, поработят нас для нашего же блага. В некотором смысле мы будем подвергаться мягкому и постоянному контролю над нашим состоянием...» И вся информация о миллионах и миллиардах граждан будет собираться и храниться в централизованных базах данных: «Обсуждение вопросов профилактики, экономики, здравоохранения и надлежащей медицинской практики приведет к необходимости для каждого человека иметь медицинскую карту, которая будет записана на магнитную ленту. По эпидемиологическим причинам все эти файлы будут централизованно храниться на компьютере...»

Во-вторых, жизнь человека будет «оптимизирована» за счет более смелого внедрения протезов — «запасных частей» человеческого организма. Мол, пора отходить от медицины каменного века, когда врачи пытались лечить больной орган. Зачем, например, лечить сердце? Его можно заменить другим, здоровым. Либо взять у донора, либо поставить искусственное. «Протезы, — полагает Аттали, — должны стать привычным товаром потребления. Человек на основе данных медицинского онлайн-контроля и своих финансовых возможностей принимает решение о том, какой орган ему следует купить и поставить на место износившегося или больного. <...> Врача в основном заменяют протезами, роль которых заключается в восстановлении функций организма, их восстановлении или замене. Если протез пытается сделать то же самое, он делает это так же, как и органы тела, и, таким образом, становится копией органов или функций тела. Следовательно, такие предметы были бы протезами для потребления».

Итак, логика проста: если вы хотите, чтобы ваша «машина» (организм) работала исправно и долго, своевременно заменяйте старые узлы и детали новыми. Приходите в магазин и покупайте новую деталь (протез). Это вам обойдется дешевле, чем если вы будете прибегать к помощи ремонтника (врача). Производство «железок» (протезов) будет поставлено на поток.

СИНИЙ ПЕТУШОК

РАССКАЗ

Когда я вышел выбросить мешок с мусором, из кармана ветровки подал голос мобильник. Истошно, протяжно: м-я-я-я-я-я, и обрывисто: у-у-уо! Я специально установил такой сигнал. Он мне нравился. Будто коту наступили на хвост. Это означало, что пришла эсэмэска: «Этот абонент пытался вам позвонить».

Абонентом был Тюхтя.

В стране, наверно, сто тысяч человек носят имя Андрей и фамилию Попов, и мой одноклассник Тюхтя — один из них. Так его прозвали после урока немецкого языка, когда Вера Витольдовна, наша «немка», объясняла разницу между словами «тюхтиг» — «усердный», «дельный», и «фляйсиг» — «усидчивый». То и другое одновременно можно перевести как «прилежный». Андрюха Попов в детстве был как все, иначе говоря — прилежным в меру до безликости, но однажды, рассмешив весь класс, спросил у Веры Витольдовны: «А кто такой Шрайбикус? Чебурашка?» и был изгнан в коридор, где просидел на подоконнике, считая в широком окне ворон, до

ПРОЗА

самого звонка. Минуло тридцать с лишним лет, как мы «ушли со школьного двора под звуки нестареющего вальса». Тюхтя — именно в это странное прозвище с той поры трансформировалось чужеземное слово, напоминающее подушку или тюфяк, — Тюхтя всё ещё, пусть раз год, но объявляется, пытаясь вытащить меня в лес за грибами, в которых он, надо отдать ему должное, разбирается досконально. Иногда мы видимся, чешем языком.

Я бросил пакет в контейнер и нажал кнопку набора номера.

— От тебя странное сообщение пришло.

— Наверно, деньги на счете кончились.

Отличительная черта Андрюхи — никогда нет при себе ни копейки — была мне знакома. Но дальше он произнёс то, к чему я был совершенно не готов.

— Пойдём завтра на кладбище.

Голос у него всё тот же, подсказывающий, как будто катится упавшее блюдо.

— Завтра год, как Ваня Клюквин умер.

Тюхтю я не видел с прошлого лета и отказываться было неловко. А завтра я был как раз свободен.

— Давай сходим.

В школе Андрей учил только то, что связано с науками о жизни — зоологию, биологию, химию. Дома у него был аквариум с подсветкой — стеклянный ящик с ракушками на дне и чёрной рыбиной с красными, как расплавленная лава, разводами на боках. Она медлительно шныряла среди водорослей. Тюхтя говорил, что она называется астронотус. В квартире жили две кошки, свободно выходявшие гулять через оконную форточку первого этажа. Ему, сколько я помню, всегда было ясно, кем он станет, — стоматологом. Мама и отец у него работали обычными инженерами на заводе, и я помню, как в детстве, когда случилось быть у него дома, поразила меня высокая пластиковая вазочка, откуда торчали остро отточенные карандаши. Я, например, никогда не пользовался специальными точилками, всегда коротким кухонным ножом, который оставлял грубые срезы на дереве. А тут — эстетика! Алгебру, физику, геометрию, черчение в восьмом классе Тюхтя вытягивал на уверенные тройки. Помню, как он развлекался с линейкой. Она была металлическая, с формулами, которые витиеватой строкой тянулись вдоль делений, обозначавших сантиметры и миллиметры. Прижав её ладонью, пропустив под средний палец и надавливая им на расчёты площадей шара, конуса и пирамиды, Тюхтя отвешивал по крышке стола раскатистые щелбаны. Полагаю, то был своеобразный эксперимент — проверить,

---

как действует шум на нервы одноклассников. Впрочем, надо бы спросить у него самого...

Тюхтя стал, кем хотел. После школы уехал в Саратов, поступил в медицинский университет, благополучно его окончил и несколько лет проработал зубным врачом, терапевтом, но потом уволился и ушёл из медицины вообще. Он никогда не объяснял своего поступка, только махал рукой и смотрел в сторону. Я спрашивал: как быстро утрачиваются навыки? Он отвечал, что достаточно не работать и двух недель — укол, конечно, сделаешь, но надо ведь ввести иглу небольно, и не будет того автоматизма, с каким нужно брать и держать шприц. Потом всё быстро вернётся. Я спрашивал, можно ли пройти переаттестацию после длительного перерыва, он отвечал, что можно, махал рукой и добавлял: «Многие работают и так». Было видно, что теперешняя его специальность — рабочий сцены в театре, вполне ему нравится, как бы он её ни ругал.

Тюхтя ничего не менял в жизни и почти не менялся сам, только немного поседел, да черты лица: нос, щёки, губы — стали крупнее. Он оставался высоким, не ссутулился. Как и прежде, не любил яркой одежды, всегда всё однотонное и неброское, будто тем самым ему хотелось сказать: я есть, и в то же время меня нет... Он жалел животных. Те кошки, которых я помнил со школьных лет, умерли, но Андрей завёл двух других. Однажды ему на даче подбросили трёх котят. Один был уже мёртв, когда он обнаружил их позади дома в лопухах. Тем не менее вся тройня сидела, прижавшись друг к дружке, не издавая никаких звуков. Умершего котёнка Тюхтя похоронил, двух других увёз домой в обычной тряпичной сумочке (наверно, со стороны это смотрелось неловко и смешно, но ничего другого под руками не оказалось). Понемногу откармливая котят молоком, он вернул их к жизни, одного пристроил, второй — девочка, обретшая заурядное имя Милка, идущее, по-моему, больше корове, — остался у него. Тюхтя не любил ездить, и только одна дорога была ему близка, ясна, понятна, необходима: дом — работа, дом — дача. Он не интересовался городскими событиями, жил в гражданском браке. Его жену Алёну я видел два раза, и по репликам, по жестам (например, ущипнуть, резко дёрнуть за край рукава, замахнуться — хотя и в шутку), по приказному тону, который прорывался в разговоре, было видно, что командует в семье она. Алёна была рассудительна и хозяйственна, любила консервировать овощи, делать запасы, сушить на зиму анисовку или штрифель с дачи.

Если в двух словах, Тюхтя принадлежал к той породе людей, что неспособны на возмущение, негодование, протест,

---

переворот. Зачеркнуть одну страницу жизни, начать с нуля новую — не для него. Хотя один раз он это сделал, бросив медицину... Но плыть по течению — как раз про Тюхтю. Он был отходчив, общителен, прост, не держал в общении дистанцию. Может быть, сентиментален. Меня ничто не побуждало пойти на могилу одноклассника, а вот Андрея потянуло.

— С нами ещё Балдерис пойдёт, — донеслось из трубки в ответ на моё согласие.

Это был тоже школьный приятель. Его я не видел лет тридцать вовсе. Связи не сложились ещё со школы. Если что-то слышал о нём, то только от Тюхти. Они дружили.

— Пусть идёт, прекрасно.

У Тюхти всё было размерено и разложено по полочкам, и если он запланировал в какой-то день поехать за город, навестить тётку, выбраться в лес, откладывать не будет. Будущее для него было ясно — просто жить, не особенно-то расцвечивая жизнь переменами. С Балдерисом, думаю, он сдружился как раз потому, что тот был его противоположностью и в чём-то дополнял.

Дима Романов учился с нами два года, в девятом и десятом классах, а раньше был в параллельном. Дело в том, что изначально, когда мы пришли первоклашками в школу, нас поделили на два потока, «а» и «б», как это обычно принято. После восьмого класса почти половина у нас ушла — кто в техникумы, кто в ПТУ. То же было и в другом классе. Нас слили в один. Разумеется, хотя все мы друг друга знали, кто с кем дружил раньше, те так и продолжали дружить, и я бы не сказал, что Андрей и Дима как-то особенно сошлись именно с этих пор. С Балдерисом я общался в школе очень мало, даже можно сказать, вообще не общался, Тюхтя тоже, но когда минуло лет двадцать, он вдруг упомянул о нём при нашей случайной встрече возле магазина «Семёрочка» в центре города... Потом вспомнил ещё раз и ещё, и стало ясно, что они поддерживают отношения, пусть и не слишком тесные. Прозвище «Балдерис» закрепилось за Димой с детства. У мальчишек в моде был хоккей, тем более что во дворе заливали прекрасный каток, огороженный высоким сетчатым забором. Гоняя шайбу, ребята вырисовывали на клюшках фамилии кумиров, и Дима Романов по линейке угловатыми буквами вычертил школьной синей ручкой фамилию лучшего нападающего чемпионата мира 1977 года, литовца Хелмута Балдериса.

Он закончил школу почти без троек, но в отличие от Тюхти не увлекался животными. Крупный, плечистый, рослый — ходячий шкаф... Мама его преподавала физику где-то в техникуме, а вот отец... С ним была, насколько я знаю, гру-

---

стная история. Он тоже преподавал — в том же университете, куда хотел поступать и сын, но, когда Балдерису исполнилось семнадцать, ушёл из семьи. Диме это не помешало. Отец, историк по специальности, в 1990-е переключился с диалектического материализма и истории КПСС на лекции по философии, благополучно работал в каком-то московском вузе, написал пару книг. Одна из них попала мне в руки. Уже тогда всезнающий Интернет извещал, что Димкиного отца превозносили в узких научных кругах, но — то ли я ничего не понял, то ли это было действительно так — его «Жизнеобраз бытия» с чёрным квадратом Малевича на обложке не произвёл на меня никакого впечатления. На титульном листе под заглавием стояло «Философский дневник», и это действительно был дневник: день за днём человек методично записывал, что прочёл и что по поводу прочтённого подумал. Выписки из Достоевского, Толстого, Ницше, Шопенгауэра и прочих умных и модных в то время мыслителей громоздились одна на другую без всякой системы, и, если что действительно было в книге ценного, то как раз эти самые выписки, но вовсе не то, что Романову-старшему по их поводу взбрело в голову. Как правило, он ставил вверху листа, начиная дневниковую запись, дату: число и месяц. Затем перечислял, что свершил в этот день. Сготовил яичницу на сковороде, поехал принимать экзамены, по дороге вспомнил, что Достоевский где-то сказал, что «цель всего движения народного, во всяком народе и во всякий период его бытия, есть единственно лишь искание Бога...» — и пошла писать губерния! От Тейяра де Шардена к Франциску Ассизскому, Декарт на Томасе Море скачет и Константином Леонтьевым погоняет. Термин на термине: Абсолют, Со-Знание, Все-Целое (именно так, со своим, видимо, особым смыслом), когито, энтелехия и прочая интеллигентская бесовщина. В потоке отвлечённых понятий представал «образ» единого и неповторимого дня жизни, по существу своему обыкновенного, и иначе не могло быть, поскольку Романов-старший выглядел олицетворением начитанной заурядности, жонглёром имён и цитат.

В один из таких, самых обычных, дней, поздней осенью 2013 года отец моего одноклассника, живший тогда с любовницей вдвое его моложе, вышел купить таблетки от давления в соседней аптеке и попал под колёса «Ауди». Через неделю Балдерис получил на руки свидетельство о смерти с записью о черепно-мозговой травме.

Но если его отец, умилённый озарениями своего книжного ума, был совершенно оторван от жизни, сын вырос оборотистым и хватким. Сразу после армии он ушёл в бизнес. Может, это сказано громко, но, родись он во времена старо-

---

давние, имперские, был бы каким-нибудь купчишкой третьей гильдии, именуясь непривлекательно старьёвщиком. Я никогда не замечал за Романовым-младшим склонности к коллекционированию, тем более к антиквариату. Но так или иначе, а несколько лет он благодаря ему жил.

Ещё в девяностых по всему городу появились листовки. Поверху стояло: «Коллекционер купит предметы старины», а дальше, что именно: кулоны, бусы из янтаря, столовые предметы из серебра, бронзовые и фарфоровые статуэтки (шёл перечень, включавший буддийские фигурки), значки и старинные ордена, монеты, знамёна. Однажды Тюхтя мне сказал, что антиквариатом занимается именно наш Балдерис. На листовках имени не было, только телефон. У него свой магазинишко, но не у нас, а в соседней области (он, мол, женился, и уехал туда). Это не мешает приобретать старинные вещи и здесь.

Я очень удивился. Балдерис никогда не интересовался историей. Очень сомневаюсь, что он сумел бы отличить ротные знамена какого-нибудь Ингерманландского полка от Преображенского. С самоварами было ясно — медь. С хрусталём, мельхиором и фарфором тоже. С граммофонами и советскими радиоприемниками — найдётся любитель. В список входили «одеколон и духи СССР». Оказываются, коллекционируют и запахи, как объяснил Тюхтя. Список дополняли портсигары, колокольчики, подстаканники, чернильницы, хромовые сапоги.

Объявления висели на столбах, стенах домов и на заборах, то есть в местах, специально для того не отведённых, но и на остановках тоже, если есть специальные щиты. Видимо, Балдерис кому-то поручил расклейку. Листовки исчезали, появлялись, наконец надолго пропали. А в один прекрасный день, когда мы с Тюхтей ждали на автовокзале автобус, собираясь за грибами, я обратил внимание на узкую полоску бумаги: «Не хватает до зарплаты? Одолжи!» Дальше шла сумма мелкого кредита и телефон.

«Так это ж Балдерис!» — курлыкнул Тюхтя с усмешкой. И я узнал, что одноклассник развёлся, антиквариат забросил. Однако механику выдачи мелких ссуд и саму законность этих операций без банковской лицензии я выяснять не стал. Наверно, всё улажено.

Добраться до кладбища, расположенного сразу за городом, было несложно. Туда ходила маршрутка, но редко. Можно было доехать троллейбусом до окраинного микрорайона, а дальше дворами панельных пятиэтажек выйти к осиновой роще. Через неё вела натопанная тропа.

На следующий день, как мы договорились, к одиннадцати, я приехал на конечную остановку. Троллейбус развернулся на асфальтовой петле. Тюхтя и Балдерис уже ждали меня. Когда я поздоровался, возникло странное ощущение, будто мы никогда после школы не расставались, просто вчера разошлись по домам. Всем нам было чуть за пятьдесят, но из класса умерли пока только двое: Ваня Клюквин и Генка Соловьёв. Я не знал, где похоронен Ваня, но могилу мог показать Тюхтя, однако ни он, ни Балдерис не были на похоронах у Генки. Его мог отыскать только я.

Первое, что Тюхтя произнёс после ответного «Привет», было предупреждение:

— Мы водку уже взяли.

И указал большим пальцем на рюкзачок у себя за спиной.

Он меня огорошил. Я подумать ещё не успел о том, нужно ли заходить в магазин. Без меня всё было решено. Наверное, заметив растерянность, Тюхтя счёл нужным добавить:

— И колбаса есть, и стаканчики пластиковые. Упаковка. Десять штук. Хватит?

Что я мог ответить?

— Хватит.

У Вани Клюквина была мечта. Наверное, можно сказать и так, пусть оно и странно, — не дожить до сорока двух. Я не знаю, почему именно это число лет он выбрал, не сорок один и не сорок три. Но мечту свою он успешно осуществил.

Откуда и как она возникла, не берусь судить, но думаю, что дело отчасти в том, что с детства ему всё доставалось без особого труда, он рос в семье со средствами. Но ведь не все обеспеченные дети спиваются. Готов сказать, что он не нашёл другой формы протеста против того, что ему всё счастливо падало на голову, готов и усомниться... Одно скажу, он мало чего добивался сам, будь то школьная учеба, вуз, короткая жизнь после вуза, и своего места в жизни так и не определил. Слишком рано махнул на себя рукой.

Мать у Клюквина работала в управлении жилищно-коммунального хозяйства области, которое потом объединили и переименовали в министерство строительства и ЖКХ. Ведомство серьёзное. Она продвинулась до должности заместителя. Ваня с первой попытки поступил в местный педагогический институт, «повышенный» в самом начале 1990-х до университета. Таковой была судьба многих педагогических вузов в то время. Говорилось о необходимости новых специальностей: психологи, социальные работники, об усовершенствовании программ, о многом таком, что «открывало новые горизонты», и вот в один прекрасный день вуз сменил вывес-

---

ку. Отслужив один год в войсках связи, Ваня вернулся на второй курс.

Если уместно такое слово, то всем нам в какой-то степени «повезло» родиться. Мы с Тюхтей оказались непригодными: у него врождённый порок сердца, у меня близорукость выше шести диоптрий, Балдерис служил все два года, а Ваня, призванный чуть позже и закончивший первый курс, попал под постановление Верховного совета СССР, которое 11 июля 1989 года подписал его тогдашний председатель Михаил Горбачев. На канцелярском языке постановление предписывало: «Уволить в августе—сентябре 1989 года с действительной военной службы для продолжения образования военнослужащих срочной службы из числа дневных (очных) высших учебных заведений, призванных в 1986—1988 годах».

И Ваня ушёл на дембель.

Проучившись до четвёртого курса, он вылетел. Забрал документы сам. Может быть, вопреки родительской воле. Уже тогда, в те студенческие годы, ему удалось (за это чуть раньше собрали бы целое комсомольское собрание и перемыли бы кости!) — угодить в вырезатель. Но в первой половине 1990-х, когда рушилось всё, проступок сошёл ему с рук.

Ваня стал алкоголиком если не к тридцати годам, то к тридцати пяти точно. Тюхтя рассказывал, как в тот период, когда Ваня не работал нигде, а сидел дома, мать пыталась подвигнуть сына к трезвой жизни. Она поставила условие: не пьёшь день — вот тебе 500 рублей, не пьёшь второй, вот ещё. У неё хватало, она зарабатывала. Но методика дала противоположный результат. Ваня накапливал денег и при удобном случае пропивал.

Как бы там ни было, но, наверное, он сумел обойтись без лечения, в какой-то момент остановиться, потому что устроился работать шофёром и, что меня удивляло, не где-нибудь, а при отделе уголовного розыска одного из городских районов. Я всегда полагал, раз работа связана с баранкой, наверное, не пьёт. Но Тюхтя однажды убедил: всё совместимо. «Отработает и нажирается». У Вани была дочь. Жена с ним развелась. Когда он умер, продиагностировали инфаркт, но было ясно, что сердце он посадил водкой.

Он просто не знал, для чего ему жить.

Памятник на его могиле оказался высоким. Наверное, метра полтора в высоту, с широкой плитой из такого же тёмно-серого габбродолерита, сиявшего зеркальной полировкой. Рядом ней были смонтированы два вазона в виде кубков. В углу пирамидкой стояла зелёная туя. Остальную площадь в рамках типовой ограды выложили тротуарной плиткой, причём настолько плотно и добротно, что даже трава не

пробивалась в стыках. По всему было видно, что Ванина мама не поскупилась. Она предусмотрела деревянную лавочку на металлических опорах и столик.

— Ненавижу, когда на могилу приносят всякий мусор! — возмутился Балдерис, заметив горсть полинявших конфет у подножия памятника. — Зачем? Он что, сожрёт?

Убирать конфеты он не стал, да и куда, не в карман же положить? Тюхтя налил в пластиковый стаканчик водки и поставил рядом. Я поймал себя на мысли: Балдерис не считает, что это тоже мусор. Ругается для того, чтобы ругаться.

Незнакомый человек смотрел на меня с памятника. Эта был не Ваня, а его маска. Не то чтобы его состарили. Его лицо как будто измяли, а потом постарались исправить, но в итоге подбородок вытянулся и стал грубей, массивней, глаза округлились, будто пузыри, разлёт носогубных складок обозначился резче, лоб вытянулся, разве косые волосы с зачёсом на правый бок оставались теми же, да прямой нос, да что-то в зрачках — утончённое и печальное, как у мёртвого композитора.

Тюхтя разлил водку. Мы выпили. Начинало палить солнце. Почему-то у могилы, у плиты с полужнакомым человеком, не хотелось говорить. Пустые стаканчики взяли с собой. К Генке нужно было идти на другой конец кладбища.

С четвёртого класса Соловьёв бегал в музыкальную школу, стараясь не пропускать занятий, и его бесполезно было звать куда-то, скажем, играть в футбол за школой, в тот же хоккей, или полазить по соседней стройке в выходной, когда там нет рабочих. Он выбирал свой аккордеон. Иногда приносил его в огромном чёрном футляре на школьные торжества. Занимался педантично. Собирал пластинки, причем всё подряд. По крайней мере, так мне казалось. Мне случилось несколько раз быть у него дома. Я видел у него рок и записи симфонических оркестров, мне запомнилась пластинка Моцарта, дивертисмент №1 для струнного оркестра, где на конверте был изображён австрийский гений, похожий на мальчика в белом волнистом парике; серия «Архив популярной музыки» — в перестройку в ней вышли «Дорз», «Роллинг Стоунз», Элтон Джон, «Лед Зеппелин» — знаменитый диск «Лестница на небеса» (на обложках были певцы с чёрными ртами нараспашку и ещё стояла мелкими циферками в углу цена: три рубля пятьдесят копеек); были наши «Ария», «Кино», «Чёрный кофе»; рядом с ними обнаружился польский ансамбль «Но То Цо» — шесть лохматых парней и вверху короткое, как три ноты, как звук упавших капель, название. Диск, который меня удивил больше всех, состоял из двух

конвертов: «Напишите во сердцах, возвестите во устах» — песни духоборов Джавахетии.

Когда я заметил Генку, что он собирает всё подряд, он не смутился: «Чтобы хорошо играть, надо слушать разную музыку». В комнате у него было аккуратно убрано, ничего лишнего: узкая кровать, письменный стол с лампой, проигрыватель на этажерке и под завязку забитый пластинками шкаф со стеклянными дверцами. Родители не жалели денег, но это я понял только позже. Тогда, в детстве, не думалось, какой ценой всё это достаётся.

Интересно было наблюдать, как Генка играет на гитаре, кладёт пальцы на лады, не глядя, не напрягаясь, всегда безошибочно и ловко, как перебирает струны, извлекая звук легко и без натуги, мелодичный, ровно плывущий в воздухе комнаты или двора. Вспоминаю, как его левая рука скользила по грифу, я сейчас осознаю, что это была не просто ловкость, не просто выучка, а нечто большее, нечто такое, что составляет сущностную основу личности, без этого человек не проживёт. И меня удивило, как легко в самом начале девяностых Генка расстался с музыкой. Нет, пластинки он не выбросил, гитару не сломал, аккордеон на помойку не отнёс. Он даже поработал в городской филармонии. Там был свой ансамбль. Но ушёл оттуда сам. И куда?! В торговую палатку.

Они росли целыми городками. На витринах стояли ряды сигаретных пачек, шоколадные батончики, круглые карамельки на палочке и, было дело, голландский спирт. Это потом, к середине девяностых, если не ошибаюсь, торговлю им прикрыли. Филармония месяцами не платила зарплату, и я понимаю Генку. Однако в нотах ему было ориентироваться проще, чем в жвачных кубиках, в линейку расставленных за стеклом. Палатку Генка бросил. Подрядился на временную работу сторожем.

Один предприниматель, занимавшийся строительным бизнесом, возвёл на окраине города, Плетенёвке, трёхэтажный коттедж. Генка должен был охранять его до полного завершения работ. Хозяин уже перевёз мебель, протянул газ, обустроил если не все, то большинство комнат.

А потом случилась эта история.

Зимой 2000 года в городе пропал азербайджанец, только-только получивший российское гражданство. Семья обратилась в милицию не сразу, пытаясь отыскать его сама, но безуспешно. Вскоре какой-то житель случайно нашёл на обочине дороги где-то на той же Плетенёвке его паспорт, а оперативники, прибывшие на место, ещё и ботинок. Предположили похищение. В пользу версии говорил и опрос местных

жителей, обративших внимание, что в день исчезновения по посёлку кружил ВАЗ четвёртой модели. Кто-то вспомнил, что номера на машине — иногородние.

Сведения были расплывчатые и куцые, но — бывают же чудеса! — машину нашли. Она оказалась московской. Хозяин пояснял, что возил на ней — именно на Плетенёвку — двух молодых ребят. Вспомнил и место, где их высадил. Выяснилось вот что. У владельца особняка выкрали сейф. Это случилось в новогоднюю ночь. Предприниматель уехал в гости отметить праздник, но за коттеджем, видимо, следили и, как только там остался один Генка, на него напали, избили, заклеили пластырем рот и заперли в гараже. Воры откуда-то знали, где сейф. Металлическую дверь в дом вскрыли газовым резакком. Стало быть, им с собой заранее нужно было привезти баллон с газом. Сейф находился в тайнике, устроенном в стене. Его вырезали и унесли, не вскрывая, оставив пустую нишу. 1 января вернулся хозяин, обнаруживший пропажу. Он и выпустил до смерти замёрзшего Генку из гаража...

Владелец обратился в милицию, на допросах каждый раз называл разную сумму похищенного. Но речь шла о миллионах, при этом у оперативников были основания полагать, что не все деньги принадлежат предпринимателю. Козе понятно, о сейфе кто-то знал из его близких. Кто-то знал, что хозяин уедет встречать праздник к друзьям. Кто?

Главным подозреваемым стал Генка. Он мог навести воров. Но Генка свою причастность категорически отрицал, а оперативная разработка не выявила доказательств его вины. Милиция оказалась в тупике. Генку продержали несколько дней под стражей и отпустили.

Что было дальше, я могу отчасти домыслить. Обворованного хозяина сейфа кто-то из друзей упрекнул: «Ты что, не можешь во всём разобратся сам?» А облапошенный предприниматель не хотел, чтобы в той среде, где он общается, водит связи, его считали мягкотелым человеком, неспособным вернуть свои деньги. Потенциальный виновник у него был — Генка. Близких, тем более кого-то из семьи, он исключал из подозреваемых...

Оставалось нанять бандитов, готовых за деньги на всё. Так по цепочке знакомых бизнесмен вышел и пригласил к себе тех двоих, которые приехали на ВАЗе четвёртой модели. Нужно было найти Генку и снова привезти в коттедж...

Я убеждён, одноклассник не был причастен к краже. Генку пытали в том же гараже, где он был заперт, ему отрезали несколько пальцев. Понятно, он не мог признаться в том, чего не совершал, но, видимо, в какой-то момент его спроси-

---

ли, есть ли у него знакомый сварщик. В безвыходном положении он назвал первого, кто пришёл в голову, того самого азербайджанца. Но когда и его похитили, тоже ничего не добились. А отпускать никого было нельзя...

Генку и азербайджанца задушили компьютерным кабелем, потом кто-то сделал обоим контрольный удар отверткой в ухо. Трупы отвезли в лес и закопали в разных местах. Дело о похищении сварщика обернулось обвинением против обворованного предпринимателя. Убийц тоже задержали. Они выдали организатора, показали следственно-оперативной группе, где спрятали тела. Получили по семнадцать лет. Бизнесмену дали десять...

В этом деле осталась загадка, которая касается глубинной сущности человека. Я бы выразился именно так. Ведь ясно, что Генка — очень ровный и спокойный, безобидный и, в общем-то, безответный, — вряд ли бы такое организовал. Зачем, понимая это, надо было забирать его жизнь, ломать свою? Что было высшей ценностью для обворованного хозяина: сами деньги или престиж, та ступенька, с которой он уже не желал сойти, замуравывая злополучный сейф в стену?

Когда я приехал на похороны Генки в морг, гроб, где он покоился, не открывали. Это понятно. Страшно было представить, как изуродовано было его тело.

Сейф так и не нашли.

Могилу, где похоронили Генку, я помнил, потому она располагалась возле мусульманского участка с огромными шлифованными обелисками, где рядом с портретом покойного, часто в барашковой шапке, изображался полумесяц. Она была у края асфальтовой дорожки, мимо неё пройти нельзя. На ней появился памятник с цветником, где ничего не росло, кроме обычной травы, только стояла корзина искусственных цветов. Памятник был очень маленький, самый дешёвый. И никаких плит. У Генки никого кроме сестры не было. Это постаралась она.

Солнце жарило. Пить водку было неприятно. Чувствовалось, что Тюхтя и Балдерис — люди привычные, и Андрюха ее просто вливал, Романов-младший глотал громко, чавкая и краснея. Лоб у него блестел от пота. Из-за седоватой щетины издали казалось, что подбородок и щеки измазаны сажей. Я вспоминал историю с Генкой, и мне совершенно не хотелось говорить. Ограды на его могиле не было, и я присел на край соседней. Балдерис поставил к памятнику ещё один стаканчик, вытащив его из рюкзака у Тюхти.

На обратной дороге мы допили водку. От солнца спасла крыша автобусной остановки. Хлеб, колбасная нарезка кон-

---

чилились. Мы ждали долго, но транспорт куда-то пропал. Решили пойти пешком через осиновую рощу по тропинке к окраинному микрорайону, где располагалась конечная остановка троллейбуса. Отсюда больше шансов уехать.

По дороге Балдерис рассказывал, как ездил в Таиланд. Тюхтя подбросил идею купить ещё бутылку. Я не хотел, но спорить снова не стал. Когда роща закончилась, пошли дачи, потом первые коробки пятиэтажек, построенные в конце девятьсот шестидесятых. «Семёрочка» стояла за ними. Универсальный магазин со своим символом над дверью: три карты — семёрка червей, первая, за ней бубновая тройка и дальше с лукавым прищуром дама, конечно, пик. Руки у неё были в чёрных перчатках по локоть.

В магазине работал кондиционер. Мы прошли к водочным стеллажам. Белорусская водка «Булбаш», бутылки «Хлебной» с самогонным аппаратом на этикетке, с орлами, с сугробами и красным, как ягода рябины, солнцем, с пушкинской, со школы знакомой строкой в качестве названия — «День чудесный». Каждая этикетка выражает собой или эталон силы: любой хищник, орел или медведь, или преодоление стихии — мороза, моря или, наконец, национальную ноту — тройку лошадей с колокольчиком над дугой, пляшущих возле соломенных копен мужичков, императорскую корону в бриллиантах — символ власти.

Балдерис выбрал текилу с синим петушком на этикетке. Покачал в руках, зажав горлышко левой рукой, а доньшком постукивая по правой ладони:

— Будешь?

Глаза у него напоминали осеннюю лужу, покрытую первым льдом, сквозь который еще видна трава. Но в них чувствовался не холод, какой-то особый, не понятный мне вопрос. А «будешь?» прозвучало так, будто всё без меня решено. Немного смутила цена — тысяча двести рублей. Он выбрал самую дорогую бутылку. Но, если скинуться поровну, можно купить. Я хотел было предложить обычную водку, однако, снова наткнувшись на жестяные зрочки одноклассника, спорить раздумал.

— Мне всё равно.

Побродив тем временем вдоль рядов, Тюхтя выбрал банку зелёных оливок с тунцом, кусок сыра, нарезку чавычи, разложенную на плотной позолоченной бумаге и запелёнаную в полиэтилен. Я прихватил буханку чёрного хлеба с тмином и банку малосольных помидоров. Вроде всё. Мы прошли ещё раз по залу и встали в очередь.

Первым был Тюхтя. Провизию он разложил на чёрной ленте, которая двигалась к кассе по мере того, как покупатели

расплачивались и уходили. Перед нами было человека три. Балдерис встал позади Тюхти. Он положил текилу на ленту, придерживая её рукой. Я был последним со своим хлебом и помидорами. Очередь почти не двигалась. Самый первый покупатель наполнил снедью целую тележку и никак не мог отыскать кредитную карту. Наблюдая, как он в третий раз сунул руку в задний карман брюк, я невольно хмыкнул. В этот момент Балдерис тихо расстегнул молнию рюкзака у Тюхти за спиной. «Зачем? — мелькнуло у меня в голове. — Хочет подшутить?»

В тот момент, когда карточка наконец обнаружилась и мужчина с тележкой вставил её в терминал, Балдерис сунул текилу в рюкзак и еле слышно произнёс: «Иди». Широкими журавлиными шагами Тюхтя прошёл вперёд и остановился позади кассы, как бы дожидаясь нас. Оливки, сыр и рыбная нарезка остались на ленте. Балдерис придвинул закуску к себе, подвинувшись на освободившееся место.

Лента поехала вперёд. Тюхтя стоял. Балдерис окинул меня глазами, но, ничего не сказав, отвернулся.

Второй покупатель расплатился быстро. Теперь перед нами оставался только один человек. Балдерис снова обернулся:

— Ну что, ты заплатишь, да?

Оливки, нарезку и сыр он придвинул к моим помидорам. Кассир не мог этого не видеть. Не дожидаясь ответа, Балдерис обогнул кассу и вместе с Тюхтей они вышли на улицу. Я остался один. Денег у меня хватало. Но против воли я стал соучастником кражи. Кассир перебирал наши покупки, поднося к сканеру, который считывает наклейки со штрих-кодом, каждый раз раздавался резкий писк прибора. Подавив невольную тревогу, я попросил пакет для покупок. В широком окне универсама были видны одноклассники, курившие на улице. Они стояли лицом друг к другу, обычные парни, которые, казалось, встретились и обмениваются новостями.

Метров двадцать мы прошли молча.

Всё было ясно: этот трюк они проделывали множество раз. Он отработан до мелочей. Рюкзак у Тюхти из плотного кожаного материала и хорошо хранит форму, бутылка не выпирает. Замки молнии Андрей заранее сводит в центре, их не нужно искать и требуется лишь приоткрыть рюкзак, чтобы бутылка проскользнула внутрь. Я вспомнил, как Балдерис проделал это: замок двигался ровно, не заклинивая. Застёжка надёжная, с крупными звеньями. Также плавно своими волосатыми пальцами он его и закрыл... Когда-то в магазинах позади касс дежурили охранники в чёрной форме. Но их уволили. По углам под потолком установили видеорекамеры. Ко-

---

нечно, где-то наверняка сидит человек, который следит за залом по монитору, но ему нельзя увидеть всё. Тюхтя стоял за кассой пару минут. Достаточно, чтобы пришла охрана и потребовала оплатить синего петушка. Но никто ничего не заметил.

Наконец молчание стало тягостным, и его нарушил Балдерис.

— Они не разорятся! — произнёс он, разведя в стороны руки-клешни, будто в его объятия плыл весь земной шар. В голосе звучали несовместимые интонации: грубость и философское всеведение. Тюхтя сиял, как начищенная кастрюля.

Нужно было что-то ответить. Чем-то показать, что я не встревожен. Что ничего не произошло. Что я не протестую. Но Балдерис не обращал внимания на моё смущение.

— Не обеднеют, — повторил он.

— Да мне-то что...

— Ты думаешь, что расплачиваться будет кто-то из персонала?

— Не знаю.

Я опять заподозрил, что выдаю волнение.

— У них предусмотрен процент списания на кражи. Дешевле закрыть на это глаза, нежели платить зарплату охране, — пояснил Тюхтя.

— Тем более что она не всегда кого-то ловит, — уточнил Балдерис.

Странно или нет, но глаза у него не изменились. По-прежнему в их отблеске — тусклом, как у консервной банки — стоял вопрос, и мне казалось, он обращён ко мне. Я понял этот вопрос. Одноклассник ловил мои жесты, движения, интонацию голоса. Кто я, какой породы, одобряю или осуждаю, каким стал?.. При этом за всё время нашего похода он ни разу не спросил напрямую, как я жил, что делал. Однако и я его ни о чём тоже не спрашивал...

Одноклассники были хорошо знакомы — но знакомы теми, какими были в школе. А теперь рядом со мной шагали два неведомых человека. Я осознал вдруг, насколько мы чужды, несмотря на общее прошлое, на школьное детство, на давние невзгоды и радости, объединяющие людей. Никто не виноват. Мы разные люди, которые когда-то вышли из одного дома, из одного подъезда, но разошлись настолько, что больше не вернёмся назад и прежними не будем никогда. Нас собрало эхо прошлой жизни, которая чем-то всё же дорога. Именно тем, быть может, что когда-то в детстве мы были чище. А так нас ничего больше не сближает, только память...

Балдерис предложил пойти в скверик за нашей бывшей школой. Там есть лавки, можно сидеть. Ходят люди, но мы не будем вытаскивать бутылку из пакета. Когда я ел оливки, пьянел, мне перестало казаться, что одноклассники совершили какую-то гнусность... Как одним словом определить всех нас? Не могу я сказать, что жизнь у нас не удалась. Никто не бедствует. У меня, пусть короткое время, было своё агентство недвижимости, я смог купить «трёшку». Пусть в конечном счёте я прогорел. Но осталась вторая квартира. Случись что, можно её продать, сдавать, плюнув на пенсию, если я до неё доживу. Я теперь обычный агент по недвижимости, каких тысячи... Ну и что?

И всё-таки у нас общая черта: и Балдерис, и я, и Тюхтя, который просто жил, свыкшись со своим мирком и рыбками, никто из нас никогда не работал руками, не занимался физическим трудом. Каждый приспособился к новым временам, как мог. И если это было главной целью, мы её достигли. Нас изменило не только время, но новые возможности, которые оно принесло с самого начала девяностых годов, когда можно было — так казалось тогда — легко заработать и обеспечить себя. К этому открывались все пути, только, как выяснилось, не для всех, однако у кого-то получилось неплохо... Но и мы не неудачники. Мы приспособившиеся. И ничего в этом плохого нет. Тюхтя, к примеру, не растерял умения не завидовать. Балдерис немного циничен. Только кто ворует больше? Мораль относительна, когда люди делятся на бедных и богатых. То, что у одних будет считаться проступком и грехом, у других — мелким воздаянием за несправедливость. Пусть мы не борцы. Мы не поднялись, но и не опустились. Нас объединяет одно нежелание что-то менять и преобразовать, ни в себе, ни вокруг, и вряд ли потому, что мы постарели... И снова — что с того? Мы будем общаться только в собственном кругу, и былая память всё же роднит нас. Новых друзей уже не заведёшь, выше не поднимешься, ниже не опустишься, дай-то бог. В конечном счёте, не такие уж плохие ребята Балдерис и Тюхтя. Надо вытащить его за грибами. Может, и Дима найдёт время...

Синий петушок смотрелся с этикетки как символ неведомых миров. Текила отдавала в нос сивушным привкусом обычного прелого яблока.

г. Калуга

ВАН ГОГ

РАССКАЗ

У этого неказистого здания амбарной архитектуры три входные двери. Левая выпятилась дерматиновой грудью цвета веселой охры. На черном зеркале вывески выведено кучерявым шрифтом: «Художественная мастерская». Два высоких окна с обеих сторон двери затянуты смертными гамаками паутины с мумиями мух и ос.

Правая дверь добротнo обита цинковым железом. Узкое окно забрано густой решеткой из витой арматуры. Обычно такие двери открываются в морги или архивы. На этой через трафарет набито синей краской: «Рембыттех». Ниже прилеплена бумажка с выгоревшей надписью фломастером: «Мастер на больничном».

На стандартной деревянной двери в центре — облезлая жестянка: «Парикмахерская. Мужской зал. Раб. с 9ч. До 18ч. Без перерыва и выходных».

Все три заведения принадлежат одной конторе — Горбыткомбинату. Клиентов здесь бывает мало. Комбинатовское начальство не один раз намеревалось прикрыть эту убыточную лавочку, но всё не доходили

ПРОЗА

руки, и мастерские продолжали влачить жалкое существование.

Раньше других приходит на работу Зина. Тонкая и быстроногая, с настороженной улыбкой одинокой сорокалетней женщины. Зина работает здесь уборщицей, одна на три заведения. Но мастерская «Рембыттех» часто закрыта: то запчастей нет, то мастер в запое. Заведующий «Художественной мастерской» не позволяет Зине ежедневно делать уборку — дорожит художественным беспорядком. Поэтому ее основным местом работы остается парикмахерская.

Отомкнув входную дверь, Зина ныряет в сумеречное пространство, обволакивающее ее настоем цветочных запахов. Через минуту она появляется на ступенях. В руках у нее пластиковое ведро и детская лопаточка для песочницы. Зина осматривается по сторонам, будто готовится совершить нечто таинственное.

Холодное солнце оловянным бельмом пялится на мир. Жидкая ультрамариновая тень от здания косо перетекает дорогу и разливается по бурой траве запущенного парка.

Зина стремительно пересекает дорогу и скрывается в пыльных кустах сирени. Появившись на бугристой полянке, она роет неглубокую ямку и высыпает в нее из ведерка состриженные с клиентов волосы.

Из парка Зина появляется в тот момент, когда у остановки за углом причаливает цокающий железом и попукивающий голубым дымком обшарпанный оранжевый автобус. Первым из него выпрыгивает коротконогий толстяк в дырчатой шляпе и с пухлым желтым портфелем.

— Мое почтение, Зинуля! — толстяк приподнимает шляпу и улыбается так широко, что становится еще ниже ростом.

— Доброе утро, Филипп Макарович! — отвечает Зина. — Не буду вам дорогу переходить с пустым ведром.

Почтенный коротышка — никто иной как заведующий художественной мастерской Филипп Макарович Карцев. Он уже лет двадцать зарабатывает себе на жизнь рисованием плакатов и диаграмм, отражающих неуклонный рост производства чугуна, мяса, молока и других продуктов народного потребления, изготовлением всевозможных вывесок, трафаретов, рекламы, а еще левачит копированием всенародно любимых картин известных художников-передвижников.

Войдя в мастерскую, Карцев оставляет дверь открытой, чтобы вытек наружу коктейль запахов художественного производства. Стол у окна заставлен жестяными банками в густых потёках разноцветных красок. В битых керамических

горшках истертой щетиной вверх торчат кисти, флейцы и макловицы. Повсюду выпираются углами голые и в холстах подрамники. Пыльные рулоны плакатов громоздятся на шкафах и полках. Вечная махровая паутина серыми водорослями свисает в углах под потолком.

Карцев отомкнул огромный, как телефонная будка, канцелярский сейф, сунул в него шляпу, туда же переместился из портфеля толстый газетный сверток и бутылка кефира.

Облачившись в синий рабочий халат с засохшей палитрой на животе и растрепанными дырками под мышками, напевая популярную песенку про малиновый звон на заре, художник стал озабоченно расхаживать по мастерской, заглядывая то в шкафы, то на полки.

Вскоре посредине мастерской широко раскорячился шаткий мольберт с чистым холстом. На полотно широким дулом объектива нацелился эпидиаскоп. Карцев зарядил в проектор репродукцию из журнала, и яркий луч высветлил на холсте изображение босоногой Аленушки, скорбящей на большом валуне у бездонного черного омута. Художник привычным движением руки обрисовал огрызком карандаша изображение и, похлопав эпидиаскоп по железному плечу, нежно произнес: «Леонардо ты мой бесценный!»

Карцев уже выдал из тюбиков несколько коротких кашек масляных красок на обломок оконного стекла, служивший ему палитрой, как услышал за спиной:

— Здорово, сосед! Как ся маешь?

— А-а, Демьяч! Мое почтение, — обернулся художник. — Да соответствую возрасту и материальному положению. А у вас опять клиентов нет?

— И слава Богу, — утробно, как забытая на лугу корова, вздохнул вошедший и тяжело опустился в вытертое расползшееся кресло.

Вошедшим был Константин Демьянович Гнедых — старейший парикмахер Горбыткомбината, ветеран труда. Он уже вышел на пенсию, но расстаться с любимой работой не мог. Гнедых жил бобылем, но когда-то состоял в гражданском браке с Зиной.

Парикмахер был облачен в застиранный халат, тесноватый для его громоздкой фигуры. Высоко закатанные рукава открывали дряблые руки в лягушечных бледно-розовых пятнах. Из нагрудного кармана торчала половина алюминиевой расчески.

Дыхание Гнедых издавало сиплый звук закипающего чайника. Он то и дело вытирал длинной ладонью потное лицо.

На оплывших желтых щеках густо проявлялись малиновые узелки.

— Погано, да? — участливо спросил Карцев. — Не пора ли, Демьяныч, завязывать с дурными привычками?

— Поздно, как говорится, пить боржоми, — махнул рукой парикмахер.

Гнедых пил давно и регулярно, но запойным, как, например, мастер холодильных установок и бытовых электроприборов Рома из «Рембыттех», не был. Парикмахер относился к трогательному братству алкашей-философов, предпочитающих традиционному алкоголю спиртосодержащую парфюмерию и бытовую химию. От Гнедых и сейчас густо тянуло казенным «Шипром».

— Ну хотя бы бросил флакуши глушить, — равнодушно заметил Карцев и снова погрузился в свою работу.

— Да от водки совсем не то впечатление, — вздохнул Гнедых.

— Далось оно тебе — впечатление, — буркнул художник. — Ты сегодня очень гнусное впечатление производишь.

— Это да, — согласился парикмахер. — В башке мозги червяками шевелятся, а мысли в обратную сторону бегут. Газету прочесть не могу — буквы друг друга обгоняют, глазами не успеваю за ними. Или, бывает, в кресло садится один клиент, а в зеркало смотрю на него — другой.

— Так это ты белку ловил, когда у тебя зеркало разбилось! — обрадованно воскликнул Карцев.

На прошлой неделе Гнедых затеял заменить перегоревшую лампочку в бра над своим рабочим местом. Забравшись ногами на вращающееся кресло, парикмахер потянулся к светильнику, пошатнулся, ухватился за зеркало и вместе с ним рухнул на пол. Зеркальные осколки брызнули в стороны, мозаично отражая подробности интерьера.

Примчавшийся на шум Карцев подхватил самый крупный осколок для палитры, но Зина отобрала добычу, назидательно провозгласив: «Нельзя пользоваться разбитыми зеркалами, их надо утопить в чёрной воде».

Тогда Карцев нечаянно порезал большой палец на правой руке, рана не затягивалась, ныла и дергала жилы. Бинтовый кокон на пальце был перепачкан рыжими пятнами просочившейся ихтиолки.

Художник уже успел пройтись кистью по всему холсту и от общего переходил к частному, как того требуют законы живописи. Гнедых уныло наблюдал, как Карцев разбеленным краплагом наносит мелкие мазки на блузку Аленушки.

— Макарыч, а кофта у нее, вроде бы, голубая, — решился заметить парикмахер.

— Ясное дело, — согласился Карцев, откинулся на спинку стула и, наклоняя голову то к одному, то к другому плечу, стал с прищуром рассматривать свою работу. — Конечно, голубая, но заказчик желает, чтобы блузка была розовой.

— Ну это понятно, — кивнул Гнедых. — За свои деньги каждый желает иметь приятное впечатление.

Парикмахер любил слово «впечатление», часто употреблял его, придавая ему какое-то свое особое значение.

— Заказчик всегда прав, — продолжил художник. — Некоторые просят сделать Аленушку блондинкой. Или ласточек из лесу убрать. Говорят: они в лесах не водятся.

— А я бы такую в доме не повесил, — сморщился Гнедых. — Игнат тоже твои картины не одобряет.

— А что он одобряет? — прервал свою работу Карцев и положил кисть на край палитры. — Стул Винсента?! Кособокая раскоряченная табуретка!..

И в этот миг, будто догадавшись, что говорят о нем, в мастерскую стремительно ворвался Игнат. Высокий, сухошавый, с длинными и волнистыми, черными до синевы волосами. На широком ремне через плечо — плоский фанерный ящик-этюдник, весь в засохших пятнах красок. Игнат никогда не расставался с ним, а в отсеках держал не краски и кисти, а сигареты, металлическую флягу с неизвестным напитком и упаковки презервативов.

— Желаю здравия, маэстро! — бодро произнес Игнат и пожал обезьянью руку парикмахера.

— Тиражируете китч для народа, Филипп Макарович?! — Игнат легко коснулся плеча художника. — Воздуху добавьте, пройдитесь по контурам голубым кобальтом.

— На работу надо вовремя приходиться, — буркнул Карцев.

— Так нет же работы, слава Богу, — радостно заметил Игнат.

Игнат пришел работать в мастерскую после окончания художественного училища месяца два назад. По понятным причинам у Карцева не складывались добрые отношения с молодым напарником. «По благу устроился, — говорил художник в доверительных беседах с парикмахером. — Он же пасынок зама директора нашей конторы. А толку с него никакого! Болтается, как говно по цедилке. Элементарный транспарант написать не может. То буквы у него скачут, то слова за край убегают. Нас, говорит, шрифтам не обучали».

Тем временем Игнат открыл свой шкаф, где на внутренней стороне дверцы была приклеена репродукция автопортрета Ван Гога.

— Игнат, всё хочу спросить у тебя, — подал голос Гнедых, — а почему у твоего любимого художника вся голова в бинтах?

— Это он сам себе ухо отрезал.

— Сам себе? Зачем?

— Наверное, для впечатления, как ты любишь выражаться, — отозвался из своего угла художник.

— Напрасно смеешься, Макарыч, — обиделся Гнедых. — Ради впечатлений человек и живет на земле. В них весь смысл нашего существования. А Ван Гог напомнил мне одного человека. Мы с ним свои срока на лесоповале отбывали. Тоже с перевязанными ушами ходил.

— Тоже сам себе отрезал? — хихикнул Карцев.

— Нет, он глуховат был, боялся уши отморозить. У нас там, бывало, сами себе пальцы на руках отрубывали. А тому без пальцев никак... Вроде бы писателем был.

И в это время в мастерскую бесшумно проникла Зина, задержалась у порога, пока говорил парикмахер, а когда закончил, едва слышно произнесла:

— А вы, Филипп Макарович, всё утопленниц рисуете.

Гнедых вздрогнул и приподнялся в кресле. Карцев обернулся, буркнул что-то и снова углубился в свою работу.

— Здравствуйте, Зина! — приветливо произнес Игнат. — А я к вам собирался. Надо бы голову в порядок привести, в смысле кудри на ушах немного убрать. Майка свободна?

— Уже по вызову укатила на «Волге», — раздраженно сообщила Зина.

— Вот досада!

В парикмахерской было всего два посадочных места. За вторым креслом работала Майка — рослая молодка с крупными формами лет тридцати. Она считалась первоклассным мастером по мужским стрижкам и часто ездила обслуживать больших городских начальников: председателя горисполкома, прокурора, директора горторга и прочих.

Игната всегда стригла Майка. Перед тем, как приступить к делу, она долго расчёсывала его волосы, касаясь своей тяжелой грудью то одного, то другого его плеча. Частое лязганье ножниц, прикосновение быстрых пальцев Майки к его вискам и шее, заставляли Игната закрывать глаза и предаваться блаженству. Уже щедро орошённый зеленым одеколоном, он еще некоторое время оставался в кресле, чтобы унять возбуждение.

Разведённая Майка пристроила сына на содержание и воспитание к своей матери, а сама вольно проживала в своей однокомнатной квартирке. Туда и стал наведываться на ночевку Игнат. Коллег по работе несколько смущала только разница в возрасте любовников: Майка была лет на десять старше Игната.

Но не так давно Игнат стал встречаться с молоденькой девушкой, и роман развивался с перспективой закончиться законным браком.

«Да видел я ее: ни спереди, ни сзади! В сравнении с Майкой — шмакодявка!», — говорил о пассии Игната Карцев. Гнедых вздыхал: «Кто же теперь нашу Майку топтать будет?» — «Да у вашей Майки топтунов, что в моей бочке огурцов!» — утешал парикмахера Карцев.

Зина удалилась из мастерской так же бесшумно, как и вошла.

Поднялся с кресла и парикмахер, обратился к Игнату:

— Майка сегодня уже не вернется. Приходи, я тебя по высшему разряду обслужу.

— Буду вам премного благодарен, маэстро. Однако, судя по распространяемому вами амбре, вы уже приняли абсента. Не скажется ли это обстоятельство на качестве вашей работы? — засомневался Игнат.

— Не хуже Майки сделаю, — обидчиво буркнул парикмахер и пошаркал к выходу.

Когда Игнат удобно расположился в кресле, Гнедых набросил ему на грудь куцую простынку с застиранным чернильным штампом, связал ее углы под гривой и тихо спросил:

— Не к смотрянам ли готовишься?

Игнат, рассматривая себя в зеркале, ухмыльнулся.

— Да-а, от женщин бывает впечатление сильнее, чем от выпивки, — задумчиво произнес парикмахер и приступил к делу.

Зашелкали ножницы и металлические зубья расчески стали приятно бороздить затылок. Игнат расслабился и закрыл глаза. Не прошло и минуты как его правое ухо пронизало ледяными иглами, оно занемело и горячая лава хлынула по шее за воротник рубахи. Звякнули упавшие на пол ножницы и что-то грузно навалилось на спину Игната, стало сползать вниз. Он подскочил в кресле и в забрызганном кровью зеркале увидел Ван Гога в какой-то несуразной шапке из чудовищного грязно-синего меха, в зеленом сюртуке, с дымящейся трубкой во рту. Правая сторона его лица была небрежно перевязана несвежей тряпицей. Игнат схва-

---

тился за ухо, но вместо него нащупал липкий хрящ в форме параграфа...

Утром следующего дня первым на работу пришел художник Карцев. Он сидел за столом, склонившись над длинной лентой черного крепа. На ее левой стороне уже подсыхала незавершенная надпись бронзовой краской: «Дорогому К.Д. Гнед...» Карцев помешивал кистью в баночке, устремив задумчивый взгляд в паутинный угол мастерской.

— Здорово, Макарыч, — раздался вкрадчивый голос за спиной художника.

Карцев вздрогнул, обернулся, и его взору предстал мастер Рома из «Рембыттех»: низкорослый, узкоплечий, с поникшими бурыми усами.

— Фу, ты! — выдохнул художник. — Ты не знаешь, как правильно будет: Гнедому или Гнедыху?

Рома, тупо уставившись в надпись на ленте, пожал плечами.

— Вот и я думаю: надо в контору позвонить, — сказал Карцев и отложил кисть в сторону.

— А что случилось, почему парикмахерская закрыта? — тихо спросил Рома и нахохлился.

— То, что случилось, покойный Демьяныч назвал бы впечатлением, — сказал Карцев, подтягивая к себе телефонный аппарат.

— Как покойный? — вяло улыбнулся Рома.

— Как обычно. Вот подписываю ленту на венки от конторы. Завтра похороны. Зина с Майкой занимаются. А Игнат в больнице, ему ухо пришивают. Если оно нашлось. Зинка могла его с волосами в парке закопать.

— Объясни ты толком, что тут произошло?

— Да вчера Игнату приспичило постричься. Майки не было, и он сел к Демьянычу в кресло. Тот начал стричь и отчекрыжил ему ножницами ухо под самый корень. У Демьяныча удар случился, вызвали «скорую», но живьем до больницы не довели.

— Во дела, — съежился Рома. — А у тебя что с пальцем? Тоже вчера?

— Да это Зинка накаркала, — злобно процедил Карцев и стал накручивать диск телефона.

После похорон старейшего парикмахера директор комбината издал приказ о ликвидации всех трех убыточных заведений.

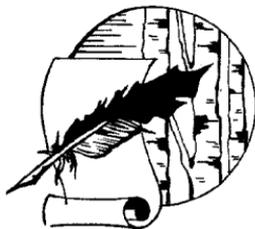
Майка перешла работать в мужской салон центральной парикмахерской. Рома после поминок Гнедых ушел в глухой запой, и его будущее стало ему всё равно.

Зину перевели уборщицей в контору комбината. Карцев нашел себе работу в похоронном бюро — кучерявым шрифтом подписывал ленточки на траурных венках. Рана на его пальце не затягивалась, гноилась, и пришлось обратиться в больницу. Там сказали, что палец надо срочно ампутировать, чтобы спасти руку. Лишиться рабочего пальца Карцев не мог и призвал на помощь Зину, обладавшую знахарскими способностями. Говорили, что Гнедых сбежал от гражданской жены, когда она задумала излечить его от пристрастия к алкоголю. Зина, осмотрев палец Карцева, покачала головой: «А я вас предупреждала, Филипп Макарович», но взялась за дело. Для этого ей понадобились путы — тряпичные тесемки, которыми связывают ноги покойника. После похорон Константина Демьяновича у нее такие хранились в запаснике. Зина туго перебинтовала ими отживающий палец художника и через неделю на нем не осталось и признаков резаной раны.

А о дальнейшем жизненном пути Игната совершенно ничего не известно.

г. Луганск, ЛНР

Андрей ПОПОВ

МЕЖДУ СТРОК ЛИСТОПАДА

* * *

Для стихов что-то время никак не придёт,
Слишком многое терпит страна и бумага —
То колхоз, то войну, то бараки ГУЛАГа,
То нерусскую совесть, то русский исход.

Но поэт и во времени прозы живёт,
И невольно поёт про народное благо —
Про колхоз, про войну, про бараки ГУЛАГа,
Про нерусскую совесть, про русский исход...

И поёт — для стихов скоро время придёт,
Что пройти до него остаётся полшага,
Да колхоз, и войну, и бараки ГУЛАГа,
И нерусскую совесть, и русский исход.

* * *

Всё повторяется — смоковница не плодоносит.
Времени не хватает. И не хватает труда.
И подступает сомненье. И наступает осень.
И нависает небо. На дереве ни плода.

И не хватает света. И между строк листопада —
Сколько еще мне осталось? Может, остался год.
И подступает трепет, что думает виноградарь:
Надо срубить смоковницу — зря лишь она растёт.

---

* * *

— Лечись, сынок! — сказали мне старушки,
Что на скамейке во дворе сидят. —
Вон Достоевский побывал в психушке,
Ему вкололи новый препарат.
Он стал здоровым. Верится в такое
С большим трудом. Но, говорят, смогли.
И подлечили всех его героев,
Поправили и души, и мозги.
И я узнал: правозащитник модный —
Раскольников, князь Мышкин — шоумен,
Пётр Верховенский — стал слугой народным,
И поднимает Родину с колен.
И я поверил, может быть, не сразу:
Жизнь изменилась явно и тайком —
Учителем стал Дмитрий Карамазов,
Считается отличным физруком.
И к жизни Свидригайлова вернули.
Застряла пуля у него в виске.
Он вышел из больницы, бывший шулер,
И мэром избран в тихом городке.
Полифония умерла.
Частушки
У нас в чести. Особенно весной.
Зато любого вылечат в психушке,
Будь ты хоть Достоевский, хоть Толстой.

* * *

Деревня потихоньку гибла
От дураков и от дорог.
Деревне не хватало гимна,
Высокого, как сена стог,

Простого, словно день недели,
Родного, как коровий рёв, —
Чтоб гимн бы этот все запели —
Все семь оставшихся дворов.

И от мелодии душевной
Смог осознать любой дурак,
Что гибнет русская деревня,
Но не сдаётся, как «Варяг».

---

* * *

Царство Божие не для пьяниц,
Знаешь, русский мой человек,
Больше нашего пьет испанец,
Пьют прилично поляк и грек.

Но о нас говорят с укором,
Что мы пьем с тобой день-деньской,
Потому что спим под собором,
Хмель тяжелый смешав с тоской.

А в соборе иконы, ладан,
Свечи, служба — спасенья ковчег.
Надо встать! Царство Божие рядом.
Встанем, русский мой человек!

ПРОГНОЗ НА ЗАВТРА

Сказал узбек, что завтра будет снег,
Июльский снег на землю завтра ляжет.
И кинул в масло новый чебурек
В закуской почти на самом пляже.

Магнолия еще не отцвела,
И засыпала яхта на причале,
На солнце грелись праздные тела.
И завтра снегом это всё завалит?!

И станет льдом ленивая волна,
Промёрзнет, словно тундра, южный берег?!
— Не верь ему, — сказала мне жена.
Не знаю почему, но я поверил.

Всё может завтра быть — не врёт узбек —
И снег, и грех, и тараканы в супе.
Не покупай на пляже чебурек.
А то еще и завтра не наступит.

МОЛИТВА

(Равноапостольному Владимиру)

Великий княже! Не сочти за труд,
Ты помолись о нас, святой Владимир,
О наших душах и о нашем Крыме —
Чтоб идолы бы пали наших смут.

И нашу власть молитвой умудри,
За ней догляд небесный, знаешь, нужен.
Она, конечно, честная снаружи,
Но неизвестно, что таит внутри.

И неизвестно, в планах что у ней,
Какие грандиозные бумаги.
Нам говорят, что о народном благе...
Но по молитвам все-таки верней.

* * *

В искусстве исчезает тайна —
И ничего оно не стоит,
Когда становится дизайном,
Годится разве на обои,

Когда годится на флешмобы,
На приложения для майки,
Когда заискивает, чтобы
Понравиться домохозяйке,

Девиче томной и альбому
Солдатика со службы срочной,
Понравиться жлобу любому,
И взгляду скважины замочной.

И опускается до мата.
Противиться не в силах гордым —
Искусство чёрного квадрата
Годится разве на кроссворды.

А тайны нет. Она уходит.
То в духа древние колодцы,
То растворяется в природе,
То в сердце детском вдруг проснётся.

НАВОДНЕНИЕ В БАНГЛАДЕШ

Что нам ближние люди?! Томимся в тоске,
О любви говорим непонятно и грустно.
Человек просит помощи, тонет в реке,
А у нас на устах: «Как сказал Заратустра...»

Помоги, если можешь, а то и утешь,
Полюби, если можешь, без всяких резонов.
И не мучай других: — Как дела в Бангладеш?
Сколько там утонуло от южных муссонов?

Каждый год то же самое — снова ко дну
Чьи-то судьбы идут вместе с рисом и просом.
Жизнь течёт, человек в ней от слов утонул,
Захлебнулся он в ней от дежурных вопросов.

Только что нам течение жизни и рек?!
О себе сочиняем красивые сказки,
И любовь умирает — и с ней человек.
А у нас на устах: «Как сказал Станиславский...»

Он сказал: — Я не верю!
Как можно ни с кем
Не делиться внезапной сердечною раной?
Человек просит помощи — тонет в тоске
От того, что в дождях тонут души и страны.

* * *

Я опоздал... Куда года летели,
Глаза глядели, не пойму никак...
Чего уже мне драться на дуэли?!
Неюный возраст для смертельных драк.

Уже я не избавлюсь от сомнений,
Зачем взводить старательно курок?!
Чтобы жена сказала: «Ты не гений.
Стреляет гений мимо. Ты не смог»

Я опоздал... Мне гением быть поздно.
И поздно беречь об этом грусть.
Я опоздал стрелять картинно в воздух.
Неюный возраст. Я не промахнусь.

* * *

Не говори — нет родины, даже если ты Цой,
Даже если чай индийский заедает мацой,
Даже если ты герцог — какой-нибудь Бекингем,
Даже если пьяный, даже если голый совсем.

Не говори — нет родины, нет никаких границ,
Только планета мюзиков и с героинем шприц,
Только завтрашний август, и только вчерашний хлеб,
И только тяжелый рок, и только ритмичный рэп.
Не говори — нет родины, даже если ты Цой,
А если не Цой, то о чем можно спорить с овцой?
Если ты не Цой, не Курт Воннегут, не Бекингем.
И не пьяный от родины. И не голый совсем.
То о чём эта песня? О чём эта жизни жуть?!
Если родина есть. Да про чью только честь...

* * *

Что за русская вера всему вопреки?!
Если часто в родном околотке
Погибает свобода от тёмной тоски,
От несвежей трески и от водки.

Кто-то думает, что под Москвою мороз,
Тонкий лёд на Чудском — всё случайно.
Просто климат такой.
Только с климата спрос —
И какая в том русская тайна?

Нездоровые люди. Ворчат невпопад.
Две беды: дураки и ухабы.
То в болото сведут, то столицу спалят.
И чего не сдаются? Пора бы...

Защищают ухабы свои дураки.
Не подходит тевтонская месса
Для сумы и зимы, для широкой реки,
Для молчания русского леса.

Потому что в родном околотке живет
Не одна лишь тоска и природа,
Но и русская вера, и русский народ,
Хоть и мало осталось народа.

* * *

Во все грозили времена,
Что очень скоро по приметам
Придут болезни и война,
Потом конец наступит света,

Что скоро за бедой беда
Небесные обрушит своды —
И строгость Страшного суда
Познают грешные народы.

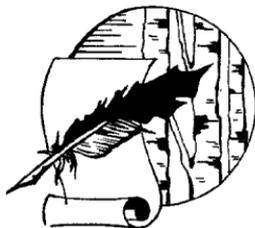
Покайтесь! Мытари земли!
Немного вам еще осталось!..
Но годы шли, и войны шли,
Но жизнь текла и продолжалась.

Зря только слов лилась вода
Астрологов и лжепророков.
Зачем людей пугать, когда
И ангелы не знают сроков?!

Товарищ, верь, взойдет она,
Звезда в провидческих потёмках —
Россия вспрянет ото сна.
Еще внимательным потомкам
Напишут наши имена
На толерантности обломках.

Наступит русская весна,
А за весною будет лето...
И лишь потом потоп, война,
Конец истории и света.

г. Сыктывкар

Виктор КАРПУШИН

ЛУНА, РЕКА И ЛОДКА...

* * *

Пора слоистых облаков,
Дождей привычно морозящих,
Старушек у крыльца сидящих,
Блаженных сельских дураков.

Плутаний долгих по лесам
Настало золотое время.
Я это сладостное бремя
Без грусти выбираю сам.

«Ау» похоже на пароль,
Таким же получился отзыв.
А лес беспечен и берёзов,
Ему к лицу такая роль.

Бывает в радость листопад
И замирание природы,
Хотя, какие наши годы,
Бреду в тумане наугад.

И что-то будет впереди
Необычайное, наверно,
Проснётся мёртвая царевна
И тихо вымолвит: «Дожди...»

ПОСОХ

Когда в траве следы простыли,
Когда реки ребрится гладь,
Возьми берёзовый костылик,
Чтоб по России ковылять.

Спроси совета у кукушки:
Когда закончится тоска?
Вновь облаков плывущих стружки
Коснулись дальнего леска.

Постой у сломанной осины,
Попробуй отдохнуть слегка.
И, помянув о Божьем Сыне,
Смотри на лес и облака.

Надейся на нелепый посох,
На одиночество полей,
Когда следы — в студёных росах
И вера — посреди людей.

* * *

На Рождество привычно верить в чудо,
Искрится снег — сплошные чудеса!
В саду с внучком гуляет баба Люда,
Божественны синичек голоса.

Вполне прилична местная богема,
Пусть раздражают курево и рэп...
Как не поверить в тайны Вифлеема,
И в крестный путь, и в странности судеб?

Как обойти затянутую прорубь
Синеющим искрящимся ледком?
Выклёвывает крошки серый голубь,
Распятые рифлёным каблуком.

Жизнь принимает сказочные формы;
До полночи, наверно, полчаса.
Ведь не мешают иногда смартфоны
Небесных сфер расслышать голоса.

* * *

Ходили на́ реку, но вряд ли за водой,
Искали счастье — редко находили.
Довольствовались жёлтой лебедой,
И поутру с неё росинки пили.

Никто не мог блаженных упрекнуть
За праздное шатанье, сумасбродство.
Здесь иван-чай нам вымахал по грудь
И верилось, что кончится сиротство.

Что мудрая жужжащая пчела
Укажет на заветную тропинку,
Где равновесие добра и зла,
Пока роса не покачнёт травинку.

* * *

Дальше ехать некуда, —
Кладбище, река.
Не забросить невода,
Не попить пивка.

Сонная окраина
На краю страны.
Авель ищет Каина —
Дружат братаны.

Драма иудейская,
Русская тоска.
Ворон не по-детскому
Смотрит свысока.

Может, после дождичка
Встретимся в четверг?
Узкая дорожечка,
Станный человек.

Скажут, эка невидаль,
Так всегда жилось.
Брошенные неводы.
Рыбка. Всё сбылось.

* * *

Здесь не летают ангелы, лишь пчѣлы
Садятся на тревожные цветы.
Здесь косят травы Павлы и Николы,
Сердца открыты, помыслы чисты.

Здесь зреет клевер и желтеет пижма,
Кукушка знает странников судьбу..
Здесь доверяешь грусть тропинкам ближним,
Не тяготит котомка на горбу.

Не отвлекают солнечные блики
На розовой под утро бересте.
Здесь в зарослях колючих ежевики
Сорока носит вести на хвосте.

И путь открыт, и тишина открыта
Для долгой песни, дальнего костра.
И травами дорога перевита,
И родина наивна и добра.

* * *

Носили воду решетом,
Гадали: долго ль будет осень?
Глядели в небо над прудом
И различали всхлипы вёсел.

И веселились иногда,
Гадая на кофейной гуще...
А в кухне капала вода,
А за окном летели гуси.

И жизнь летела под откос,
И поезда спешили мимо...
И мокла пачка папирос,
И был не горьким привкус дыма.

Была рябина не горька
В преддверии морозов первых.
И лодочка была легка,
И леший не играл на нервах.

ПОРОША

Прими микстуру, нет, не принимай,
Зайди в подъезд, но лучше чёрным ходом...
В углу двора — разохшийся сарай,
Вот только жаль, не с домофонным кодом...

Туда любой желающий войдёт,
Хотя зачем копаться в тёмном прошлом?
А снег идёт, и завтра — гололёд;
Как хороша февральская пороша!

Запороши ущелья чердаков,
Разбереди мятущуюся душу!
Прими микстуру, покорми котов,
Виолончель метельную послушай.

* * *

Неспешно проявляется луна
Сквозь облака, плывущие на запад.
И, кажется, трава воспалена,
Присутствует тоски и боли запах.

Перебинтован город мой рекой,
Кувшинок поплавки — в зелёной ряске.
Плутают рядом воля и покой,
И лодочник, как персонаж из сказки.

И сказочка нелепо коротка,
Искрятся нелюдимые затоны.
Такой бывает тихая река,
Где все мостки и омуты знакомы.

И ландыши видны среди могил,
Им хорошо средь вечного покоя...
И всё сбылось, о чём давно просил:
Луна, река и лодка на приколе.

г. Балашиха Московской обл.

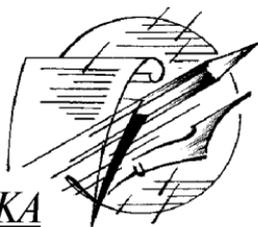
ДОНЕЦКИЙ ИСХОД

Мне говорили, что в этот раз всё будет не так, как раньше. Что такого я ещё не видел. А я усмехался: да бросьте вы! Который раз еду... Чем меня удивишь? Но Донбасс сегодня — это место, где пространство сжимается, время умеет течь вспять, а слова могут значить всё, что угодно...

Мой адрес — не дом и не улица... Это в Советском Союзе адресом человека могла быть одна шестая часть суши. А теперь наоборот: адрес целого государства, пусть и маленького, пусть и не признанного — это... абонентский ящик на поселковой почте! То есть снова не дом и не улица... Адрес всего Донбасса (по крайней мере, всей территории, контролируемой властями ДНР) — это посёлок Куйбышево Ростовской области РФ!

Нет, конечно, есть большой почтамт в центре Донецка, и «Почта Донбасса» есть, но работает она очень медленно — и, говорят, всё равно через Куйбышево. Проще приехать и забрать самому.

Поэтому именно там, на почте в Куйбышево, и была назначена встреча с «Гордым». За годы войны позывной прирастает к имени так, что порой остаётся на памятнике или мемориальной доске: Всеволод «Ковыль» Петровский, Михаил «Гиви» Толстых...

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Гордый стоял у машины в ожидании, когда откроются заветные двери. Замполит роты работает... почтальоном! А что делать? На «передке» некомплект, посылать некого.

Свой «передок» он прошёл сполна. Он воюет с самого начала. И даже — раньше, чем сначала. Митинги «Русской весны» в Донецке, Дом профсоюзов в Одессе, откуда он уехал домой за день до трагедии, чудом избежав страшной участи... Потом ополчение. Начинать рядовым бойцом. Потом командовал отделением. Потом подрыв на mine, ампутация ноги, возвращение в строй, и уже без ноги — рост по службе, небыстрый и непростой...

И всё равно в нём сохраняется что-то невоенное. Нет пресловутой выправки, чеканных фраз, «восемнадцать — двадцать семь», «довести личному составу...» Смотришь на него — и не веришь, что это он — герой, в момент взрыва нашедший в себе силы здраво оценить обстановку и крикнуть своим подчинённым, ринувшимся его спасать: «Пацаны, назад!»

И, кстати, он оказался прав. Рядом нашли ещё несколько «чёрных вдов» — противопехотных мин...

Каково ему теперь — Алексею Маресьеву нашего времени?..

— Как водить машину? — смеётся Гордый. — Эта — автомат. А другие — умельцы переделывают, сцепление выводят на руль, ничего, наши пацаны водят!

«Наши пацаны» — это ополченцы-ампутанты... Гордый создал сообщество тяжелораненых ополченцев. Они обмениваются опытом тренировок, сообща решают проблемы, поддерживают друг друга...

За разговорами мы подъезжаем к границе.

Мариновка. Страшные бои лета четырнадцатого года. Когда «укры» не стеснялись бить по территории РФ, чтобы достать бежавших туда ополченцев — вчерашних работяг, ещё совсем не имевших ни опыта, ни даже формы. А российские пограничники были статистами, наблюдавшими, как перестает существовать то, что они обязаны защищать ценой жизни — граница их страны. И как на территорию Российской Федерации переносятся боевые действия.

И на том спасибо. Могли бы и вдарить по ополченцам. А что? Те первые пересекли границу с оружием в руках, что по нормам международного права является агрессией. А у нас — правовое государство... Так что верхом смелости и благородства для них было — самоустраниться... прикинуться ветошью и не отвечать, пока в их доме одни незваные гости спокойно добивали других незваных гостей, бежавших сюда от безвыходности положения.

Но то было давно. А сейчас, как и до войны, доброжелательные и весёлые прапорщики шутят с проезжающими, листают паспорта — российские, украинские и новые «дэнээ-

---

роские» (именно так, через «э»), а по громкой связи просто и без обиняков предупреждают, что денежные купюры, забытые в документах, будут рассматриваться как основание для возбуждения уголовного дела по статье 291 УК РФ...

Удивительно, но мне никто не задал «обязательного» вопроса: «Зачем едете на Украину?» Вот уже семь лет его задают на пунктах перехода границы всем, кто выезжает в Республику из РФ. Нетрудно представить, что при этом ощущают стоящие тут же в очереди жители республик, военные и гражданские, которые вот уже семь лет живут и жертвуют здоровьем, здоровьем, а многие рядом с ними пожертвовали жизнью ради того, чтоб их земля не была Украиной — ни фашистской, ни «пророссийской», никакой! А была частью России или хотя бы Русского мира. И в этой самой России они слышат подобный вопрос... Так что пограничникам в Мариновке действительно было за что сказать «спасибо».

Зато мой трудовой договор с одной из организаций ДНР рассматривали чуть не под лупой. Раза три куда-то звонили, зачитывая нараспев его пункты. Наконец, явно не избавившись от подозрений, почти швырнули его мне вместе с паспортом. Ибо въезд в ДНР закрыт. Вернее, даже не въезд в ДНР, а — выезд из РФ.

И нет, не от злого умысла. А от коронавируса. В распоряжении правительства РФ от 27 марта 2020 г. № 763-р о проведении мероприятий по предупреждению проникновения на территорию Российской Федерации новой коронавирусной инфекции ясно сказано, что «с 00 часов 00 минут по московскому времени 30 марта 2020 г. временно ограничено движение через автомобильные, железнодорожные, пешеходные, речные и смешанные пункты пропуска через государственную границу Российской Федерации». То есть для всех и всюду. А обладатели российского гражданства, живущие «в отдельных районах Донецкой и Луганской областей Украины» (так на предательском языке «минских соглашений» называются республики Донбасса) могут ездить с родины на родную землю без ограничений. И снова — на том спасибо.

Но местные власти проявили рвение. И пошли дальше. И перекрыли границу... с Луганской республикой! Правильно, иностранное же государство. Казалось, совсем недавно шли разговоры об упразднении этой границы... А сейчас — уже радуются указу главы ДНР о её открытии! С донецкой стороны...

Но и это не всё. Запрещать — так запрещать. Теперь внутренняя граница появилась и... в Донецкой республике! Санэпидкордоном решили оградить Новоазовский район. Почему? Наверное, потому, что это единственная приморская территория в ДНР, единственная курортная зона — в посёлке

Седово. Поэтому в летний период (!) её нужно — что? Правильно, изолировать! Ввести спецпропуска на въезд и на отдых. Во избежание...

Понятно, что если в условиях пандемии не принять ограничительных мер и в частности — на курортах, и без того небольшое население ДНР может попросту перестать существовать. Но ведь меры-то бывают — разные! И необязательно копировать мыслеход самых сочных персонажей Чехова и Салтыкова-Щедрина...

Читать это, может быть, и забавно, но жить так... особенно в прифронтовой зоне, особенно с детьми и на ничтожные по меркам РФ зарплаты, когда Крым или Сочи не могут даже рассматриваться как варианты летнего отдыха, а полежать летом на горячем песке и окунуться в тёплое море надо хотя бы для того, чтобы следующей осенью не сойти с ума в бомбоубежище, слушая, как залпы миномётов разносят крышу твоего дома и перекапывают твой огород вместе с урожаем... Жить так становится невозможно. И, может быть, эти рогацки на пути в Седово стали последней каплей для многих колебавшихся: остаться или всё-таки уехать в РФ. Конечно, терять население за счёт эмиграции — это меньшее зло, чем за счёт вымирания, но...

Интересно, а к чему так самоубийственно усердствует руководство ДНР, стремясь быть святее папы римского? В России и обстрелов нет, и зарплаты повыше... и территория, мягко говоря, побольше, и запрет на приезд друзей из-за границы переносится куда легче.

Может быть, это проявление чистой любви? Вот она, видна невооружённым глазом в кабинете каждого донецкого начальника: портреты «Пу и Пу» (Путина и Пушилина) над рабочим столом! Но отважусь предположить, что если бы это было так, люди в Донецкой республике, пусть и дав волю языку, всё же поняли бы своё руководство — что делать каждый любит, как умеет. Но ожидать подобного от человека, который сколотил своё состояние в печально известном «МММ» г-на Мавроди, а в 2013 году, то есть перед самым майданом, создал партию с тем же названием, в 2015 г., в разгар войны участвовавшую в выборах в Верховную Раду (партия Дениса Пушилина «МММ» — «мы маемо мету», то есть «у нас есть цель») — пожалуй, нет. Ожидать от такого человека чистой любви к чему-либо, кроме денег, может только очень наивный человек. А деньги на Донбасс, пусть и не огромные, из бюджета РФ выделяются постоянно, и если «у нас есть цель» — это их грамотное распределение, то... многое становится понятно.

Впрочем, я отвлёкся. Мы проехали только первые километры по донецкой земле. И впереди у нас — Саур-Могила.

От одного названия становится не по себе. Веет чем-то древним и зловещим для отпрыска земледельческой цивилизации — то ли тюркским, то ли гуннским, то ли монгольским... Как всякая господствующая высота в степи, этот холм имеет очень древнюю историю культов и войн. А в последнюю, вернее, теперь уже предпоследнюю войну Саур-Могилу наши войска брали дважды и удерживали от яростных контратак гитлеровцев в 1943 г. Это было одно из самых кровопролитных сражений самой кровопролитной войны. И монумент, воздвигнутый там — уже второй по счёту — вполне отражал величие и трагизм тех событий.

И в 2014 г. это место у нас показывали по телевизору несколько раз в день: «Бои за Саур-Могилу идут с неослабевающим напряжением...» Ещё бы, владеющий этим курганом контролирует половину ДНР и выход к российской границе. Тогда батальон «Восток» и особенно — взвод Олега «Медведя» Гришина сделали невозможное. Они вгрызлись в эту высоту и удержали её, находясь в окружении. Шестнадцать человек в тот момент выполнили задачу, позволившую вскоре окружить несколько тысяч украинских солдат в так называемом «Изваринском котле». Позициями для бойцов «Востока» служили пилоны и мемориальные доски с именами погибших дедов. Их собственные могилы теперь на страже этого места.

И сейчас его порой можно видеть на наших экранах. Минимум раз в год — 9 мая, в репортажах о праздновании Дня Победы в Донецкой республике... В этот день здесь собираются тысячи людей. Как и в памятные для Республики даты.

И вот я здесь. Пасмурное утро, будний день — сейчас здесь нет никого. Я абсолютно один.

Подъём на холм — как собеседование с теми, кто остался здесь навсегда. С ровесниками моих дедов, которых я не застал, и со своими ровесниками. Которые воевали, укрываясь за гигантскими чугунными лицами и фигурами. Теперь эти лица посечены осколками, эти фигуры упали. Дважды павшие и дважды защитившие родную землю.

Не бояться врага — вот то, чему мёртвые учат живых. Интересно, тогда, в 2014-м, в украинской армии было полно людей, ненавидевших фашизм и не желавших ему служить. Неужели тот факт, что им приказывают стрелять в памятник героям Великой Отечественной, не заставил их задуматься, усомниться?

Перефразируя Высоцкого: «Здесь **снова** вставала земля на дыбы...» А вот и новые — но нет, совсем не гранитные плиты. Скромные кресты новым мученикам, отстоявшим Саур-Могилу. Заплатившим за неё жизнью. Захоронения у подножия холма и почти на самой вершине. Здесь лежат «Медведь» и

его боевые товарищи. Навеки вместе... И в память о них — скорбный колокол и часовня внизу.

«Мы ездили на Саур-Могилу. И я был поражен тем, насколько красивый получился символ. Когда ты видишь советский памятник, изрешеченный пулями — это символика 200-процентного уровня. Здесь воевали, потом поставили памятник, потом снова воевали. Такого в мире, кажется, нигде больше нет, чтобы уже отработанный культурный объект, причем отработанный по военной теме, снова стал актуальной военной темой. Я бы настаивал на том, чтобы там всё оставили так, как оно есть. Там не нужно ничего менять». Это слова Константина Крылова, публициста и философа, сказанные им незадолго до своей кончины в интервью сайту Движения «Новороссия» 30 октября 2019 г. И с этими словами согласны абсолютно все, с кем мне случалось говорить на эту тему в Донбассе. Кто приезжает сюда возлагать цветы из всех городов ДНР.

Но что это?! Перевожу взгляд в сторону... Бульдозеры, самосвалы, краны, домики-балки на колёсах...

«Начиная с 24 мая 2021 года сотрудники Республиканского спасательного центра при помощи тяжелой специальной техники проводят работы по расчистке территории «Саур-Могилы» от обрушившихся конструкций монумента...» При этом нашли заваленное подвальное помещение, в котором укрывались ополченцы, и георгиевскую ленточку, пролежавшую там семь лет. Так писали «Сводки от ополчения Новороссии» 28 мая этого года. Чуть позже, 4 июня, они же написали: «Мемориальный комплекс на Саур-Могиле будет восстановлен». А ещё чуть позже появились и макеты будущего мемориала.

Что раскопали бункер и нашли реликвию — это, конечно, прекрасно. И как-то облагородить место, чтобы руины сохраняли свой величественный и скорбный вид и не превращались в подсобные свалки, естественно, надо. Но ни живых ополченцев, ни родственников павших, ни местных жителей никто ни о чём не спросил. Нужно ли кому-то мнение народа в народной республике?

«Мемориальный комплекс будет восстановлен»... Какая дьявольская двусмысленность! Значит, этого всего — скоро не будет? Памятник будет в первоначальном виде?! Восстановить памятник — значит стереть память... То есть была лишь одна война, Великая Отечественная, а то, что сейчас — это не бои, а так, бытовой вандализм... помнить нечего, гордиться нечем, надо — ликвидировать последствия! И — примиряться, примиряться... как велят «минские соглашения».

Интересно, а как быть с могилами? Тогда, в четырнадцатом году, их воткнули прямо в архитектурный ансамбль, то есть в поле боя — и, конечно же, ничего не оформив... Тоже под нож?

— Да кого это волнует в сегодняшней ДНР?! — горько усмехается «Гордый», крутя баранку. — Когда мы всем батальоном хотели памятник поставить своим боевым товарищам — что вы думаете? Не дали! Местная администрация не дала. В этом месте, говорят, нельзя.

А то, что в этом самом месте они погибли — чтобы она, администрация, теперь сидела здесь под чёрно-сине-красным флагом, — кого это волнует?

Впрочем, не все инициативы военных встречают такую реакцию. Например, когда нужно помочь живым, но израненным однополчанам...

«Тимур» из Макеевки — бывший миномётчик. После ранения он не может ходить. К счастью, живёт он на первом этаже. Но пандус в его подъезде был сделан ещё в советские годы исключительно для проформы: «положено — будет». Очевидно, те, кто его проектировал, не верили, что им когда-то кто-то будет пользоваться. Усовершенствовать его было невозможно. Его можно было только сделать заново.

«Тимур» и его однополчане обращались к начальникам разных уровней, к депутатам Народного Совета, просили, писали... Результат — ноль. Наконец махнули рукой и всё сделали сами. В свои личные «увалы» — увольнительные, за свои личные деньги. Заработанные на «халтурах», ибо на зарплату («денежное довольствие») даже военным в ДНР не то что закупать стройматериалы, а и прожить непросто. Кто вспомнил свою гражданскую профессию, а кто и овладел новой. Сделали пандус. Это была радость! Это было событие!

А где событие — там и журналисты. Работа у нас такая... А где журналисты — там и депутаты, и начальники всех уровней! Те самые, кому писали, к кому ходили на приём... Как у Аверченко — «люди, близкие к населению»... И каждый произнёс слова, в которых вроде бы не соврал, но — высказался так, что можно было не сомневаться: именно его принципиальная позиция в нужный момент решила исход дела.

«Тимур» теперь может покидать дом и возвращаться без посторонней помощи. А «пацаны» — порадовались... и вернулись в окопы. Не депутаты же с начальниками будут республику защищать! Хотя исключения есть, об одном из них — речь впереди...

Только ленивый не писал о том, что на крошечной территории ДНР, да что там — в пределах Донецка умещаются роскошь ресторанов и разбитые войной дома. Они попадались и по пути — в Снежном, в Шахтёрске — но уже редко. О тех страшных боях не напоминает почти ничего.

А вот запустение нарастает. И уже не военное — вполне мирное, бытовое, от безразличия. То самое запустение, которое всегда было ментально чуждо Донбассу и в городах, и в сёлах.

Зато и в городах, и в сёлах — повсюду флаги ДНР, на всех учреждениях, конторах и даже ларьках. И номера ДНР на всех машинах. И слово «республиканский» везде: рынок, музыкальная школа, реабилитационный центр...

Донецк, как всегда, от окраины к центру — всё более и более ухожен и чист. Но даже в центре, прогуливаясь по хорошо знакомым местам, начинаешь замечать лёгкий налёт упадка и запустения.

Где хватает метлы и совка — там порядок. Но вот где-то что-то потрескалось, отвалилось... Газоны идеально пострижены, как и раньше: на Артёма, вокруг ОГА (Облгосадминистрация, она же — Белый дом, она же — флагман эскадры правительственных зданий), в других самых видных местах... Но чуть дальше — степь наступает на розы прямо на бульварах... А раньше наводили чистоту и стригли газоны даже под обстрелами! Теперь же — где неохота, а где и некому. Отток людей в Россию огромен, об этом говорят все... кто ещё не уехал.

Мешки с песком у некоторых стен. Биться за город давно передумали, а они так и лежат с весны...

Но при этом в центре города вывески и таблички — сплошь и рядом на двух языках: русском и английском. Европейская столица... Вот только ироничный филологический взгляд замечает одну странную деталь: транслитерация на английский выполнена не с литературного русского, а... с малорусского диалекта, ныне именуемого украинским языком! Когда-то весьма остроумно заметили, что отношение человека к России видно по тому, как он пишет слово «Киев» по-английски: Kiev («Киев») или Kyiv («Кыив»). Так вот, в **русском** Донецке почему-то название проспекта Богдана Хмельницкого пишут не Bogdana, а — Bohdana («Бохдана»), проспекта Гурова — Hurova и так далее. Видимо, украинский засел в подсознании... Или руки не доходят заменить? Или — безразлично?

А нужны ли они вообще, эти таблички на английском? Даст Бог, сюда вернётся активная международная жизнь. В гнездилище донецких интеллектуалов, в кафе «Легенда», мне встретился американец из Кембриджа, штат Массачусетс. Пару раз на улице попадались немолодые смуглокожие выходцы то ли из Африки, то ли из Южной Азии. Но это уже свои... Раньше их было много — учились в донецких вузах, приезжали по делам... Городской фольклор сохранил нетолерантное словечко «Негробанк» — место на углу Хмельниц-

---

кого и Артёма, где... скажем так, иностранные студенты меняли валюту.

Недалеко от «Негробанка» мы встречаемся со Светланой Щербаковой — активисткой «Русской весны» и публицистом. Общение с ней все эти годы даёт обильную пищу «акулам пера» и «королям видеокамеры», приезжающим в Донецк. Её добровольно взятая на себя ещё семь лет назад миссия — это служение Республике словом и мыслью. Всегда сдержанная и аккуратная в формулировках Светлана поражает меня с первых же минут.

— Как хорошо, что Вы приехали! К нам сейчас приезжают очень мало. И людей сильно деморализует невозможность пригласить друзей из России или даже из соседней ЛНР. Давит чувство отрезанности от России. Ведь люди вставали за то, чтобы быть вместе с ней, точнее — быть частью её... Будь мы российским регионом, разве возможно было бы такое?!

С ней трудно не согласиться.

— А так, на этой территории, — продолжает Светлана, — работы всё меньше и меньше, будущее — совершенно непонятно, а главное — непонятен смысл. Зачем это всё? Идеи, двигавшие людьми в 2014—2015 годах, уничтожены напрочь. Знаете, — она неожиданно резко оборачивается, — я впервые стала задумываться о переезде в Россию.

Мысль, которая невольно приходит в голову. Если, с одной стороны, создаются условия, выживать в которых всё труднее и труднее (причём и морально, и материально), а с другой — все формальности (паспорта, законодательство, денежная единица, производственные и образовательные стандарты, документы — от дипломов до полисов ОСАГО) унифицируются с Россией — не означает ли это, что взят негласный курс на выдавливание всего или почти всего населения Донбасса в Россию? Не сразу, но достаточно быстро, в течение, скажем, пяти или десяти лет? Чтобы переезд был предельно облегчён... И если это так, то — вопрос на сообразительность: где был взят этот курс, в Донецке или в Москве?

И ещё один вопрос, вдогонку: а обезлюдевшую землю заберёт — кто?

А теперь вспомним, что сказал один из главных украинских фашистов Дмытро Ярош ещё в 2014 г: «Донбасс будет украинским либо безлюдным».

Теперь, я думаю, становятся куда понятнее слова российского руководства о «конструктивном партнёрстве» с государством Украина... Слова, которые с завидным упорством повторяют все эти годы, что бы ни происходило в Донбассе и

в двусторонних отношениях... И обострение этой весной, когда к украинской границе сутками шли эшелоны, а с той стороны грозились взять Донецк и Луганск — не более чем спектакль, рассчитанный на нас с вами.

Светлане вторит Валерия Галкина. Она тоже в событиях «Русской весны» участвовала с самого начала — с апреля 2014 г. Трудилась — да нет, пожалуй, служила — в первом в ДНР военкомате, практически круглосуточно принимая и оформляя добровольцев... Потом я видел её, с той же самоотверженностью работавшей в общественном движении «Свободный Донбасс».

— Настроение у всех — уезжать. Поездки на заработки разрушают семьи. На Москву всякий раз — полный автобус молодых мужиков. Едут не на высококвалифицированную работу, отнюдь!

Едут соревноваться с уроженцами Средней Азии на самых бросовых халтурах... Хотя нет, почему. Квалифицированных шахтёров ждут угольные бассейны огромной страны. Когда-то так фильтровали эмигрантов из СССР в Израиле или Штатах...

Наталия Дадоевкова, напротив, уезжать категорически не намерена. Хотя её работа как раз располагает к тому, что стало принято называть «академической мобильностью». Проще — способностью бестрепетно перелетать из Лондона в Дели и из Дели в Нью-Йорк в поисках лучших условий. Она — научный сотрудник, доктор физико-математических наук. Пережив в родном Донецке страшное лето четырнадцатого года, посещая свой опустевший институт, впоследствии она отдала профессиональную дань этой самой мобильности, проведя несколько лет в Ульяновске, — но вернулась домой. Пошла против течения. Может быть, её мнение будет отлично от остальных.

— Дело не только в том, что это моя родная земля, что здесь мои родители, мой дом, моя жизнь. Говоря объективно, Донбасс — это индустриальный заповедник. Он абсолютно уникален в этом качестве для России. Это регион, для которого техника, технология, производство стали его историей, его самоощущением. И этот заповедник гибнет. Заводы режут на металл. На железной дороге между шпалами уже кое-где поднимается лес...

Причём такая же картина — и за линией фронта...

Донбасс никогда не был чисто угольным краем. В нём с самого начала уживались добыча полезных ископаемых и чёрная металлургия. В советские годы добавились машиностроение, химическая, лёгкая промышленность и, конечно

же, транспорт — так, Донбасс обладал самой густой в СССР сетью железных дорог, примерно, как Германия.

Но и это не всё. Донбасс — это ещё и конгломерат из десятков НИИ и КБ, технических вузов и университетов. В СССР Донбасс успел стать одним из центров зарождающихся компьютерных наук. Отсюда был родом и здесь начинал свой путь в науке академик Виктор Михайлович Глушков — человек, чьи работы по информатике опередили время лет на сорок, человек, создавший не имевшую аналогов в мире систему хранения и анализа народнохозяйственной информации ОГАС и читавший лекции по всему миру... Флагманом донбасского технического интеллекта был ДПИ — Донецкий политехнический институт, ныне Донецкий национальный технический университет (ДонНТУ), отметивший в этом году своё столетие. Об этом напоминают гигантские плакаты на его корпусах и маленькие талончики в городском транспорте: «100 лет ДонНТУ».

С доцентом этого университета Александром Коняевым мы и говорим о разном:

— Работы у университетских преподавателей резко прибавилось в последние годы.

— Но ведь студентов явно больше не стало? — спрашиваю я.

— Студентов недобор, — соглашается мой собеседник.

— Появились новые научные проекты?

— Нет, увы, и близко нет.

— Тогда в чём же дело?!

— Во-первых, — отвечает Александр, — бюрократия. Бумаг, обязательных к заполнению, стало намного больше. А во-вторых, масса общественных мероприятий, на которые надо гонять студентов, и только попробуй уклонись! Все эти флэшмобы и прочее...

Вспоминаю чью-то шутку: ДНР — Донецкая нарядная республика...

Но вместе с тем — чисто визуально — ещё ни разу с 2015 года я не видел в городе столько молодёжи! На улице, в учреждениях, в общепите, где я живу. Много совсем юных ребят в форме — курсанты народной милиции (то есть военные) и полиции (то есть милиционеры). Весёлые лица, горящие глаза. Может быть, они не понимают, что у них нет будущего? Или... это мы, «взрослые», чего-то не понимаем? А они будут жить и строить республику несмотря ни на что?

Хотелось бы верить, но не уверен. Пару лет назад я читал лекцию в одном из донецких вузов. Аудитория была полна. Я говорил, в частности, о том, как это важно, чтобы студенты ДНР не подавались искать счастья в Россию, а оставались

здесь, в республике. Расписывал перспективы. Предлагал сотрудничество. Ребята внимательно слушали. Особенно один, прямо передо мной, ловил каждое слово.

Через несколько дней мы столкнулись с ним в коридоре. Разговорились. «Скажите, пожалуйста, — говорит он, — а что нужно сделать, чтобы перевестись в университет в Питере?»

...Этот конвейер запущен давно. Вербовщики из российских вузов с удовольствием берут студентов из Донецка. И все довольны — российские вузы, сами студенты, их мамы и папы... В минусе разве что донецкие вузы и республика как таковая, но кого это волнует!

Впрочем, это лейтмотив не только системы образования, но и — армии! Которая переименована в милицию — опять-таки в угоду «минским соглашениям»...

Ополченец «Удав» тоже воюет с весны четырнадцатого — с тех самых пор, когда не было ещё никаких «корпусов народной милиции», а было — ополчение... Без денег, без формы и часто без оружия. Но — с горящими глазами и с командирами из числа уважаемых людей. «Удав» был в числе тех, кто штурмовал, а потом защищал здание ОГА в Донецке — ныне центр власти и символ всей ДНР. Потом было ополчение, один батальон, потом другой, потом личная гвардия главы ДНР Захарченко. И, видимо, в память о тех временах примерно год назад их батальон и ещё несколько, не вылезавших с передовой, отдали... внутренним войскам. Наделив соответствующими функциями: оборудование блок-постов, контроль и досмотр и тому подобное — в тылу. Наделив функциями, но не штатом и не техникой. А «передок» при этом, естественно, никто не отменял. Видимо, теперь, когда их выводят «на отдых», под отдыхом будет пониматься проверка документов на дорогах...

Как и «Гордый», «Удав» лишился ноги, подорвавшись на mine. Как и «Гордому», это не помешало ему остаться в строю и сесть за руль. «Я учился водить уже без ноги», — говорит он.

Пока восстанавливался после ранения — занялся с другом шиномонтажом. В очередном проверяющем органе потребовали взятку, равную их запланированному доходу. Дело пришлось немедленно свернуть. Спасают строительные «халтуры». Без них ему, теперь уже штабному офицеру, детей не прокормить.

Кстати, по моим наблюдениям, в Донецке стало значительно меньше такси. Но водитель одного из них объяснил мне: нет, меньше не стало, но шашечки ставят на крышу действительно немногие. Поставил — поборов не оберешься.

Прицепятся и обязательно найдут нарушения. Зарботок стремится к нулю.

— Пацаны хотят отправлять детей жить в РФ — здесь у них будущего нет! — говорит «Удав».

Аргумент, что здесь отличное и бесплатное высшее образование, не действует: ополченцы — люди в основном молодые, и дети у них ещё маленькие, а если уж начинать новую жизнь, то так, чтоб в Донбасс не тянуло.

И снова рушатся семьи — воюют мужья или зарабатывают, рано или поздно терпение у жён иссякает, и те хотят видеть их дома, с детьми. Семь лет воевать... Так вся жизнь пройдёт!

Мы с «Удавом» отправляемся по местам его памяти. Они же — и нынешняя линия фронта. Не меняющаяся последние шесть лет. И политкорректно именуемая «линией боевого соприкосновения». Здесь он был ещё рядовым бойцом, потом младшим командиром. Для начала едем на север, в район аэропорта.

Обращаю внимание:

— На Стратонавтов раньше была контактная сеть. До войны ведь троллейбусы ходили! Троллейбусы я уже не застал, но провода помню!

— Разобрали всё, снесли в металлолом, — отвечает «Удав».

— Кто? — не понял я.

— Наши.

— Ополченцы?!

— Ну да.

— Это... как?

Это так. Вопрос с мародёрством стоял очень остро. Решительные командиры открыто заявляли подчинённым, что будут расстреливать за выявленные факты. А в промышленном крае, таком, как Донбасс, ох как есть где разгуляться... Всё равно что браконьерить в заповеднике! Что самое паразитическое, делали это свои же, донецкие — те, кто только что работал в этих цехах, на этих троллейбусах... или их дети. И кто, вообще-то, пошёл — добровольно пошёл! — это всё защищать. И не побоялся выйти с палкой против танка. Они же и мародёрствовали... иногда.

— Я своим сказал так: что лежит — можете брать, но что стоит, висит, ездит — только троньте! Это наш город, наша земля.

— Ну.. не только «ваша», — осторожно возражаю я. — Но и наша тоже. Русская земля.

— Место, где я родился, во многом определило мой выбор, — говорит «Удав».

— А как же ребята со всей России, из-за границы, что сюда ехали, никого здесь не зная?

— Разные причины были. Кто от алиментов бежал, кто за романтикой, кого просто хлебом не корми — дай кулаками помахать...

— А как же идея?

— Несомненно. И я могу, не задумываясь, назвать тех, кто приехал воевать именно за неё. И к ним вопросов никаких. Но могу назвать не меньшее число тех, кто ехал по всем вышеупомянутым причинам.

— Причём и те, и другие могли как проявить героизм, так и струсить?

— Конечно. И даже один и тот же человек мог вчера быть героем, а сегодня «словить ступор» или испугаться. И в этом нельзя обвинять. Многие подвиги совершены в состоянии аффекта, когда человек не вполне понимает, что делает... Подвиг — такая же реакция на страх, как и ступор, и бегство.

Очень похоже мне говорил подполковник в отставке, мотострелок, участник двух чеченских войн...

Да, но тогда как объяснить запредельное мужество пленных, вполне проявившееся и в чеченские, и в эту войну с нашей, подчёркиваю, с нашей стороны? Хотя тоже, естественно, не у всех. Аффекта здесь уже быть не может. Только идея...

«Удав» продолжает:

— Но когда была идея, всё выглядело иначе. А иначе ещё и потому, что к нам иначе относились гражданские! У нас была общая с ними идея. И мы были единым целым. Да и разницы между нами порою особой не было...

В том числе и в прямом смысле: днём работали, семьи кормили, ночью — на блок-пост... И те же самые «упавшие» металллом сдавали: кто ради наживы, выстраивая схемы обогащения, совпадающие со складывающейся воинской иерархией, а кто — чтоб купить бойцам берцы... А что самое трудное для понимания — что большинство командиров должно было как-то балансировать между тем и другим. При этом воюя...

И кормили местные жители бойцов бесплатно или в «вечный долг». И бойцы собирали деньги, чтобы отблагодарить бабу или расплатиться с ларьком. И тут же рядом кто-то из местных взвинчивал цены для служивых. Наживался на тех, кто его защищал — прекрасно зная, что в соседнем посёлке, который не смогли удержать, «укры» убивали всех подряд — и тех, кто помогал «ополчам» бескорыстно, и тех, кто делал на них гешефт... Хотя те, кто имеет гешефт, небесполезно надеются уцелеть при любой господствующей идее.

А местами ещё действовала старая система товарно-денежных и служебных отношений, и не всякий руководитель понимал, что его подчинённый, берущий отгулы, идёт в эти отгулы на «передок» — защищать и свой, и его, руководителя, дом...

Окрестности Иверского женского монастыря. Наши телеканалы так же, как и кадры с Саур-Могилы, облетели когда-то виды этого места, репортажи о службах под обстрелом, виды развороченных взрывами могил... И сегодня полно напоминаний об этом. Разбитые надгробия, скелет храмового купола и бесчисленные следы от осколков на стенах, деревья, которые сожжены украинскими фосфорными боеприпасами...

Не тихо здесь и сегодня. Донецкий аэропорт — вот он, рукой подать. Туда «укры» бьют не реже раза в неделю. Иногда прилетает и сюда. Но — поразительное дело: центр Донецка, уже семь лет не видевший обстрелов, потихоньку сползает в неряшливый вид, а здесь — заботливые руки постоянно наводят порядок. За монастырской оградой — всё подметено и «вылизано», сохранившиеся могилы — ухожены, клумбы, грядки, плодовые деревья — всё в идеальном порядке. И апофеоз этого — новый храм. Его возводят под обстрелами.

Значит, идея — живёт! Та самая, самая главная, которая вела русский народ последнюю тысячу лет, и к которой был вынужден обратиться Сталин, назвав в 1941 г. своих сограждан «братья и сестры»...

Мы въезжаем в посёлок Октябрьский. Это чуть дальше от линии фронта, но и сюда прилетает нередко. И здесь течёт своя, непонятная приезжому жизнь. Жизнь, в которой перемешались война и мир. Как если бы пришлось жить в частично разрушенном, а местами совершенно пригодном для жизни доме. Чтобы проникнуться этим ощущением, попытайтесь вообразить, например, следующее. В этой квартире — мягкие диваны, интернет и кофе на кухне, а в ту — воду ведрами с улицы из развороченной трубы, да осторожно, чтобы не пораниться о рваные края... А раньше тоже пили кофе на мягких диванах.

Посёлок Октябрьский (или, точнее, посёлок шахты Октябрьской) — и есть такой дом, только в большем масштабе. Вот перекрёсток проспектов Колхозного и Жукова. Мамы гуляют с колясками. А вот дети постарше играют на руинах сгоревшего магазина. А вот — памятник жителям Октябрьского, погибшим от украинских обстрелов. Отдельная плита — с именами детей и подростков. Точно таких же, как эти. И тут же — новые магазины. Такие же, как сгоревший. Жизнь продолжается.

Центральная плита гласит: «Вечная память мирным жителям Куйбышевского района и посёлка Весёлый, погибшим в результате агрессии киевской хунты 2014—2016 гг». Крайняя правая плита — с именами детей.

Мы выезжаем из Октябрьского и движемся на юг, вдоль западной окраины Донецка.

Враг охватил город полукольцом, от северо-востока (направление на Ясиноватую и Горловку) до юго-запада (направление на Еленовку и Докучаевск). Поездка по западным окраинам — это что-то вроде езды по рокадным дорогам вдоль линии фронта. А город живёт, будто не обращая внимания, пока враг молчит.

Наш путь лежит почти через всю прифронтовую зону Донецка, в Александровку — посёлок, непосредственно примыкающий к городу с юго-западной стороны. И тут время вспомнить ещё об одном человеке, чьё имя каждый житель этого посёлка называет не реже раза в неделю. Нет, это не телеведущий. Хотя и на экране его лицо тоже появляется довольно часто. Особенно когда Александровку снова обстреляют. Его телефон есть, наверное, у каждого жителя посёлка. Это — глава администрации Александровки, бывший ополченец «первой волны» Константин Чалый.

Мне с ним хронически не везёт. Большую часть своего времени (которое он не делит на рабочее и нерабочее) он проводит на рабочем месте (оно же — место жительства, оно же — боевой пост). Но именно когда я еду туда, дела гонят его в Донецк. Поэтому наше с ним общение традиционно происходит по телефону.

Константин по-военному чётко, но подробно «доводит» обстановку. И я понимаю, что за последние три года, прошедшие с моей последней поездки в Александровку, она не изменилась. Те же снайперы, те же миномёты, те же разрушения и жертвы — то больше, то меньше, чтобы помнили: «ридна нэнька» рядом. Военных в самой Александровке нет и никогда не было, а около половины посёлка бывают под огнём «укров» с запада и юга. Недавно снайпер застрелил пожилого мужчину в его собственном дворе. По одним сведениям, он вышел покормить кур, по другим — поздороваться с соседями... Потом — СЦКК, ОБСЕ, пресса... всё как всегда.

Нет, изменения всё же есть. «Противник окончательно занял серую зону, фактически войдя в посёлок», — говорит Константин. — Украинская армия укрепляется на берегу пруда, на южной границе Александровки, так что нас от него отделяет местами 200—250 метров водной глади».

«Удав» стоял под Александровкой ещё в 2015 г. Они успели сдружиться с местными, хотя порой людям было непросто объяснить, что времена изменились, что обороной надо заниматься всерьёз, и не только военным. «Через час я приеду на броню. Пожалуйста, разберите забор, уберите всё ценное. Мне здесь нужен проход. И будет потом нужен. Не загромождайте его, когда мы уедем... Сначала, конечно, возражают, затем, смотришь, — соседи пришли, вместе разбирают. Ну и мы подходим, включаемся в процесс. Спрашиваем, что куда перенести-положить-поставить... Так и жили с местными», — вспоминает «Удав».

Потом их убрали. Говорит, они мешали вновь налаженному каналу контрабанды «с той стороны», где-то рядом с посёлком. Люди собирали подписи, Чалый обращался «наверх» с просьбой их вернуть — бесполезно. Зато «укры», увидев брешь, начали ползти вперёд. И, как видно, успешно делают это по сей день. «Жабьи прыжки» — их излюбленная тактика. Людей в «народной милиции» больше не становится, прикрывать периметр некем.

Мы идём с «Удавом» по Александровке. Заходим в магазинчик, в кафе. Здравуемся с людьми. Удивительно, стоит ему напомнить, что он из тех, кто здесь стоял, его быстро вспоминают. Хотя прошло шесть лет...

Невесёлое наблюдение. Раньше, в первые годы войны, приближаясь к передовой, я замечал перемену в лицах людей. Они становились строже и печальней. Делались похожими на кинохронику времён Великой Отечественной. Сейчас же такой перемены почти не чувствуется — у тех, кто до сих пор не уехал. Хорошо ли это? Думаю, нет. Это — привыкание. Семь лет это длится — надо уже как-то с этим жить. Стреляют, твари... И что ж с того?

Перекусив в кафешке в центре Александровки, мы направляемся в *ту самую* часть посёлка. Внешне — перемен немного по сравнению, например, с северными окраинами Донецка. Вот разнесённая снарядом автобусная остановка, вот сгоревший дом... Что-то восстановлено, что-то окончательно разобрано. Вид благообразный. Но местные жители знают: украинцы ждут сухой погоды, чтобы начать стрелять зажигательными. Тогда пожары сделают то, что не смогут сделать даже самые кучные попадания. Сейчас идут дожди, можно жить — в прямом смысле. «Укры» разрешают. Глядя вокруг, трудно поверить, что всё здесь простреливается с двух сторон. А сверху регулярно зависают «птички» — беспилотники. Которые корректируют огонь не только артиллерии, но и снайперов. Так что видеть цель в оптический прицел

снайперу не обязательно. Военно-технический прогресс против бабы Нюры...

Здесь простреливается всё.

— Если будет выстрел, откатываемся в разные стороны. Хоть одному из нас повезёт, — инструктирует «Удав».

— Вас понял, — говорю.

А вот и ставок (пруд) за домами. Вот они, те самые двести пятьдесят метров водной глади. Лесопосадка на той стороне.

Слышится визг бензопилы.

— Слышишь? — говорит «Удав». — Это уже они. Оборудуют позиции.

Они здесь надолго... А мы?

Вопрос, увы, не риторический и не провокационный. Что происходит в обеих республиках в глобальном масштабе? Причины вроде бы разные, а результат один — закрываются окна возможностей.

Закрываются границы, в том числе внутренние. На время? Пусть так. Но сама возможность этого очень сильно деморализует людей на маленькой территории.

Закрываются заводы. О печальной судьбе Алчевского (в ЛНР) и Енакиевского (в ДНР) металлургических комбинатов в последние месяцы написано много. На самом деле, практически все крупные предприятия республик, включая шахты, балансируют на грани «пациент скорее мёртв, чем жив». И вовсе не из-за экономической нерентабельности, а из-за желания выжать из них всё здесь и сейчас. И это вполне соответствует концепции «люди — в Россию, земля — на Украину».

Правда, ввиду разразившейся в Алчевске и Енакиево забастовки и слишком громкого резонанса от неё (дело дошло до федеральных телеканалов) на высоком уровне было принято решение о смене собственника — с Курченко на Юрченко. Кто он такой, к кому близок? Злые языки говорят, к Медведчуку, которого упорно преподносят как главного друга России на Украине. Но дело даже не в этом. Не меняется сам подход: промышленность Донбасса «отдают в кормление» кому-то одному, и никто в республиках не имеет над ним власти.

Закрывается канал народной помощи армии. Дело не просто в том, что волонтерам теперь запрещено помогать военным даже водой и сигаретами, не говоря о деньгах (поэтому помогают теперь окольными путями). И даже не в том, что централизованное снабжение народной милиции осуществляется скверно — будь то форма одежды, медикаменты или приборы ночного видения. И вспоминают об этом лишь тог-

---

да, когда украинская ДРГ (диверсионно-разведывательная группа) опять кого-то убивает прямо на позициях... Видимо, надо, чтобы военные и гражданские больше никогда не были единым целым, как в четырнадцатом году...

Об очередях и препонах, возникающих (или создаваемых?) из ничего, в ДНР, пожалуй, может рассказать любой её житель. Некоторые истории достойны Ильфа и Петрова, Зощенко или Булгакова. Например, очереди за паспортами ДНР или на подачу документов на российский паспорт напомнили самые острые эпизоды ранних девяностых, когда так стояли за продуктами или талонами. Этой весной талончики на получение российского паспорта выдавали на... 2023 год! Потом одумались и... просто перестали указывать дату. По готовности — и точка.

А живую очередь (правда, на подачу документов и на получение «дэнээровского» паспорта, без которого на российский не подать), как и тогда, занимают с вечера. Но вот незадача: комендантский час! Всё-таки война у нас, как-никак... За нарушение комендантского часа везут куда? В отделение полиции! А тут — непосредственно у дверей отделения массовое нарушение оного часа на всю длину!

И полицейские нашли выход. Даже два. Ибо известно, что выходов всегда не меньше двух. Первый — отчертить на земле линию: вот здесь стоять можно, причём до утра, а вон там — ни-ни! Переступил черту — сразу в «обезьянник»! Напоминает старый еврейский анекдот: на всей земле суббота, а вот тут — четверг!

Но второй выход привёл дончан, чьё чувство юмора закалено и не такими лишениями, в состоянии не восторга, нет — эйфории! Как известно, взятки и полиция — вещи очень трудноразделимые почти в любой стране мира. Но за что придумали брать взятки донецкие «менты» — додумался, и то совершенно наивно и по-детски, один только Джером К. Джером! Помните, «Трое в лодке...»? Когда героям было негде переночевать, один из них предложил... напасть на полицейского, чтобы обеспечить себе до утра место в кутузке! Так вот, в одном районе Донецка (не скажу, в каком) полицейские продавали... места в этом самом «обезьяннике» до утра! Чтобы утром, сладко потянувшись и выйдя наружу, «задержальцы» оказались бы первыми в очереди! (Понятно, что в этом случае выход номер один не работает, иначе самые ушлые будут просто переступать черту и совершенно бесплатно получать то, за что другие платили большие деньги, а так нечестно!)

Донецкие интеллигенты — причём именно те, кто с четырнадцатого года поддерживал «Русскую весну», — говорят, не стеснясь: Россия не решилась присоединить Донбасс, и мы стали её колонией. Хорошо, пусть так. Но ведь колонии бывают процветающими, а бывают угнетёнными. Так почему у нас нет толковой колониальной администрации?! И чья в этом вина — Донецка или Москвы?

Колония колонией, но при этом флаг ДНР над каждой вывеской. Иначе — штраф. Невывешенный флаг республики — ещё одна статья обогащения для проверяющих органов... На домах в центре Донецка аршинными буквами написано: «Русский Донбасс», «Наш выбор — Россия!»

Разговоры о русскости и Русском мире, несколько лет почти запрещённые, идут теперь на официальном уровне. Что это — ширма, за которой готовится сдача Украине? Или немудрёная попытка хоть как-то улучшить отношение людей к власти, ничего не меняя по сути?

А если придётся уходить назад под Украину — то уж точно за что не будет спроса с нынешней власти, так это за произносимые ею слова. «Переобуваться в полёте» — это трюк, который никого не удивит на той стороне. Дайте ей территорию, желательно без людей и заводов — и говорите что угодно...

И люди уже сейчас — говорят. Говорят, как было «при Украине» и как стало сейчас. Говорят, что тогда зарплаты хватало не только на поесть, но и вообще тогда была жизнь, а не выживание. Возражать, что и на Украине уже давно всё не так, и что будет здесь не та Украина, которую они помнят, а концлагерь под патронатом украинских нацистов, — бесполезно. Убивать-то их грозились семь лет назад, а новую машину хочется сегодня...

Про новые машины я вспомнил не случайно. В ДНР и на ближних подступах можно встретить довольно необычное зрелище: фуры массово перевозят легковые автомобили... с номерами! Не новенькие, с завода, а — «б/у». География номеров — от Грузии до Евросоюза (это то, что я наблюдал сам). В Донецке — реклама: «подберём автомобиль с пробегом под любой бюджет».

Чем-то это напоминает Кубу. Но на Кубе были великие Фидель и Рауль, искромётный «Команданте Че»... На Кубе была идея всеобщего латиноамериканского коммунистического рая и самопожертвования ради него... Здесь тоже есть «Че» — именно эти буквы приделывают к фамилии нынешнего руководителя его самые ярые недоброжелатели. А про четырнадцатый-пятнадцатый годы говорят: «Когда была идея...»

Но кроме идей и харизмы, есть и ещё пара важных моментов. Куба была островом, и ей не к кому было присоединяться.

Впрочем, свой важный момент есть и здесь. Не желая никакой «Русской весны» и тем более включения Новороссии в состав РФ, руководство России, тем не менее, не может открыто предать Донбасс, потому что это чревато внутривнутриполитическими последствиями для него самого. Скажем так, **пока ещё** чревато. И оно было вынуждено все эти годы делать шаг за шагом в сторону, крайне нежелательную для себя, почти всегда повторяя, что это не противоречит «минским соглашениям», не нарушает территориальной целостности Украины и носит обратимый характер — от белых «КамАЗов» с гумпомощью до изъятия собственности у украинских олигархов, введения рубля и выдачи российских паспортов. На самом деле, всем понятно, что эти шаги, хочет того Россия или нет, — и противоречат, и нарушают, и необратимы, а в «состояние на 2013 г» вернуться невозможно в принципе. И прошло уже достаточно много лет, за которые российское руководство само лишило себя манёвра: если население не уйдёт в Россию, следующий шаг — признание независимости ЛДНР и обмен диппредставительствами.

И независимость — это, пожалуй, последняя надежда для дончан и луганчан. Не на счастливое, но хоть на какое-то будущее. Пусть это и совсем не то, ради чего было всё... Реализуется ли хотя бы она? Хватит ли у них терпения выстоять, выстрадать её? Или всё-таки — исход в Россию?

...Мне пора назад. В четыре утра открываю глаза и слышу — канонада. В центре города слышно с закрытыми окнами... Дончане бы пошутили: это тебя «укры» провожают салютом и зовут приезжать ещё!

Если будет куда приезжать.

А если не будет?..

Если не будет, то именно мы, а не верховная власть, будем в этом виноваты. Почему? Потому что верховная власть — любая: и демократическая, и авторитарная — стремится усидеть. И избегает самоубийственных решений. А когда решение встречает непонимание у большинства жителей страны — оно потенциально **самоубийственно**. Тот же Путин не побоялся чеченских террористов, не побоялся гнева Запада, когда «давил» олигархов, и даже возвратить Крым — не побоялся. Потому что на всё это ему был дан карт-бланш... на наших кухнях и в маршрутках, в курилках и салонах красоты, везде, где люди разговаривают друг с другом. И — высказывают мнение, которое электризует воздух. Это мнение может

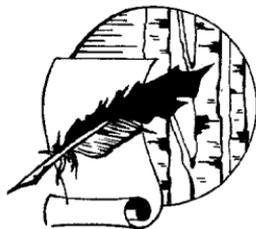
быть каким угодно — от «помочь, непременно помочь» до «вырезать под корень». И власть всегда будет его стремиться ульшать и учесть, даже не заявляя об этом. А умная власть — попытается на него влиять.

Конечно, Путин с самого (или почти с самого) начала не горел желанием забирать Новороссию. Почему — отдельный вопрос. Но факт: не хотел. И была включена пропагандистская машина, чтобы этого срочно перестали хотеть мы с вами. И оказалось... что российский обыватель обманываться рад. За годы благополучия у него отросла и распухла зона комфорта. Как раковина у моллюска. И чтобы только не выходить из неё, он готов съесть всё, чем угостят с экрана. А с экрана дают ровно то, что нужно, чтобы вы или я поверили, что всё именно так, как мы думали. Даже если сообщаемое по здравому рассуждению выглядит полной ерундой, недостойной мыслящего человека. Значит — выключим голову, чтоб случайно не включилась совесть. И телевизор нам в помощь. И так — пока в маршрутках и кирилках не смолкнут последние голоса в поддержку Донбасса.

А Донбасс продолжит схлопываться и рушиться, пока последние (они же первые) ополченцы не подготовят к взрыву заводы, не добитые эффективными менеджерами, и не уйдут в Россию. Прикрывая последних гражданских от украинских танков. И оставив оружие на той стороне по нормам международного права.

От редакции

Будем верить, что этого не произойдет, и Донбасс со всей своей территорией и с людьми, проживающими там, полноценно войдет в состав России. Но автор прав в главном: сегодняшний итог состояния двух донбасских республик — это и есть результат предательских и малодушных, навязанных Новороссии кремлевских «минских соглашений». О чём все прошедшие семь лет упорно писал наш журнал.

Анатолий ЗЕЛЕНЦОВ

ПЕСНЯ ЖИЗНИ НЕ ДОПЕТА

КЯНДА

Нежна, красива, ненаглядна,
Средь перелесков и полей
Стоишь, моя деревня Кянда,
Как символ Родины моей.

И каждый раз, когда я вижу
Тебя в разливах синевы,
Ты лучше кажешься Парижа
И даже нашенской Москвы.

Люблю тебя я безоглядно,
Ты, как родимая мне мать.
Любовь моя — родная Кянда,
Тебя дороже не сыскать.

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Косынккой чёрною с востока
Нависла туча над селом.
И сразу дождь сплошным потоком
Полился жидким серебром.

Свои колосья налитые
К земле сырой склонила рожь.
Стоят подсолнухи литые,
Их лица моет тёплый дождь.

ЖЕРЕБЁНОК

Выйду утром к реке я умыться,
Где купается нежно заря.
Вижу, как жеребёнок резвится
По лугам, рыжей мастью горя.

Сладкой дрожью мне сердце наполнит
Жеребёнка гривастого бег.
Сразу сердце почувствует, вспомнит
Детства милого песни и смех.

В то мгновенье готов я вдогонку,
По нескошенным травам густым
Вихрем броситься вслед жеребёнку
И помериться силами с ним.

* * *

Ночью в деревне загадочно небо,
Звёзды разбросаны крошками хлеба.

Ночью в деревне весенней порою
Пахнет сиренью, цветочной грозью.

Ночью в деревне душистое лето
Льёт ароматы цветов до рассвета.

Ночью в деревне так тихо, так тихо —
Слышно, как шепчутся просо с гречихой.

Ночью в деревне слезливая осень
Будто прощения дождиком просит.

Ночью в деревне и зимняя вьюга
Кажется мне развесёлой подругой.

* * *

Звонит последний месяц лета,
Прощаюсь неохотно с ним,
Как будто с песней недопетой,
Как будто с детством озорным.

За летом неотступно осень
Бабулей в жёлтеньком бредёт
И за собой дожди и просинь
Родными внуками ведёт.

* * *

Без деревни поэзия чахнет и глохнет,
А с деревней она, как душистый весенний цветок.
Без деревни она, как река, пересохнет,
А с деревней она, будто свежей водицы глоток.

ЛЮБОВЬ

Любовь юная
Бесшабашная,
Сколь безумная,
Столь бесстрашная.

Любовь чистая,
Неподдельная,
Золотистая,
Непостельная.

Любовь верная,
Незакатная,
Как Вселенная,
Необъятная.

Любовь зёрнышком
В сердце метится,
Словно солнышком,
Всюду светится.

Любовь песнею
Отзывается.
Жизнь небесная
Продолжается.

ЗОЛОТАЯ СВАДЬБА

Золотая свадьба — это
Песня жизни не допета.

Золотая свадьба — это
В двух сердцах ещё всё лето.

Золотая свадьба — это
Нежный шёпот до рассвета.

Золотая свадьба — это
Жизнь теплом любви согрета.

Я — СЫН СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Я рос в деревне карапузом
И знал я радость, знал и грусть.
Я — сын Советского Союза,
И этим я всю жизнь горжусь.

Душа порой скользила юзом,
Но я твердил себе: — Не трусь!
Я — сын Советского Союза,
И этим я всю жизнь горжусь.

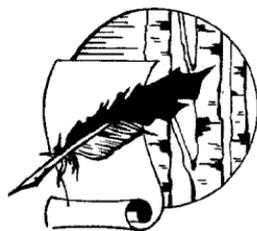
Глаза не прячу под картузом,
Болею болью русских сёл.
Я — сын Советского Союза,
И этим сказано уж всё.

Я не был никому обузой
И до сих пор всю тружусь.
Я — сын Советского Союза,
И этим я всю жизнь горжусь.

Не шёл по жизни с лёгким грузом,
Всегда тащил тяжёлый груз.
Я — сын Советского Союза,
Да возродится наш Союз!

г. Тольятти Самарской обл.

Редакция «Молодой гвардии» поздравляет Анатолия Матвеевича Зеленцова с замечательным 85-летним юбилеем! Желаем ему здоровья, бодрости духа и неувядаемой творческой энергии! И пусть его стихи радуют близких и далеких читателей нашей необъятной Родины!

Иван АНДРЕЕВ

Есть в нашей стране народные поэты, а есть поэты из народа, никем не признанные, не удостоенные никаких званий, наград, членств и публикаций в серьезных изданиях. И Россия ими богата. При жизни их чаще всего не воспринимают как настоящих поэтов, относятся к ним как к чудикам, попусту марающим бумагу и занимающимся не своим делом. Но они-то к своему пусть и не главному в жизни делу относятся серьезно, считают его подлинным творчеством, которое, по их убеждению, наделённые литературной властью «начальники» просто-напросто не понимают, и они продолжают писать свои незамысловатые стихи, исполненные реальной, подлинной жизни, пусть и нередко грубой и нелицеприятной. Однако и сквозь эти самодеятельные стихи пробивается огонёк настоящей поэзии, из-под пера и этих поэтов выходят порой маленькие произведения истинного искусства.

Таковым был Иван Фёдорович Андреев — деревенский поэт, живший в Белгородской области. Он не дождался публикации своих стихов в литературных журналах и тем более издания своей поэтической книги. Но и после его ухода в иной мир стихи продолжали жить и волновать души его земляков, и в конце концов с помощью односельчан они пробили себе дорогу во всероссийский журнал «Молодая гвардия».

Вот что он написал в короткой автобиографии — всего-то несколько строк:

«Родился 26 мая 1957 года в селе Псковское Белгородской области. Здесь же закончил восьмилетнюю школу, а в 9-м и 10-м классах учился в Ракитянской средней школе. В семидесятые годы служил на Северном флоте. После службы работал в г. Белгороде, затем вернулся в родное село». И там, в родном селе, добавлю я уже от себя, он сочинил все свои стихи. Умер Иван Фёдорович в 2017 году.

Благодарю земляков Ивана Андреева за то, что они сберегли творчество своего односельчанина, которое теперь, после публикации в нашем журнале, обретёт новую долгую жизнь.

Валерий ХАТЮШИН

ЗЕМНОЙ ПОКЛОН

* * *

Я солдатам живущим и павшим,
Защищавшим мать-Родину Русь,
Пусть хоть до смерти буду уставшим,
До земли, не стыдясь, поклонюсь.

Я не буду скрывать свои слёзы,
На могилках бурьян порублю
И под веткою белой берёзы
Из бутылки за них пригублю.

Подвиг их забывать мне не гоже,
Потому плачу я — не пою.
Ведь они были вдвое моложе,
Когда пали в последнем бою.

И подхватят берёзки и клёны
Крик моей очерствелой души:
«Как вас ждали невесты и жёны,
Проглядели глаза малыши!»

Вы погибли, но вас не забыли,
Встали дети на ваши места.
И допили за вас, долюбили
И отстроили храмы Христа.

* * *

Неся животный страх в подоле,
Смерть изгалялась над бойцом.
И корчилась земля от боли,
И небо плакало свинцом.

Она друзей его косила:
Вот он, конец, надеждам крах.
Его беспомощность бесила,
Вжимал в окоп животный страх.

Он в Бога не ругался матом,
Но верил тоже так себе,
И из окопа с автоматом
Рванул, доверившись судьбе.

И он, собою удивлённый,
Бежал, из автомата бил,
Как будто был заговорённый,
Как будто ангелом он был.

Просил прощенья он у Бога
За душу грешную свою.
И восторгалась смерть убого
Солдатской храбростью в бою.

* * *

Я весну себе в жёны сосватаю,
Загляну ей в озёра-глаза.
Пусть фатою вдоль стен по над хатою
Виноградная вьётся лоза.

Улыбнусь и пойду с нею рядом.
Несказанно всем тем буду рад.
Отыщу своим любящим взглядом
Ее милый берёзовый взгляд.

Поклонюсь я вишнёвому цвету,
Забреду на крестьянский покос.
Заблестит, засверкает к рассвету
Луг зелёный слезинками рос.

И звенит ручеёк из криницы,
Распускаются в роще цветы,
Заливаются трелями птицы,
Где прошла лёгкой поступью ты.

* * *

Я по жизни полный лох,
А не глупый вроде.
Говорят: «Да чтоб ты сдох!»
Про таких в народе.

Я не против, я не жлоб,
За народ я лично.
Но живым ложиться в гроб
Как-то неприлично.

Может, так я одиноко,
Что родился в мае.
Или, как тамбовский волк,
Отлучён от стаи.

Осенью и по весне
На душе ненастье.
Господи, пошли ты мне
Хоть немного счастья.

* * *

За вытканый зарёю
На речке алый след
Я полюбил, не скрою,
Деревню с малых лет.

Я полюбил до боли
И буду ей служить.
Всему учили в школе —
Не научили жить...

Не глупым, не увечным
Явился я на свет,
Но иссечён был встречным
Дождём из глупых бед.

Не с теми, кто был нужен,
Свои хлеб-соль водил,
Пёр прямиком по лужам,
Соломку обходил.

Изгоем стал. Отныне
Со мною — только Бог.
Оазис свой в пустыне
Я отыскать не смог.

* * *

Вот и осень. Птичьи стаи
Унеслись, как сон, на юг,
Холоднее ночи стали,
Пала изморозь на луг.

Опадают листья в роще,
Не видать цветов нигде.
Над рекой камышик тощий
Отражается в воде.

В голом поле ветер злится.
Здесь была когда-то рожь.
Отчего так плохо спится —
Сразу и не разберёшь.

Скоро, словно в дымке тая,
Куст рябины догорит,
И со мною золотая
Роща не поговорит.

* * *

Мой друг Кузьма, мой верный пёс,
С тобою мне намного проще
Поговорить, не пряча слёз,
О всём, о всём в осенней роще.

Пускай ты слов не говоришь,
Но, как никто, умеешь слушать.
И злобу ты не затаишь,
Не плюнешь в раненую душу.

Ты искренне всегда мне рад,
В твоих глазах я это вижу.
Поверь, Кузьма, мой младший брат,
Тебя ничем я не обижу.

Лишён ты зависти людской,
Ни в чём не ищешь ты корысти.
С тобою на душе покой
Я обрету под шелест листьев.

А дождь осенний припустил,
И ветерок наваял скуку.
Чтоб я совсем не загрустил,
Ты твякнул и лизнул мне руку.

---

* * *

Мне не забыть до гробовой доски,
Хоть не подвержен я душевным мукам,
Как мать подкладывала лучшие куски
Сначала детям, а потом и внукам.

Сама, устав от дел и суеты,
В сторонке, улыбаясь нам, сидела
И на вопрос наивный наш «А ты?»
Нам отвечала: «Я уже поела».

Не пела жизнь мне звонким соловьём —
Жил бесшабашно и грустил от скуки.
И только мамины натруженные руки —
Как дар Господень, на плече моем.

* * *

Не зальёшь это горе слезами,
Эту боль не утопишь в вине.
Помолюсь, стоя под образами,
Я за тех, кто погиб на войне.

День Победы, путь скорби и боли,
Не дай бог повторить его вновь.
Помолюсь на пшеничное поле,
Где они пролили свою кровь.

Я увижу, как гибнут на море
И как заживо в танках горят,
Я увижу безмерное горе
И слезу уцелевших солдат.

Как легли рядом скромный и braveй...
Я не буду лукавить и врать:
На войне этой, пусть самой правой,
Не хотели они умирать.

Слёз своих от прохожих не скрою.
В эти светлые майские дни
Вспоминаю, какую ценою
Счастье мне добывали они.

---

* * *

Таков закон природы,
Его не обмануть:
Потерянные годы
Нельзя назад вернуть.
Лишь журавли — отрада,
О прошлом голоса.
Как гроздь винограда,
Грехи на мне висят.
А в прошлом было лето,
И был туман в логу.
Впервые сделал «это»
В заброшенном стогу.
С вдовой тридцатилетней,
Бесстыжей, пьяной в дым,
Любился ночью летней
Под месяцем седым.
И было много зелья
В авоське и в крови.
А утром суш с похмелья
И горечь от «любви»...
...Мне в спину тычет старость
Берёзовой клюкой:
«Ну, порезвился малость?
Пора и на покой».

* * *

Помашет мне берёзка веткой,
Костром рябина отгорит.
И глухо, будто бы в жилетку,
Заплачут в роще глухари.

Густой туман накроет речку,
Берёзки, вербы, камыши.
И может быть, поставят свечку
За упокой моей души.

Всё это будет мне наградой.
Я не жалею ни о чём.
А за кладбищенской оградой
Жизнь так же будет бить ключом.

Всеволод ТРОИЦКИЙ,
доктор филологических наук

О СТОЯНИИ В ПРАВДЕ, ЧЕСТИ И СОВЕСТИ

1

Усилия к разрушению России в соответствии с послевоенной доктриной Алена Даллеса продолжаютя. Бросив «всё золото, всю материальную мощь — на оболванивание и одурачивание людей», *заклятые друзья* России незаметно достигают намеченных целей: «вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать корни народной нравственности», добиваться расщепления массы молодёжи, «сделав из неё циников, пошляков и космополитов». Конечно, не все разворачиваются: духовные сокровища, завещанные нам благочестивыми предками, «наследниками Святой Руси», также и иные добрые традиции советского времени являются серьёзным препятствием для «тайных» и откровенных расщепителей. Однако реальные успехи разрушителей значительны, ибо в нашей действительности находят место публичные отступления от безусловных и абсолютных нравственных истин, от духовных аксиом, без *незыблемой* крепости которых нельзя остановить поругание человеческого в человеке и губительное повреждение основ нашего бытия...

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Сознание части современников оказывается уже неспособным нормально воспринимать безусловные, абсолютные нравственные истины...

Напомню библейскую древность. Сын благочестивого Ноя Хам посмеялся над наготою спящего отца своего и был проклят им: насмешка над старшим, над отцом, была определена как *недопустимое*, как гнусный грех. Имя Хама припечатано к этому греху.

Библейская притча — пример безусловной и незыблемой оценки безнравственного поступка: нарушение достоинства влечёт за собой твёрдое, решительное возмездие, ложащееся на виновника и его наследников. Таковы неумолимые и неизменные нравственные заветы истории человечества. Безнравственное — недопустимо, преступно и — точка: никаких «бывает», «ну и что», «подумаешь...» В абсолютной незыблемости коренных нравственных истин — путь к воплощению человеческого в человеке. Без этого неизбежно — падение, грех, расчеловечивание, что требует для искупления не только наказания самого виновника, но и его потомства. Всякое легкомыслие, имеющее целью произвольно уменьшить вину или смягчить заслуженное наказание, — воспринималось тоже как грех или преступление. Нравственный проступок человека ложился клеймом на его семью, на род, на народ... Изменившие абсолютному нравственному долгу не получали оправдания.

Литература беспристрастно отразила это. Вспоминается «Маттео Фальконе. Корсиканская повесть», (Из Мериме) В.А. Жуковского. Сын-подросток известного на Корсике охотника-смельчака Маттео Фальконе — Фортунато спрятал раненого беглеца, а затем предательски выдал его следователям, соблазнившись обещанными ему за то часами. Он был по законам чести-совести осуждён возвратившимся отцом. Отец принял на себя муку убийства сына, ибо предательство, грех, совершённый человеком против Спасителя, грех наитягчайший. В те памятливые времена честь ценилась дороже жизни: тогда не было утрачено убеждение, что за бесчестьем следует позор и гибель души.

Ещё примеры. Андрий, предавший веру и родину, прельстившись любовью к красавице-полячке и польской пышностью («Тарас Бульба» Н.В. Гоголя), принимает смерть от руки своего отца, славного полковника Тараса. Гарун, в страхе покинувший поле боя, где погибли его отец и два родные брата («Беглец. Горская легенда» М.Ю. Лермонтова), отвергнут всеми в родном ауле: ни у друга, ни в доме любимой, ни у родной матери, произнесшей проклятие («ты мне

не сын»), не находит он пристанища и убивает себя. Непримиримость к бесчестию стояла на страже жизни и судьбы народа...

В XX веке происходит нечто, вызывавшее у нашего отчаявшегося соотечественника не лишённое оснований мнение: «Наш народ стал народом-предателем. Он предал тех, кто принёс ради него неслыханные жертвы, предал своих потомков... Наши потомки осудят нас как предателей. И это будет справедливо...» (А.А. Зиновьев. «Русский эксперимент»). Сказать так обо всём народе — значит погрешить против истины. Но! Но заметная часть народа это предательство совершила. И оно, это предательство, продолжает тяготеть над всеми, потому что народ — это мы все, связанные незримыми вековыми связями и той памятью, что осознана нами, и той, что во многом — утрачена, несознаваема или туманна, но готова вспыхнуть ярким светом в роковые дни нашей жизни, до наступления которых мы бываем беззаботно забывчивы.

Этот забывчивостью готовятся и наши новые беды. Кровь народная на руках «прощённого» предателя раньше или позже отзывается новой бедою. Предательство — никогда не прощается или искупается чрезвычайной ценой. Когда же приходит час беды-расплаты, иногда оглядкой приходит к предателям мысль: так ведь эту беду накликali сами!

Причины — в преступном равнодушии к безусловным нравственным принципам, к коренному историческому опыту, к правде-истине, впитавшей бесспорные заветы столетий, к освящённому верой чувству долга, ответственности и чести-совести, к утрате исторической памяти поколений и слепом подражании чужому и лживому, в подчинении провокационной проповеди пламенных проповедников всемирно-стадного прогресса.

Ложь неслучайно толкуется в Евангелии как большой грех, ибо она «размывает» истину, без которой нельзя достичь ни справедливости, ни чести-совести. Сегодня иное, чего раньше до слёз стыдились, считают уже возможным, даже обыденным. Это признак распространяющейся духовно-нравственной проказы, которая растлевает душу, лишает человека стыда, имеет неизбежным следствием трагедию и грозит гибелью человека и трагедиями народа.

Некогда у заметной части моих сограждан нравственные понятия были по преимуществу другого склада. Всё это заключаю я по скромному опыту своей жизни. Семья наша жила на окраине Москвы. Среди моих многочисленных родных (часть их жила в одном большом деревянном доме с нами)

было несколько врачей. К ним нередко обращались за помощью живущие по соседству.

Помню раннюю весну голодного 1946 года. Стою у окна. Вижу: кто-то подходит к двери и звонит. Узнаю Марусю-дворничиху. Открывает ей моя тётушка (врач) Елизавета Георгиевна. Слышу (через форточку) разговор: «Ничего я не возьму! Слышишь. Если что носить мне будешь, я к тебе приходиться не стану. Поняла?» И дальше — в ответ на слёзные возражения: «Я тебе сказала. Всё». И затем — голос Маруси (опять сквозь слёзы): «Елизавета Георгиевна, ну пусть хоть мужик мой к вам придёт, дрова попилит». И — после молчания: «Ну, пускай приходит...»

Помню и дальнейшее. Приходит мужик с товарищем. Пилят и колют дрова. После работы от денег категорически отказываются. И тогда получают мзду продуктами: муж тётушки, полковник медицинской службы, отдаёт накопленные по спецобеспечению консервы. Берут с благодарностью...

В то послевоенное время известные мне врачи лечили знакомых соотечественников бесплатно. Знаю я также от свидетелей, что до революции практикующие московские лекари не брали денег с коллег и бедняков. Не соблюдающим это неписаное правило товарищи по работе не подавали руки...

2

Более четверти века системно, организованно и целенаправленно разрушают прежнюю систему отечественного образования, которой мы по праву гордились. Наивно было бы думать, что присутствовавшие при этом разрушении «высокие начальники» и специалисты педагогического профиля не понимали, что происходит. Понимали.

Пользуясь знакомством, я был принят в начале «перестройки» одним из самых высоких чиновников (не называю известную фамилию, ибо в этом случае — суть не в фамилии). В разговоре я наивно пытался убедить его, что происходит настоящее разрушение. Он спокойно и откровенно ответил приблизительно следующее: «А чего же вы хотите? Чубайсам и Гусинским не нужны образованные люди, а нужно быдло». Нет надобности добавлять, что сей чиновник за всё долгое время пребывания на своём очень высоком посту ничего не пытался сделать, хотя бы открыто и решительно выступить против организованного разрушения.

Приведу пример начальственной деятельности одного из министров образования, В.М. Филиппова. Этот «благодетель»

тель» подписал руководящий документ — список обязательных для изучения в школе писателей (приказ № 56 от 30.06.1999). Согласно этому документу, якобы доработанному «по замечаниям и предложениям педагогической общественности» и одобренному Федеральным экспертным советом по общему образованию Минобразования России, было предложено разработать согласно приведённому списку обязательных для школы литературных произведений — программы, укрепляющие «гуманистическое предназначение учебных заведений», направленные «на улучшение гуманитарного образования». Слова из документа — мною даны в кавычках. И в этих словах — наглейшая ложь!

Этим руководящим для школы списком было утверждено «обрезание» прежних программ по литературе за 700 лет. Видимо, «для укрепления духовно-нравственного потенциала молодёжи» и содействия воспитанию «беззаветной любви к своей Родине» (цитирую упомянутый документ. — В.Т.) министр узаконил изъятие из обязательного списка патриотического «Слова о полку Игореве», пренебрёг важность воспитательного смысла «Поучения Владимира Мономаха», «Повестью о разорении Рязани Батыем», «Житием Александра Невского», а также поучительной «Повестью о горе-злосчасти» и некоторыми другими произведениями, ранее известными школьникам.

По утверждённому списку в число обязательных авторов не вошли ранее изучаемые в школе: великий сын русского народа М.В. Ломоносов, замечательный писатель и историк Н.М. Карамзин (его именем В.Г. Белинский назвал целый период русской литературы), А.Н. Радищев, о котором А.С. Пушкин сказал: «Как можно в статье о русской литературе забыть Радищева? Кого же мы будем помнить?» Не было в списке и И.А. Крылова, который «один мог бы быть главою и представителем целого периода литературы», «ибо первый внёс в русскую литературу элемент народности» (В.Г. Белинский). Изгнан был из классиков А.С. Грибоедов со своей знаменитой комедией «Горе от ума». Не упомянут А.В. Кольцов, плоть от плоти народной, самый хрестоматийный поэт А.Н. Майков и т.д.

Это лишь одно из многих распоряжений, в течение четверти века систематически разрушавших наше образование. Министр, подписавший этот документ, видимо, не испытывал никакого чувства вины, то есть он либо абсолютно невежествен, либо — лишён совести...

Подобное разрушение ныне цинично продолжается. Сегодняшний уровень культурных знаний выпускников боль-

---

шинства школ и высших учебных заведений не соответствует тому, какой должна быть у граждан страны, желающей сохранить свою независимость. Разговор о классике для большинства школьников беспредметен: они **не читали** почти что ничего из того, что ранее школьники изучали по программам школы XX века. Работники сферы образования словно забыли, что успех школьного дела непосредственно связан с соответствующей выстроенностью сознания получающих образование. Но основные свойства и ориентация нравственно здоровой личности до сих пор должным образом не отражены в документах по образованию и воспитанию в средней школе.

Мы безропотно терпим сокращение программ обучения, которые ныне соответствуют по уровню программам школ колониальных стран. Мы молчим. «Педагогическая общественность» не выступает дружно и ответственно за полноценное школьное образование и более всего занята обсуждением размеров зарплат. Мы терпим «дикие моды»: бесстыдство нетрадиционного «оголения», разодранные штаны в лохмотьях, мы не осуждаем размалёванные физиономии и дикарскую татуировку, которая сама по себе есть признак антикультуры, мы терпим «колониальное унижение» и культурный геноцид в СМИ, оттеснивших на задворки бездарной и дикой рекламы великую русскую культуру. Нам воздастся горьким горем за это наше бесстыдное примирение со злом!

Привычка ко лжи не только растлевает сознание, но рано или поздно тяготой отражается на общей судьбе. И тогда, когда лжём мы сами, и тогда, когда при нашем молчании лгут нам.

Происходящее во многих СМИ и заметной части рекламы — приводит к резкому снижению духовных начал наших традиционных духовных ценностей. «Понижение порога стыдливости» путём демонстрации уродства и бесстыдства, примеры жестокости и т. д. — внедряются тайными и явными слугами нового «мирового порядка» сознательно, их делают «привычным элементом» массовых зрелищ, телевидения, прессы и рекламы. Протестуют единицы. Большинство молчит... Всем нам и потомкам нашим дорого обойдётся это предательское молчание.

Нам «подбрасывают» продукты антикультуры. Нас заставляют привыкать к тому, что наша великая литература оказалась на задворках школьного образования. Мы продолжаем молчать, хотя было сказано и по-разному многократно повторено: «Тесня русскую классику, мы лишаем доверен-

---

ное нам молодое поколение не только прошлого, мы лишаем его и будущего» (Скатов Н.Н.).

Образование поразила эпидемия духовно-нравственной проказы. Всё чаще и обыденней становятся сведения о торговле фальшивыми оценками знаний в вузах, всё циничней отношение к экзаменам, к тому, что у иного преподавателя можно за деньги «сдать», не утруждая себя знаниями. Лет десять назад знакомый мне сотрудник крупного научного учреждения рассказывал, как невзначай завёл разговор с сыном своего начальника, ожидавшим отца. На вопрос, как сдал сей студент экзамен по анатомии, тот ответил: «Да ничего, но многовато: 100 долларов...» Несомненно, что растление молодого поколения, будущей элиты — это преступление перед народом, государственное преступление. За него должны отвечать по строжайшим законам, которые ещё не написаны. Почему? Мы только лишь иногда свидетельствуем о серьёзном падении уровня не только школьного, но и вузовского образования. В условиях информационной войны, такие преступления по тяжести своей равны измене Родине.

Во время моего студенчества ни о чём подобном я не слышал, а наблюдал совершенно другое. Мой отец преподавал по совместительству в техническом вузе сопротивление материалов, «сопромат», как называли этот предмет студенты. Иногда отстающие приходили на пересдачу к нам домой. Вспоминаю одного студента-заику; он приходил несколько раз. Помню, что отец сказал ему: «Вы меня измором не возьмёте. Приходите, когда будете знать материал». И вот наконец отец ставит «зачёт», и высоченный студент, засовывая руки в рукава пальто, произносит: «Н-на-н-на-кон-нец-то!»

Преподаватель, уважающий себя и преподаваемый предмет, не может быть не требователен... Помню экзамен по русской литературе XVIII века. Принимал его профессор А.А. Зерчанинов. Во время моего ответа Александр Александрович, обращаясь ко мне, произнёс: «А я вам, Троицкий, больше четвёрки не поставлю». «Александр Александрович, — отозвался я, — это ваше дело: ставьте, что считаете нужным...» «Нет, Троицкий, — повторил Зерчанинов, — я вам больше четвёрки не поставлю, потому что вы отвечаете ниже своих возможностей». В этом замечании по-своему проявлялась профессиональная честность и честь, о которой теперь преступно забывают. Была она раньше у весьма многих, эта честь-совесть! Потому и выжил народ, пройдя столько бед и испытаний!..

Воистину людьми чести были многие наши предки, богатыри духа: они имели замечательное достоинство, присущее личности, утверждающей себя высоко нравственным поведением в человеческом звании, обладавшей при этом неизменным постоянством духовно-нравственных принципов, поступков и скромной сдержанностью в самооценке.

В детстве слышал я рассказ о прадеде по матери. Человек чести, храбрый офицер, полковник, кавалер ордена Св. Георгия, герой Шипки, он умер не в бою. Будучи избираем третейским судьёй, он по совести решил спор не в пользу своего начальника. Тот несправедливо оскорбил его (дуэль с начальником по армейским правилам невозможна) — и прадед тут же и скончался от приступа (инфаркта), не перенеся недостаточного своей чести оскорбления...

Честь берегли как зеницу ока. «Береги честь смолоду» — гласила русская пословица. Первый сборник законов «Русская правда» построен на понятии чести. Бесчестье считалось хуже смерти. «Лучше голова долой, нежели что ни есть утратить моей чести» (А.В. Суворов). С понятием чести связывали самое сокровенное убеждение: «Клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество...» (А.С. Пушкин).

Всякий достойный человек имел убеждение: хранить честь — значит, исполнять неременную обязанность, святой долг. В наше время можно встретить немало человекоподобных, в сознании которых нет даже сколько-нибудь ясного представления об этом. Но были же люди истинного склада!

Вспоминается рассказ всемирно известного хирурга Николая Ниловича Бурденко. Николай Нилович закончил медицинский факультет Дерптского университета по кафедре хирургии с отличием и мечтал продолжить учение при кафедре (сегодняшняя аспирантура, ранее называвшаяся местом для приготовления к профессорскому званию). На кафедру было выделено одно место. Однако одновременно с Николаем Ниловичем также с отличием закончил университет по той же кафедре племянник ректора университета барона Цёге фон-Мантейфеля. «Я решил, что надеяться не на что и стал собирать вещи», — рассказывал Бурденко. Вдруг к нему прибегают друзья, сообщают: «Николай, тебя оставили при кафедре...» Тот не верит ушам, бежит в университет. На доске объявлений — приказ: «Оставить для приготовления к профессорскому званию лекаря Н.Н. Бурденко».

Далее события развивались бурно. К ректору с возмущённой петицией и требованием отменить решение в пользу сво-

---

его протееже пришла делегация остзейских дворян. Приёмная ректора гудела от возмущённых голосов. Ректор не пригласил делегацию в кабинет, а вышел в приёмную... Хор негодований встретил его. Ректор поднял руку. Воцарилось молчание. «Господа, — произнёс ректор, — у вас есть честь?» Тут уж возник не шум, а шквал возмущённых восклицаний... «Вопрос — оскорбителен!» — закричал кто-то... Ректор снова поднял руку, дождался тишины.

«Господа, — произнёс он, — у меня тоже есть честь. Семинарист (Бурденко окончил семинарию. — В.Т.) вот на столько (он показал расстояние двумя пальцами), но выше племянника, и я (он помолчал) — ничего не могу сделать. Честь имею...» И все молча покинули приёмную...

Если бы наши соотечественники и прежде всего люди власти обладали хотя бы подобием такой чести — дела в России пошли бы на лад семимильными шагами.

3

Есть явления и события, по отношению к которым явственно и безусловно определяется нравственное достоинство или низость. «Нейтральное» или равнодушное отношение к таким явлениям с несомненностью свидетельствует либо о глубоком невежестве, либо о несомненной безнравственности, ибо содержание и смысл этих явлений очевидны.

Одним из «пробных камней» современной нравственности явилось появление на горизонте кощунственного (прежде всего — по замыслу) фильма «Матильда». Фильм, недостойно и клеветнически представляющий канонизированного Русской Православной Церковью святого государя, олицетворявшего нашу великую и многострадальную страну — Россию, не раз искупавшую свою кровью «Европы вольность, честь и мир» (А.С. Пушкин). Государя, искренно и самоотверженно любившего Россию и готового жертвовать ради неё всем; Государя, за время правления которого наш народ стал многочисленнее на 60 миллионов; венчанного царя, оправданного современным Верховным Судом России; человека удивительной нравственной цельности и благодатной семейной жизни; Государя, зверски убитого со всею своей семьёй более ста лет назад без суда и следствия людьми преступного сообщества по преступному и незаконному приказу...

Режиссёр этого заведомо кощунственного фильма А. Учитель обнаружил своё бесчестие прежде всего выбором содержания кинокартины: он посвятил её юношескому увлечению цесаревича, пытаясь отразить в соответствии со своими убо-

---

гими представлениями то, что по отношению к герою фильма не доступно по уровню нравственности и культуры автору фильма.

В соответствии с уровнем своих весьма примитивных представлений о Государе и его окружении, а, возможно, также и в целях дискредитации несомненно значительнейшей личности русского царя, — сей «деятель искусства» выбрал именно юношеский период жизни императора, а не его государственную деятельность, не участие в военных событиях, не его удивительную, поистине образцовую семейную жизнь, наконец — трагическую кончину.

Всё это подобно тому, как если бы в фильме о святой Марии Египетской была бы представлена только её греховная жизнь в юности, и в памяти зрителей остались бы лишь картины непристойного соблазна. Этим образ святой оказался бы кощунственно извращён. Но разве не подобными «экспериментами» занялся режиссёр? Зачем?

Приведу ответ, данный в одной из лучших опубликованных статей по поводу названного фильма: «Фильм этот имеет те же глубинные, подземные цели, что и убийство Императора, Его Семьи, что и октябрьский переворот. Клевета на царя, на его святой образ, на православную монархию, на Россию, на её историю, на русский народ, на его истинное предназначение в мировой истории — всё это должно заместить подлинные ценности в сознании современного гражданина России, в сознании русской молодёжи — ложными... Нужно оторвать наш народ от его корней, от его вековых идеалов, от его веры, лишить его жизненной силы и покорять его <...> И поэтому не допустить показа этого фильма всеми законными средствами — наш гражданский, христианский, человеческий долг. Долг перед Родиной, перед её святынями, перед её будущим» (протоиерей Николай Булгаков). Не понять справедливости сказанного может только человек нравственно невежественный.

Нам говорят о свободе искусства... Но кем позволено «творческим людям» плевать на святыни? Свобода — это не бесстыдство, не своеволие, не вседозволенность, не произвол, не беззаконие, не разнузданность, не анархия и тому подобные разрушительные состояния! Свобода обеспечивается в обществе прежде всего защитой нравственных свойств человека; человеческая свобода немыслима вне понятий веры и культуры.

Свобода зиждется на требовании к личности соблюдать традиционные духовно-нравственные аксиомы и на обязан-

---

ности государственной власти, отражая интересы несомненного большинства, ограничивать произвол везде, где он приносит или может принести ущерб человеку, народу или нанести урон общегосударственным и общенародным интересам.

Если бы г. А.Учитель обладал чувством стыда и мог бы оценить необыкновенность героя своего фильма и величие его судьбы, он бы сам отказался от своего замысла. Но не все могут мыслить трезво, не все имеют честь!.. Клеветнический фильм, допускающий «творческие» искажения и извращения, возникшие вследствие огромной культурной дистанции между режиссёром фильма и его героем, Государем великой России, не может быть отнесён к явлениям искусства, ибо своей кинокартиной режиссёр навязывает зрителю искажённый и пошлый образ преступно оболганного, незаконно и подло убитого вместе с семьёй достойнейшего человека высочайшей нравственности, Государя России, святого, канонизированного Русской Православной Церковью. Поэтому названный фильм — это не простая ложь и бестактность. Это несомненное нравственное преступление, вина за которое падает на всех, причастных к этому фильму, в том числе и на «беззаботно» его посмотревших.

Искусство (имеется в виду истинное искусство!) — всегда воспроизведение человека и мира через призму возвышающего духовно-эстетического опыта. Истинное «искусство есть служение и радость... Оно рождается из любви, страдания и одоления» (Ильин И.А.). Подлинное произведение искусства обнаруживает максимальное соответствие содержания найденной художником формы и всегда высвечивает коренную связь с идеалом, органически восходящим к основным свойствам человека. Псевдоискусство, лжеискусство, антиискусство этими качествами не обладают.

По характеру измышлений и опошленному сюжету упоминаемый фильм не имеет отношения к искусству: истинное искусство — духовно-нравственно, системно-иерархично, бережно-памятливо, воспитательно-созидательно, национально-самобытно. Явления, не обладающие полнотой названных признаков, представляют собой **псевдоискусство**, наконец — **антиискусство**, то есть пример, противоположный искусству по смыслу и воздействию на человека и общество.

Понимая искусство и культуру в соответствии с тем, что они есть в действительности и как они укоренены в сознании эстетически грамотных, гуманитарно образованных и честных граждан, можно смело утверждать, что фильм такого рода выходит за пределы понятий искусства и культуры, а

значит, не должен бы финансироваться за счёт выделенных на эту сферу государственных средств. Это необходимо признать официально, это должно быть подтверждено законом и, таким образом, быть поддержано не только честью-совестью творцов и творческих коллективов, но ответственностью финансирующих организаций. Ведь чтобы оценить меру безнравственности названного фильма и протестовать против его демонстрации, не нужно обладать какой-то особенной чуткостью и совестью, но необходимо быть нормально совестливым, твёрдо следовать очевидным неповреждённым нравственным представлениям.

Кто из обладающих честью-совестью посмеет утверждать, что в годовщину зверской и подлейшей расправы над невинно убиенным вместе со всей семьёй Государем (да если бы даже и не Государем!) выпуск фильма об интимном эпизоде его личной жизни, воссозданном с пошлыми и фривольными отступлениями от документально известных событий, — это не кощунственная акция? Можно ли, имея честь-совесть, принять такое омерзительное кощунство?! И не признак ли нравственного убожества в недостаточности иных протестов?

Информационная среда в государстве, желающем иметь будущее, должна быть максимально защищена от «антисоциального» воздействия на сознание молодого поколения. Поэтому вопрос, должна ли была власть запретить демонстрацию обсуждаемого фильма, — это одновременно вопрос о том, какова сама власть: исповедует ли она нравственность?.. Что же касается тех, кто не согласен с нормальной точкой зрения, — то изменить их взгляд на вещи может только пристойное воспитание (или перевоспитание), обретение ими элементарных культурных понятий (норм) о поведении, о человеческих отношениях и — должный уровень образованности...

Обсуждение возможности демонстрации кощунственного фильма было более чем показательным: оно наглядно обнаружило духовно-нравственный уровень участников споров о бесспорном. При этом дело не в том, кто именно высказывал ту или иную точку зрения. Важно оценить *нравственное основание*, на котором мнение может возникнуть...

О «защитниках» кинокощунства говорить нечего: их позиция сама по себе вполне обличает или очевидную безнравственность или умалчиваемые ими подлые политические цели, смысл которых им самим известен. Но примирители мнений или уклоняющиеся от категоричного отрицания подлого замысла демонстрации названного киноизделия — несомненно, заслуживают внимания, потому что представля-

---

ют собой (все и каждый в отдельности) либо людей, политически запрограммированных (не руководствующихся честью-совестью), либо — явно обделённых непремёнными для честного человека духовно-нравственными качествами.

Такие люди жили и живут рядом с нами. Они спокойно и настоятельно отрицали аморализм и оскорбительно-кошунственный дух фильма и не видели «ничего особенного» в его распространении. Их ничто не смущало. И в этом обнаружилось едва ли не самое страшное явление современности: утрата человеческих качеств людьми, сохранившими внешне человеческий облик. Прежде всего таких людей хочется пожалеть. Ведь они не имеют свойств, необходимых для нормы, для полноты истинно человеческого восприятия окружающего. Они не обладают ни нравственным чувством, ни чувством гражданской исторической ответственности, они лишены чувства святости, а потому — не могут иметь чести.

Общество, в котором такие люди приобретают решительное влияние, — во многом нежизнеспособно. Поэтому главная беда не в том, что безнравственной личностью был поставлен фальшивый и кошунственный по духу фильм о преступно погубленном с верною супругой и невинными детьми достойнейшем Государе России, и не в том, что фильм этот несёт ложь о святом (это нисколько не приуменьшит святости царственных мучеников) и даже не в том, что готовилась циничная и отвратительная «пляска на гробе» невинно убиенного святого. Если общество становится привычным к людям, лишённым совести, и если такие люди станут определять «общественное мнение» — мы на пороге гибели.

Такие люди легко обнаруживают себя тем, что в своих оценках не могут выйти за пределы убогой обыденности и пошлой предвзятости. Понятия *святыня*, *долг*, *честь*... для них всего лишь громкие слова, красивая условность, не более. Они легко могут произносить эти слова кстати и не кстати, но в сущности — далеки от понимания их содержания, смысла и значения.

Таким людям невдомёк, что каждое из этих слов-понятий зачастую оказывается дороже жизни. И им совсем недоступно, что истинная *святыня* не субъективное, но *объективное явление*. Всякое пренебрежение и поругание святыни имеет следствием — нестроение жизни, несчастья, беды и разрушение человеческого жития и общества в целом. Это духовный закон, воспринимаемый многими как необъяснимая реальность. Возмездие за поругание святыни соответствует по масштабам размерам её предательства. Невольно вспоминаются слова поэта Николая Зиновьева:

---

*Укого мы под пятой?
Кто на пьедестале?
Были Русью мы святой,
Стали тем, чем стали.
И кровавится заря
Не к добру, ребята.
За расстрел семи царя
Тянется расплата.*

Святыня, святость, святой... Первоначальное Слово — свято. Ибо «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Бог был Слово». Истинное отношение к святыне всегда слито с искренно-трепетным ощущением чего-то таинственного и высшего, что освящает каждого и «возвышается» над каждым смертным, того, что во многом тайна и тайная сила, того, что необъятно мыслью, внемлется только душою, имеет таинственную власть в мироздании и находится под особым покровительством... «Перед лицом Святыни, — писал С.Л. Франк, — должен был бы умолкнуть всякий человеческий язык. Говорить прямо о ней самой есть суетное и кощунственное дело. Единственно, что адекватно святости этой реальности, — есть молчание, тихое, неслышное и невыразимое наслаждение самим её присутствием в нас и для нас».

Кто не ощущает всего этого, может относиться к святости обыденно и даже кощунственно. Среди них, к нашему прискорбию, бывают и те, кто призван к противоположному. И в этом наша общая беда...

РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЙ ТОТАЛИТАРИЗМ

Если вспомнить крах нашего марксизма-ленинизма, то на Западе, наверное, произошло нечто еще более страшное. Мы помним, как в 1990-е годы в одночасье пришли в негодность целые библиотеки исторических, философских трудов за последние 70 лет. Многие блистательные академики и профессора-гуманитарии потускнели, а плоды их жизни отправились на свалку..

А как же Запад? На свалку должна отправиться вся его политическая демократическая мысль. Целые университетские программы по политологии, социологии, истории, университетские факультеты по изучению прав человека и пресловутой Всемирной декларации — своего рода символа веры протестантской цивилизации. Кстати, юбилей этой декларации еще недавно, в 2018 году, праздновал Запад. Где же реакция, где защита тех ценностей, в которые они верили и которые навязывали всему миру?

Реакции нет. Запад молчит. Либо потому, что он давно знал, что все права и свободы — изначально ложь, либо растерялся. Индивида и общество никто защищать не стал.

Хотя для русских людей в истории уже нет ничего удивительного. К.П. Победоносцев называл движение «к справедливости», за демократию, конституционализм — «великой ложью нашего времени». На деле так и оказалось. Сегодня на политическую сцену вместо всяческой политической замусловатости, неоднозначности и двусмысленности вышли последователи Макиавелли, и перспективы мира оказались до банальности просты — постоянные кризисы и войны, которые обеспечат заинтересованным кругам слом остатков всех демократических устоев и становление рабовладельческого тоталитарного строя, уже почему-то названного «социализмом». Ради этого и разворачивались спектакли, сценарии, кровавые трагедии и фарсы мировой истории.

Но всех ли устраивает маккиавелизм? Всех ли устраивает опыт Колымы?

На такие мысли всё чаще наводят появляющиеся литературные произведения современных русскоязычных писателей-социалистов. Почему-то стали огромными тиражами выходить романы о Соловецком лагере, о ссылке Зулейхи, а затем пошли в прокат их экранизации, растянутые на множество телесерий. Для знаменитых издательств успешнее всего оказались рукописи, посвященные Соловкам, Джетлагу. Вот и журналист Дудь снял документальный фильм «Колыма — родина нашего страха», хотя тема лагерей, тоталитарного прошлого, по меткому замечанию писателя В.Н. Крупина, чересчур изъезжена, чтобы стать предметом поэтического вдохновения.

Пролистывая переведённые на русский язык учебники по политологии, всегда было удивительно, насколько циничен Запад. Например, в курсах политологии написано, что в 1930-х годах стали появляться итальянские и немецкие теории в духе Макиавелли об элитах, о «железном законе олигархии» (В. Парето, Г. Моска, Р. Михельс). Да, нужно было уничтожить Императорский дом Романовых для того, чтобы потом в XXI веке писать, что в мире действует «железный закон олигархии», и люди по природе не могут быть равными — демократия неосуществима... Аккуратнее читайте эти учебники, не запачкайтесь кровью, которой пропитаны они! Против этих политических убийц и лжецов вопиет кровь Святых Царственных Страстотерпцев, кровь миллионов оболганных и расстрелянных, убитых в Гражданской войне и сгинувших в лагерях.

Все переводные иностранные учебники политологии, которые нашим студентам почти безальтернативно предлагали последние 30 лет, должны были бы давно отправиться на свалку. Но наша профессура, за редкими исключениями, не ста-

---

ла давать ответ Западу. Хотя на каждую тему можно было ответить с позиций русской православной почвенной мысли, нам есть что ответить. Ведь все эти безбожные Макиавелли, как и Фрейд, описывают устройство ада на земле, законы жизни падшего бездуховного человечества, прозябание гибнущей души. Конечно, им давно ответили святитель Филарет (Дроздов), иеромонах Серафим (Роуз), наши святые отцы, наши русские мыслители и литераторы. Но кто из профессоров их стал читать? Профессура поленилась менять свою жизнь и мировоззрение, она большей частью сохранила удобную и ленивую приверженность марксизму-ленинизму. В итоге мы получили то, что получили. «Большие начальники» уже обращаются к нам со словами: «смиритесь, в мире действует железный закон олигархии».

В начале 2000-х годов постмодернист У.Эко растиражировал по всему миру среди прочих своих эссе одну незатейливую вещь под названием «Вечный фашизм», где изложил программную логику борьбы глобалистов против всех традиционных устоев (то, что Эко назвал ур-фашизмом). Параллельно с этой работой Эко еще и разрекламировал фашистский режим Муссолини в Италии, который он наблюдал в отроческом возрасте. Зачем это понадобилось делать в 2000-х годах, лишь сейчас становится понятным.

Аналитическая статья левого английского писателя Джорджа Оруэлла 1946 года «Джеймс Бернем и революция менеджеров», направленная против идей Бернема, показывает, что ничто не ново под солнцем. Идеал рабовладельческой империи давно популярен в определенной среде интеллектуалов Запада. Оруэлл не был христианином, но перспектива мирового тоталитаризма, так цинично предсказанная представителем интеллектуальной элиты США и консультантом президента Рузвельта, его возмутила.

Оруэлл написал полемическую статью против идей американского интеллектуала Бернема, высказанных им в работах «Революция менеджеров», «Маккиавелисты», в статье «Наследник Ленина» (о Сталине). «Революция менеджеров» вышла в 1941 году во время Второй мировой войны; в Америке, Англии и Франции она наделала много шума. Сегодня известно, что эту книгу специально продвигали. Оруэлл обратил на нее внимание, так как писал ее один из представителей кругов американских троцкистов-ренегатов, как раз к 1940 году покончивший с более невыгодным для США троцкизмом и ставший американским империалистом, сочувствующим плановой экономике и тоталитаризму. Бернем и его соратники позже составили целую группу американских

империалистов из бывших левых еврейских интеллектуалов (троцкистов-ренегатов), получивших кличку «неоконы» и входивших то в Демократическую, то в Республиканскую партии США. О том, как бывшие троцкисты, беженцы из Восточной Европы стали частью «постоянного правительства США» много написано.

Сегодня, после Нюрнбергского процесса, мы назвали бы произведение Бернема циничным и преступным из-за преклонения перед нацизмом. Но Бернем выражал не только свои личные взгляды и пристрастия, а целого социального слоя менеджеров-управленцев (бюрократов, технарей, администраторов), которые радовались, что в Германии и России сокрушена власть аристократии, капиталисты уничтожены и рабочие подчинены, а к власти и инструментам террора пришли подобные им люди.

Оруэлл удивило и возмутило не то, что Бернем констатировал установление тоталитарных режимов в Европе (Оруэлл согласился и признал, что подобная тенденция наблюдалась последние 50 лет), но — преклонение перед ними и навязывание мнения, что в будущем человечество пойдет по этому имперско-рабовладельческому пути как единственно возможному. Правда, Оруэлл отметил, что Бернем хотя бы не называет это «социализмом», а утверждает, что капитализм исчезнет, но социализм никогда не наступит, тогда как многие интеллектуалы, приветствуя «революцию управленцев» и тоталитаризм, называют рабовладельческий имперский строй «социализмом».

Оруэлл так кратко излагает схему Бернема: «Капитализм исчезает, но на смену ему идет не социализм. Возникает новый тип планового, централизованного общества, которое не будет ни капиталистическим, ни в каком бы то ни было принятом смысле слова демократическим. Правителями этого нового общества будут те, кто фактически контролирует средства производства: администраторы компаний, техники, бюрократы и военные, которых Бернем объединяет под именем «менеджеров». Эти люди устранят прежний класс капиталистов, сокрушат рабочий класс и организуют общество таким образом, что вся власть и экономические привилегии останутся в их руках. Права частной собственности будут отменены, но не будет и общественной собственности. Новый мир не будет пёстрым собранием маленьких независимых государств, а будет состоять из громадных сверхгосударств, сложившихся вокруг главных индустриальных центров Европы, Азии и Америки. Эти сверхгосударства будут сражаться за еще не захваченные части земли, но, вероятно, ни одно не сможет достичь окончательной победы. Все они

будут иерархическими: аристократия «способных» наверху и масса полурабов внизу».

В «Революции менеджеров» Бернем, еще не зная, как завершится война, высказывает мнение, что «менеджеристская» Германия во всех отношениях дееспособнее капиталистических демократий, подобных Франции и Британии.

Английский писатель уличает этого американского интеллектуала в том, что тот выдаёт желаемое за действительность (якобы утвердятся три тоталитарные сверхимперии — в Европе, Америке, Азии). Кое-где Бернем настойчиво пропагандирует свои идеи и ошибается, считая, что рабовладение необходимо в ту эпоху, когда развитие техники сделало рабский труд абсолютно ненужным. Оруэлл опровергает актуальность Маккиавели, которому привержен Бернем и считает интеллектуально недобросовестным утверждение, что на почве нацизма, на базе рабовладения можно построить что-то достойное.

К тому же Бернем, находясь в Америке, далёкой от европейских пределов, спокойно пророчествует о том, что власть в Европе захватит либо нацистская Германия, либо коммунистический СССР и, описывая жестокость предстоящих событий, как будто получает удовлетворение от этого.

Итак, мы видим, что планы захвата мира, которые актуализируются ныне, чуть было не реализовались еще в 1930—1940 годах. Антихрист мог прийти намного раньше. Епископ Полтавский Феофан (Быстров), находясь в эмиграции, ощущал грозную мировую атмосферу того времени и в письмах своим чадам действительно говорил о скором приходе антихриста.

Реализоваться этим планам не дал Господь. Мировая рабовладельческая империя в 1940-х годах не состоялась. Наивные интеллектуалы в своих планах и раскладах не учли одного — Бога.

Планировщики типа Бернема вытерли лоб, признали, что поторопились и стали думать, как действовать дальше...

Они много думали и, вероятно, поняли, **что** помешало им победить. Христианство. Христос через русское оружие сокрушил Гитлера и преступные планы стоящих за ним. Последующие усилия империалистов были направлены (особенно с 1960-х годов) против христианства и христианской культуры, это делалось посредством новых якобы социалистических доктрин Франкфуртской школы и культурной революции.

Сегодня технические возможности вновь дали шанс преступникам поделить мир на элиту и рабов. Но это уже не просто «революция менеджеров», а сговор крупного капитала и менеджеров (включая «демократические» правительства).

Переводчик и писатель А. Багаев в своей статье об Оруэлле («Заблуждения в переводе») высказывает мысль, что английский писатель своим произведением «1984» хотел сказать заговорщикам и преступникам, в первую очередь, представителям «англсоца» (социалистам-империалистам, базирующимся в Британии) примерно следующее:

«Вы говорите, что хотите мира, и трудитесь только на его благо? Вздор! Самые страшные войны, самые тяжкие преступления, самые невыносимые страдания случились из-за вас и вам подобных.

Вы говорите, что ваша цель — благо свободного человека в свободном обществе? Вздор! Ваша цель — мировая империя и власть.

Вы говорите, что воспитаете человечество и приобщите его к высшей цивилизации? Вздор! Вы всех превратите в своих безмозглых рабов, не способных более мыслить самостоятельно, без подсказки и указки вашей пропаганды.

Вы говорите, что выступаете за английские ценности и цивилизацию? Вздор! Вы продали Англию «американским» империалистам и их геополитикам и тоталитаристам, потому что ваша родина не Англия, а английская мировая империя, частью которой в ваших умах Америка была и остается.

Вы говорите, что Евразия и якобы ее коммунизм — злейший враг вашего свободного и демократического мира? Вздор! Вы сами создали «коммунизм» по своему тоталитарному образу и подобию себе же в помощь, а теперь, отказавшись от этой затеи и заменив ее на другую, лжете народам, будто Евразия и коммунизм всегда были вашими врагами.

Вы думаете, что, изъев из памяти народов вашего посвященного, второго творца вашей коммунистической революции в России и в мире (Троцкого. — **В.Р.**), вы скроете следы своего преступления? Вы думаете, что если вы, проиграв войну против Сталина, пошли на попятную и договорились с ним, как поделите мир, вам это все сойдет с рук? Не выйдет!...

Я верю, что, пока живет слово Оруэлла, будут люди, читающие его роман «1984» именно так», — пишет переводчик и писатель А. Багаев.

Потому, дорогие наши читатели-интеллектуалы, распутывая клубок политической лжи 2020—2021 годов, будьте бдительны. Западные тоталитаристы уже прямо с экранов и мониторов пропагандируют будущее столь сладкое для них рабовладельчество.

ЗАЯВКА НА ГЛОБАЛЬНУЮ ПОБЕДУ

Девятого июля прошел Международный online-тренинг по кибербезопасности Cyber Polygon 2021, который организует компания по управлению цифровыми рисками VI.ZONE, входящая в экосистему «Сбера». Его поддерживал Центр кибербезопасности Всемирного экономического форума (ВЭФ) и Интерпола. Тренинг открыл глава Сбербанка Герман Греф, после него к участникам online-сессии обратились председатель правительства России Михаил Мишустин и президент ВЭФ в Давосе, автор теории *капитализма участия* Клаус Шваб.

Если кто-то думает, что «полудневное» мероприятие в Интернете, пусть и с анонсированном «Сбером» участием 7 млн. человек из 78 стран мира требует присутствия таких уважаемых лиц, то он страдает врожденной наивностью. Площадка форума по безопасности была использована глобалистами для того, чтобы, по их новой традиции, представить дальнейший план трансформации жизни на Земле в «новый дивный мир». Одновременно Мишустин фактически принес клятву верности этому будущему мировому укладу, куда собираются встроить Рос-

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

сию через систему «институтов развития», обеспечивающую устойчивость движения нашей страны в «общемировом» тренде. Речь идет о планах устойчивого развития ООН до 2030 года, которые по какому-то злому умыслу названы «национальными целями» нашей страны.

Открывая интернет-саммит, Греф обозначил реперные точки будущих дискуссий. «Мы собираемся online, чтобы обсудить *возможности и вызовы*, которые ставит перед нами *технологический прогресс*. Кибербезопасность остаётся одной из самых важных тем на повестке дня мирового сообщества. *Наш мир изменился, и мы адаптируемся к новой реальности*. *Экосистемы стали новой тенденцией* для бизнеса и государств, они сейчас практически везде. *Их устойчивость будет определять безопасность нашего будущего на многие годы вперёд*». Между строк читается, что новые возможности появляются из запущенной пандемии COVID-19, она вынуждает людей принять решения, которые в здравом уме и светлой памяти они никогда бы не стали исполнять. Мир уже изменился, и обратного пути у человечества нет — фактически утверждает Герман Греф. Для людей остался только вариант адаптации, привыкания к новой реальности, к слову старого уклада и традиций. Зато охрана корпоративных и глобальных компьютерных экосистем, регламентирующих жизнь граждан под руководством транснациональных организаций — теперь есть главная задача международных сил безопасности.

Выступающий следом Михаил Мишустин для начала отчитался за уже произошедшие изменения: «Прошлый год принёс колоссальные перемены, *он изменил жизнь большинства людей*. В новых реалиях государства и бизнес стремятся обеспечить наиболее *комфортные условия для жизни и работы граждан, ускоряют темпы цифровизации и реализуют даже самые прогрессивные идеи в максимально сжатые сроки*». При этом он обозначил и дальнейшие сроки реализации программы глобалистов: «В РФ *цифровая трансформация затронет 40% экономики до конца 2023 года*, в соответствующую национальную программу *войдут порядка 650 компаний*. *К концу того же года* в электронный формат будут переведены *все социально значимые государственные и муниципальные услуги*. Мы напряжённо работаем над тем, чтобы обеспечить подключение к интернету всей территории РФ, включая самые дальние точки нашей огромной страны. *К 2030 году эта цель будет реализована*». Затем председатель правительства РФ констатировал, что новым витком промышленной эволюции становятся цифровые экосистемы. Их активно

выстраивают и страны, и крупный бизнес, чтобы максимально эффективно предоставлять разнообразные сервисы гражданам и клиентам. Переводя с новояза на русский язык, это значит внедрение в жизнь людей интересов глобальных корпораций, вписывание корпораций в их окормление под предлогом «роста качества жизни». Стоит обратить особое внимание на слова главы российского правительства в отношении киберпреступлений. Приведя общеизвестную статистику, Мишустин внезапно сообщил, что ВЭФ Клауса Шваба «включает кибератаки на критическую информационную инфраструктуру в число глобальных технологических рисков». Заметим: премьер РФ в вопросах безопасности опирается не на ФСБ, не на МВД, не на Совет безопасности России, а на невятную организацию из Швейцарии. Это позволило ему сделать вывод, что «киберпреступность и хакерство — это *глобальные угрозы*, предотвратить которые можно лишь *усилиями всего международного сообщества*». Таким образом, в систему глобальных борцов с угрозами «новому дивному миру» автоматически вписывается *Интерпол как надгосударственное силовое образование*.

Третьим выступал Клаус Шваб, которого уважительно называли «профессором». К его речи стоит особенно приглядеться. Шваб утверждал дословно следующее: *«За последние несколько месяцев мы наблюдали множество атак “шифровальщиков” на больницы, объекты критической инфраструктуры, школы, объекты энергоснабжения и многие другие жизненно важные сервисы. Граждане начинают чувствовать на себе последствия кибератак. Граждане начинают страдать от сбоев в поставках энергоресурсов, задержек в оказании медицинской помощи. Именно к этим последствиям разрушительных кибератак нужно готовиться, эту проблему непросто решить»*. Кто кричит громче всех: «Держи вора!»? Сам вор и его соучастники. Шваб проговорился, что нынешние кибератаки, реально не интересные хакерам с денежной точки зрения, являются как и «пандемия» COVID-19 одним из *инструментов дестабилизации доброго старого мира*. У глобализаторов всё идет по плану, поэтому ждем применения и следующей технологии — тотального голода из-за заражения мясомолочного скота, птицы и рыбы очередными «страшными мутирующими вирусами». Клаус Шваб продолжает свою мысль: «Для *устойчивого восстановления экономики* после пандемии нужно быстро внедрять новые сервисы, граждане должны доверять технологиям и иметь возможность убедиться в том, что они безопасны и их личное имущество и данные защищены. Доверие в этом процессе абсолютно не-

---

обходимо». Таким образом, создается новая вера. Люди мира, лишенные старых традиций, должны заместить ушедшие от них религиозные чувства верой в технологии, в корпоративные экосистемы. Кстати слова о «защите личного имущества» из уст человека, который практически открыто отрицает право людей на частную собственность в рамках «капитализма участия», смотрятся очень неоднозначно. Но только для тех, кто знает про эти теории главы ВЭФ.

Следующий озвученный им момент является ключевым и полностью показывает, почему наш глава кабинета министров Мишустин рекомендовал своим подчиненным довести планку вакцинации до 90%. Шваб утверждает, и его слова являются прямой инструкцией для «туземных государств»: «Один из уроков, которые мы извлекли из пандемии COVID-19, *касается устойчивости, жизнестойкости*. Мы должны не только защищаться от вируса, но и *выработать способность противостоять вирусной атаке*. Другими словами, *только масок недостаточно — нужна вакцинация для выработки иммунитета в нашем организме*. То же самое относится к *кибератакам*: в этой сфере мы также должны перейти от *защитных мер к повышению общего иммунитета*. Мы должны строить такие объекты IT-инфраструктуры, в которые изначально будут встроены *цифровые антитела* для самозащиты». Говоря о панацее вакцинации, Шваб утаивает основной вывод, который сделали сотрудники Центра им. Гамалеи на уже собранной статистике. Вакцинация резистентных человеческих организмов, именно тех, иммунитета которых хватает для того, чтобы побороть вирус ковида, приводит к снижению их иммунного ответа на другие вирусные, бактериологические или физические воздействия, к примеру, типа излучений вышек 5G. Диалектика говорит о том, что всё это относится и к упомянутой киберсфере: чем больше кто-то пытается «вакцинировать» программы критических объектов или data-центров, тем больше вероятность их «падения», которое, уже по закону Мерфи состоится в самый неподходящий момент. Кстати, «встроенными антителами», по Швабу, являются программы тотального отслеживания людей и их гаджетов — добро пожаловать в мир «Большого брата».

Схема самого мероприятия тоже объясняет многое. Так, участники были разделены на два параллельных «трека» (просим прощение за «новояз» цифровизаторов) online-конференции для широкой публики и практического блока для специалистов по кибербезопасности. Понятно, что основной интерес представляла именно общая часть. В ней основной сессией стал диалог «*Экосистемы как новый путь мировой*

интеграции», в котором приняли участие Герман Греф и сооснователь Apple Computer Стив Возняк. Основная тема обсуждения — роль цифровых технологий и образования в развитии цифрового мира. Вот несколько тезисов из главы «Сбера»:

— Развитие технологий продолжает укреплять связи между людьми, организациями и странами.

— Бизнес (читай — глобальные корпорации) и государства создают экосистемы — целые сети из компаний и различных сервисов, не ограниченные рамками одной страны или континента.

— Необходимо обеспечивать устойчивость и безопасную эволюцию корпоративных экосистем.

«Удивительно, насколько сильно технологический прогресс меняет целые индустрии. В случае «Сбера» мы стали первым банком в мире, который стал производить *собственное аппаратное обеспечение*. В прошлом году мы уже вывели свои первые устройства на рынок. Для нас это было очень необычно. На этот год у нас тоже есть амбициозные планы по созданию еще большего числа продуктов для наших клиентов», — «прокукукал» Герман Греф. В ответ ему громко «прокукарекал» Возняк: «Один из секретов успеха Apple — стремление *делать и собственное «железо», и собственный софт*, поскольку это давало идеальную совместимость и формировало наилучший опыт для пользователей». Оба утверждения смешны по определению — и «Сбер», и Apple свое железо производят исключительно в Азиатско-тихоокеанском регионе. Греф отметил одну российскую особенность: «В России сложилась уникальная ситуация: одновременно представлены как зарубежные экосистемы (Google, Apple, китайские компании), так и национальные («Сбер», «Яндекс», Mail.ru). При этом только у Сбербанка более 110 миллионов клиентов по всей стране, в то время как у Apple — один миллиард активных айфонов, не говоря уже об остальных продуктах — Apple Music, Apple TV. Это колоссальное количество данных, в результате чего компании знают о людях больше, чем люди о самих себе». Одно это заявление дорого стоит. И пусть потом и Возняк, и его визави говорили о необходимости соблюдения конфиденциальности больших данных, веры им уже нет. Как не стало ее после слов Грефа о том, что *искусственный интеллект — «это единственная технология, у которой есть возможность «взломать» человека*». Стив Возняк попытался было успокоить слушателей: «Люди напрасно интерпретируют ИИ как «интеллект» и проводят параллели с человеческим мозгом, ведь это абсолютно разные сущности. ИИ — это просто инновационная компьютерная

технология, которая расширяет наши возможности», но главное уже было сказано...

На второй сессии — «*Цифровое государство будущего — какое оно?*» выступили экс-корреспондент Bloomberg TV и CNN Райан Чилкот, главный советник по безопасности Microsoft Роджер Халбхеер и вице-президент по информационной безопасности Ростелекома Игорь Ляпунов. Участники дискурса рассказали, как технологический прогресс меняет облик государств и какую роль в этом процессе играет корпоративный бизнес, принимая на себя от государств часть полномочий управлением гражданами.

Следующая сессия фиксировала ситуацию «*Новый мир — новая валюта. Как обеспечить устойчивость финансовой системы с развитием цифровых валют?*». Руководитель финансовых и валютных инициатив ВЭФ в Давосе Мэттью Блейк, президент Mastercard Europe Марк Барнетт, глава стратегических партнёрств, старший вице-президент Visa Мэттью Дилл и заместитель председателя ЦБ РФ Алексей Заботкин обсудили перспективы и риски развития цифровых валют с точки зрения глобализации, а также влияние новых платёжных средств на традиционную финансовую систему. Она в «новом дивном мире» тоже должна уйти вместе с другими традициями.

Заданный Клаусом Швабом тренд «глобальной борьбы с шифровальщиками» поддержал в специальном включении генеральный секретарь Интерпола Юрген Шток. Он рассказал о роли своей организации в борьбе с глобальной киберпреступностью. Но особенно «порадовала» ситуация с Международным красным крестом — еще одной глобальной организацией, курирующей пандемию COVID-19. Произошел дискурс между его президентом Петером Маурером и начальником Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры РФ Михаилом Виноголадовым *о роли Красного Креста в создании безопасного цифрового пространства.*

Выводы из приведенных фактов каждый читатель способен сделать сам. Хотелось бы только отметить, что на площадке Cyber Polygon 2021 «Сбера» отметились все сермяжные российские глобализаторы, которым очень хочется встать в международный строй своих идеологических коллег. Они не понимают, что им там в любом случае не найдется места, как бы исполнительно они ни отработывали команды руководителей «нового дивного мира» и их адептов.

РИА Катюша

ОСНОВА РУССКОГО ЕДИНСТВА

Сохранение или, точнее даже, восстановление подлинной и глубокой исторической памяти в русских государствах и народе является одним из краеугольных камней не только духовного возрождения, но и самого существования триединого русского народа. Как обстоит дело с этим в Белоруссии, революционный шторм 2020-го которой был во многом обусловлен именно забвением руководством государства этой истины? Тяжело, но не безнадежно. Уж точно лучше, чем на Украине, и, возможно, даже перспективнее, нежели в Российской Федерации.

В целом обстановку можно трезво оценить как продолжение традиционного для всей Руси стратегического противостояния русофильства и западничества. В Белоруссии оно осуществляется в форме противостояния западноруссизма, к которому частично примыкает неосоветизм, и литвинства (также под маской «белорусского» национализма и скрывающего в себе полонифильства), к которому почти полностью примыкает либерализм.

За западноруссизмом стоит неоспоримая правда. За литвинством стоят лукавые ухищ-

РУССКИЙ МИР

рения, большие ресурсы, тяжелое политическое советское наследие, а также духовное состояние народа. Ухищрения литвинизма проводятся широким спектром действующих лиц: от западных стратегов-кураторов до прозападной гуманитарной интеллигенции. Идейная палитра данных ухищрений также многообразна: от идеи того, что белорусы — подлинные славяне, до того, что белорусы — вообще никакие не славяне; от идеи того, что белорусы — многоконфессиональная религиозно толерантная нация, до того, что белорусская национальная религия — униатство.

За западноруссизмом, очевидно, стоит Православие и церковный взгляд на всю белорусскую историю с соответствующим пониманием исторических событий, лиц, практик. За литвинизмом стоит католицизм, к которому присоединяются неоуниатство, «внутрицерковный» автокефализм, протестантизм, иудаизм, либеральный агностицизм.

Взглянем немного на ретроспективу. До революции 1917 года имело место доминирование западноруссизма. И далеко не столько по причине справедливого государственного благоволения и покровительства, сколько по причине правдивости, а также здравомыслия и религиозности большинства простого белорусского народа. Литвинство в то время было маргинальным и представлялось разными версиями хлопманства (заигрывания польских и ополяченных католических выходцев из шляхты с простым православным народом) и кресовства или краёвства (попытки представить Белоруссию некой особой частью исторической великой Польши). При этом литвинству едва ли удавалось произвести самоотличение от польского национализма и в целом от романо-германской цивилизации. За ним слишком явно просматривались старые привычные козни масонов и иезуитов. Если кто этого и не понимал, так это «просвещенная» светская интеллигенция.

После революции стала сильно сказываться антирусская политика большевиков-революционеров, затеявших в русле своей лютой русофобии под видом «борьбы с наследием старого режима и великоросского шовинизма» коренизацию в виде беларусизации, за которой фактически стояла массовая принудительная литвинизация белорусов. При Сталине произошел некоторый разворот в сторону русского неоимперского патриотизма, правда, со значительными оговорками. А при Хрущеве и впоследствии произошло уже полное смешение всего со всем, из которого далее выплыло уже самое неприглядное. К концу и особенно после развала СССР на несколько лет наступило уже полное господство литви-

---

низма и его политической формы — бело-красно-белого национализма, доходящего до полонофильства.

При Александре Лукашенко, во многом под действием самой жизни и народного духа, которые ранее привели и к сталинскому «ревизионизму», вновь произошел русофильский разворот, но с сохранением множества советских мифов и установок, носящих латентно литвинистский характер. Особенно таковые преобладали в сфере исторической науки и исторического образования в вузах. Наконец, огромный вклад в литвинизацию народно-исторической памяти и самосознания белорусов (особенно у молодежи) вносила достаточно свободно себя чувствующая прозападная националистическая «оппозиционная» интеллигенция (с католическо-протестантским ядром), давление со стороны власти на которую с избытком компенсировалось финансовой и дипломатической поддержкой Запада, а во многом даже работало на доверие в массах к оппозиционной интеллигенции и их медиа-рупорам.

Помимо прочего в Белоруссии происходили периодические сближения и заигрывания с Западом, самое мощное из которых пришлось как раз на посткрымский период 2014—2020 гг. с особо острой фазой в 2015—2017 гг. В рамках мировоззрения Александра Лукашенко жертва гуманитарной сферы, включая историческую память и самосознание народа и их качество ради собственных и общих (как он их понимал) политических и экономических целей всегда была оправданной. В последнюю пятилетку эта жертва вылилась в системную дерусизацию белорусской исторической памяти как стратегию государственной политики.

Идеологическая ревизия добралась даже до Великой Отечественной войны, которая стала преподноситься не как война за освобождение единой советско-русской Родины, сколько за независимую Белоруссию (которую тогда проповедовали как раз нацистские коллаборационисты), да еще под знаменами вышиванки (государственный день которой установили прямо в канун Дня независимости и освобождения Минска от фашистских захватчиков). Символы подлинного смысла той войны и Победы в ней — свято-георгиевские ленты и народное шествие «Бессмертного полка» — были заменены на казенные: причем выбранная яблочная бутоньерка до боли напоминала восточно-европейскую политику превращения Дня Победы в праздник весны и скорби о «бесмысленных» жертвах.

В целом в этот период Русский мир и связанные с ним основные понятия и исторические толкования, особенно ука-

---

зывающие на русско-православное самодержавие и Империю, были доведены в официальном дискурсе почти что до статуса ругательных и подцензурных. Данная политика литвинизации, укажем сугубо, сделала огромный вклад в политические потрясения 2020 года и в приближение страны к пропасти.

На данный момент в плане политики исторической памяти Белоруссия находится на большой развилке. После произошедшего на поверхностном уровне государственная идеологическая политика вроде как повела наступление на комплекс исторического повествования западничества и его символику. Есть и все основания считать, что приближающиеся конституционные преобразования закрепят данное наступление. Однако на глубинном уровне ситуация гораздо более тревожная. За последнее десятилетие сформировано много литвинско-националистических теоретических догматов, вплетенных в более общий контекст государственной идеологии «независимости и многовекторности». За еще более длительный период, уходящий в позднюю советскую эпоху, сформирована широкая и глубокая сеть научно-образовательных, журналистских, культурных и даже административных кадров, сознательно работающих на русофобскую и антиправославную версию исторической «памяти» и самосознания белорусов. Ныне многие из них вновь перешли в режим политически спящих и продолжают свою пропагандистскую работу уже в тихих кабинетах и аудиториях.

Более того, от многих идеологических, исторических штампов и мифов даже доселе не готово отказаться и высшее руководство страны, ее идеологической и гуманитарной сферы. В целом историческое просвещение и историко-идеологическая работа стали еще больше концентрироваться сугубо на кратком периоде и событиях Великой Отечественной войны, заметая под ковер все остальные эпохи, события и лица белорусской истории, без поднятия, правдивого раскрытия и целостного связывания которых, разумеется, никаких серьезных просветительских, патриотическо-воспитательных и политико-профилактических задач решить невозможно.

И здесь перед русским патриотическим сообществом России и Белоруссии встает вопрос об основных необходимых и возможных мерах воздействия на складывающуюся ситуацию. Православным и примыкающим к ним светским белорусским патриотам необходимо стараться — каждый в своей сфере и совместными усилиями — на всех уровнях поднимать историческую проблематику и освещать ее в православ-

---

ном западнорусском ключе, продвигая соответствующие смыслы и символы. Очень многое могло бы сделать российское патриотическое сообщество (начиная с профессиональных историков и далее вплоть до профильных чиновников). Помимо общего усиления сотрудничества с белорусами на почве возрождения и воспитания единой святорусской исторической памяти оно могло бы как можно интенсивнее заниматься мягкой постановкой острых исторических вопросов перед белорусским государством, научным и идеологическим сообществом, помогая выявляться в них «спящим» и пробуждаться нерадивым.

Наконец, ведущим лицом на данной стезе, как и веками, является Православная Церковь. При новом митрополите Вениамине, слава Богу, происходит общецерковное оживление, захватывающее и область исторического просвещения. Впервые создана особая Синодальная историческая комиссия — как раз для проведения историко-патриотического просвещения народа.

Фёдор ПАПАЯНИ
кандидат технических наук

ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЙ И УГНЕТАЮЩИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Прошедший двадцатый век — это век полной и безоговорочной победы либерализма. Либерализм уникален, в том числе и тем, что у современников уже более нет общепризнанных понятий ни по одному серьёзному вопросу, нет единого глоссария, без которого рассуждения интеллектуалов неизменно приводят к усилиям «лебеда, шуки и рака».

Возьмём, к примеру, понятие «национализм», имеющее сегодня явный негативный подтекст. Но если национализм — это зло, то ведь тогда и однокоренное с ним слово «национальный» тоже должно содержать негативный оттенок, впрочем, как и словосочетания «национальные песни и танцы», «национальный костюм», «национальная кухня», «национальный дух» и, тем более, «национальная идея». Поэтому необходимо прояснение этой противоречивости, этой двойственности, «упакованной» в одном слове. Необходимо уточнение вложенных в это слово смыслов (по-научному — экспликация). В результате прояснения многозначного слова вытекает неизбежность его классификации (группировки, разбивки) на несколько однозначных понятий.

РУССКИЙ МИР

Так, если «национализм» классифицировать на культурный и политический, то тут уже многое становится понятно. Например, то, что культурный (он же охранительный) национализм выражается в любви к своему языку, Отчизне, народу, его культуре и традициям. Культурный национализм пропагандирует преданность и труд на благо своего народа, включая его культурное и духовное возрастание. Посему культурный национализм — это очевидное благо. Это добро, делающее из человека Человека с большой буквы. Культурный национализм не пропагандирует неуважение (или, тем более, ненависть) к другим национальностям, народам и их культурам. Любя своё, культурный человек уважает и чужое. Похоже, что именно этот культурный тип национализма имел ввиду В.В. Путин, когда говорил про себя, что он не только «русский человек до мозга костей», но ещё и «самый большой националист в России», к тому же — «правильный», «настоящий и эффективный националист».

Развивая идею разбивки национализма на типы, политический национализм можно далее разделить на освободительный и угнетающий.

Освободительный национализм — он же антиколониальный, характерный, например, для национально-освободительного движения. Иногда (когда народ угнетён или считает себя угнетаемым) освободительный национализм проповедует практическую защиту условий жизни своего народа в рамках государства проживания (например, индийцы во времена британской колонизации Индии или курды в современной Турции).

Угнетающий национализм — он же колониальный, нацистский, ультранационалистический, порабощающий или «пещерный», в терминах В.В. Путина. Угнетающий политический национализм по отношению к русским (эстонцев в Эстонии, латышей в Латвии, украинцев на Украине и других) стал характерной приметой всего современного постсоветского пространства, кроме самой России. Угнетающий политический национализм стал причиной многих жестоких конфликтов и даже войн.

При такой типологии получается, что культурный национализм, а также политический освободительный национализм — два типа национализма, которые можно рассматривать как благо, а политический угнетающий национализм — как абсолютное зло.

О национальном вопросе. Если есть национальное неравенство, ущемление или дискриминация по культурному или этническому признаку, то в полный рост встаёт нацио-

---

нальный вопрос, причём он сразу же становится питательной средой для политического национализма. В этом случае национальный конфликт возникает как столкновение политического угнетающего национализма с политическим освободительным национализмом.

За свою многотысячелетнюю историю человечество давным-давно нашло форму решения национального вопроса. Прочное мирное сожительство и межнациональное согласие могут быть только между равноправными народами, пребывающими в составе единой цивилизационной (т.е. не варварской, не колониальной) империи. Унитарные государства (типа современной Украины) являются лишь усилителями национальных проблем. А федерация уступает империи как в надёжности, так и в долготельстве.

О национальном вопросе в России. В этом вопросе в период с 1917 по 1938 год большевики совершили ряд ошибок, расхлёбывать которые, похуже, придётся ещё долго. Эти ошибки серьёзно дали о себе знать в 1991 году, когда народы мигом разбежались по национальным квартирам. Вот краткий перечень этих ошибок: геноцид русской элиты (от аристократов до интеллигенции) и замена её на новую элиту из представителей нацменьшинств; преследование православных; насильственная украинизация Донбасса и Украины; лишение равных прав некоторых нацменьшинств (например, немцев); культивирование местных национализмов (исключая, пожалуй, только русский) во всех республиках; и, конечно же, нарезка границ национальных республик в ущерб русским. Большевистское деление России по национальным границам, да ещё и с правом выхода из державы, В.В. Путин правильно определил как мину замедленного действия.

К заслугам позднего СССР в национальном вопросе можно отнести достижение подлинного равноправия народов, в том числе создание и пропаганду единства народов. Это единство отражал лозунг: «Новая историческая общность — советский народ». Достижением СССР была именно советская общность как наднациональный монолит сверхдержавы (во многом имперского типа). Но ошибкой было считать «советскую общность» народом. Правильно называть — «советская политическая нация», имея в виду союз входящих в СССР народов. Трёхсотмиллионный народ не мог исчезнуть за пару дней в 1991 году. Народы так не исчезают. По этой же причине не может быть и «российского народа». Хотя, наверное, вполне можно говорить о «российской политической нации» как союзе всех народов России.

В современной России главной проблемой является внешняя и внутренняя русофобия. Россия мешает Западу, но уничтожить Россию можно только уничтожив русский народ. Осетальные народы постсоветского пространства угрозы Западу не представляют, поэтому против других народов Запад не ведёт столь откровенной гибридной войны на уничтожение. Особых успехов в уничтожении русскости русофобы достигли нынче на Украине, в Грузии и Прибалтике. Велико влияние и внутренних русофобов в самой России.

Стратегия (как план на далёкое будущее) государственной национальной политики в России с 1991 года сохраняет свою неопределённость. Определена только тактика. Эта тактика с 2000 года сводится к текущим задачам стабилизации вообще и умиротворению русских патриотов с внутренними русофобами-либералами, в частности. Однако созидательная энергия воли русского народа, похоже, Кремлём не очень-то востребована, если судить по тому, как скудно государство финансирует патриотов (публицистов, блогеров, учёных) и как щедро либералов (коллективного «Венедиктова»). В.В. Путин, будучи «русским националистом», не позволил уничтожить Россию и русских (да и всю российскую семью народов). Но алгоритм ликвидации именно русского народа, стартовавший в 1990-е, полностью не остановлен. Он лишь несколько снизил свою операционную скорость, ибо либеральные установки внутренних русофобов по-прежнему нравственно разлагают народ и по-прежнему тормозят экономическое развитие. Русская консолидация, хотя бы на уровне шестивия «Бессмертного полка», сведена на нет. Русский дух Донбасса законсервирован. Русские, проживающие в некогда «братских» республиках Страны Советов, по-прежнему остаются без существенной поддержки Родины-матери. Всё это в целом мало-помалу готовит почву для перерастания естественного культурного русского национализма в национализм политический того или иного типа.

Чтобы устоять в потоках внешней и внутренней русофобии, а также в волнах национализма разного типа, Россия в полной мере должна возродить имперскую государственность. Хотя бы потому, что федерацию рано или поздно уничтожат республиканские центробежные политические национализмы. Тем более что в Конституции существующей Российской федерации русским полноценного места так и не нашлось, в отличие от нацменьшинств в соответствующих конституциях субъектов (т.е. в республиках) федерации.

Пора осознать, что русские, как триединый народ, не просто государствообразующий народ, но он ещё и титульный

культурный имперский этнос. Быть титульным имперским этносом — это духовная миссия и колоссальная ответственность. Такая постановка в определении роли русских в России полностью снимает теоретические проблемы русского шовинизма и позволяет найти оптимальное решение национальной политики в России. В России с имперским типом государственности, разумеется.

О национализме в Донбассе. Исторически Донбасс формировался как интернациональный край, но на фундаменте русской культурной традиции. До 2014 года сторонники культурного русского национализма регулярно собирались в Русском Центре в библиотеке им. Н.К. Крупской для обсуждения тех или иных культурных тем или событий. После захвата власти в Киеве украинскими политическими националистами угнетающего типа сторонники культурного русского национализма стали в ряды русских политических националистов освободительного типа. Так незаконное действие Киева породило противодействие Донецка.

Донецкая Народная Республика была рождена активным сопротивлением русофобскому киевскому государственному перевороту. Иначе говоря, ДНР/ЛНР рождены русским политическим освободительным национализмом в борьбе с украинским политическим угнетающим национализмом. Как следствие этой борьбы в Донбассе сформировались два русских унитарных государства. Это временное и вынужденное тактическое решение. Унитарность ДНР/ЛНР входит в противоречие с тем, что Россия была и остаётся государственным образованием имперского типа. В ДНР/ЛНР выработалась стратегия национальной политики. Если выразиться одним словом, то это ирредентизм, то есть воссоединение раздельного русского народа, воссоединение ДНР/ЛНР с Россией, частью которой исторически является Донбасс.

Решить окончательно национальный вопрос в Донбассе можно. Лучшим решением будет вхождение ДНР/ЛНР в российское государство имперского типа, вхождение в имперскую семью многих народов России с традиционной нравственной атмосферой в обществе, не допускающей установления угнетающего политического национализма и либерально-цифрового ада, который «близ есть, при дверех».

г. Донецк, ДНР

ПРИРОЖДЁННЫЙ ВРАГ РОССИИ

Восстание декабристов принято представлять как сугубо внутреннее событие, выступление оппозиционных офицеров, увлечшихся идеями европейской реформ. Хотя в начале XIX в. технологии экспорта революций были уже отработаны, использовала их в первую очередь Англия. Она была мировым финансовым центром и одновременно центром мирового масонства, а структуры «вольных каменщиков» стали удобным инструментом для подрывных операций. Борьба за сферы влияния такими методами оказалось гораздо эффективнее и дешевле, чем вести войны.

Например, в 1800 году англичане захватили стратегическую базу в Средиземном море, Мальту, уже юридически принадлежавшую России. В ответ Павел I арестовал в русских портах более 300 британских судов. Наложил эмбарго на торговлю с британцами, на поставки им хлеба. Назревала война. Но в ночь на 12 марта 1801 года царя убили. Непосредственные исполнители ничего не выиграли! Наоборот, сломали себе карьеру, по сути, доживали в ссылках по поместьям. Но заговором фактически руководил посол Англии Чарльз Уитворт.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Участники переворота собирались на квартире его любовницы Ольги Жеребцовой. А взошедший на престол Александр I сразу же подписал дружественную конвенцию с Англией, отказавшись от любых претензий, в том числе и от Мальты. Снял арест с судов и активов англичан, открыл им свободную торговлю, и они завалили Россию своим импортом.

Еще с XVI века соперницей Англии была Испания, крупнейшая мировая держава — ей принадлежали большая часть Америки и ряд других владений. Её американские провинции жили даже лучше и богаче, чем метрополия. Национальной дискриминации не было, в отличие от британских колоний. Крещёные индейцы считались равноправными подданными Испании. Богатые креолы (потомки испанских переселенцев) и метисы владели плантациями, торговали, занимали важные должности в администрации. Посылали детей учиться в Европу. А там они вступали в масонские ложи и проникались «борьбой за свободу». Поддерживала такие идеи Англия, она рвалась торговать с Латинской Америкой через голову Мадрида, но ей не позволяли.

В 1810 году, когда Испанию подмял Наполеон, по Америке полыхнула цепная реакция революций. Правда, после побед над французами испанцы послали войска и подавили все мятежи. Но в 1816—1817 годах их заокеанские владения вдруг снова взорвались. И вдобавок в 1820 году разразилась революция в самой Испании. Поэтому усмирить восстания в Америке она уже не смогла. В результате скатилась на уровень второсортного государства. А её американские провинции, ещё недавно процветавшие, разделились, передрались за территории и в соперничестве лидеров. Потеряли 1,5 млн. населения, были совершенно разорены. Превратились в «банановые республики», попав в полную экономическую (и политическую) зависимость от Англии.

Важнейшей сферой влияния в Лондоне считали и Средиземноморье, дорогу на Ближний Восток. И в Италии на основе масонских структур возникли боевые отряды карбонариев. В 1820 году одна революция началась в Королевстве Обеих Сицилий, другая — в Пьемонте. С ними удалось справиться, на помощь монархам прислала войска Австрия. Но тем самым итальянцев ссорили с австрийцами. Народ стал воспринимать их как оккупантов. А Англия выступала покровительницей итальянских «свобод», центры революционеров обосновались на её территории.

В Греции национально-освободительная борьба назревала давно. Но операция была продумана очень хитро. Масонская организация «Филики Этерия» базировалась в Одессе.

Собирала греческих офицеров, состоявших на русской службе, во главе с генералом Ипсиланти. В 1821 году он с отрядом перешёл границу и призвал к восстанию. До Греции этерийцы не добрались, почти все погибли. Но турки принялись мстить всем православным — в Константинополе повесили патриарха и трёх митрополитов.

Россия возмутилась, прервала дипломатические отношения с Портой. А европейская пресса подняла скандал — дескать, восстание устроили русские, хотят захватить Константинополь. После расправы над иерархами церкви оно и впрямь широко разлилось по Греции. Александр I намеревался помочь ей. Но Англия и Франция ткнули его носом в его же собственные принципы Священного Союза: греки выступили против своего законного монарха. Значит, были революционерами. При таком раскладе царь отказался от вмешательства.

Но финансировать восстание стала Англия — под видом пожертвований британских греческих общин. Вместе с французами она раздувала симпатии к повстанцам. Собирали деньги, посылали оружие, туда ехали добровольцы вплоть до рекламной фигуры Байрона. Попутно грекам внушали: царь отказался от вас, предал на расправу султану. Подсказывали и сербам, болгарам, валахам — каково надеяться на русских. А «друзьями» выступали Англия и Франция, подрывая на Балканах российское влияние и внедряя своё. Изменил положение Николай I. Греция, Сербия, Валахия и Молдавия освободились и получили автономию, благодаря русским победам, по Адрианопольскому договору. Но греческую верхушку и интеллигенцию уже успели переориентировать на Запад. Те же тенденции проявились в Болгарии и Валахии.

А во Франции к власти пришёл Карл X, пытался укреплять монархическое начало в противовес либеральному, взял курс на сближение с Россией. В 1828—1829 годах царские войска громили турок, наступали на Балканы — и переполошилась Австрия. Угрожала выступить на стороне султана. Но Карл X предупредил Вену — в случае вмешательства он объявит австрийцам войну. Стоит ли удивляться, что через год, в 1830-м, его свергли?

В Нидерландах после Наполеоновских войн было создано единое королевство — Голландия, Бельгия, Люксембург. На юге и севере существовали языковые и религиозные различия. Хотя это никому не мешало. Межэтнических и межконфессиональных столкновений не зафиксировано. По меркам того времени страна жила припеваючи. Но для Англии объединённые Нидерланды с развитой промышленностью

стали сильным конкурентом. В 1830 году без всяких причин и поводов бельгийцы восстали. Причём революция была явно подготовлена: началась почти одновременно по разным городам, заранее запасли флаги, оружие.

Отделение от Нидерландов обвалило экономику Бельгии. Производительность её фабрик упала в 3-4 раза. Торговля через её порты совсем рухнула. Массы людей остались без работы. У тех, кто сохранил её, заработная плата снизилась на 70%. Зато были подорваны позиции британских конкурентов, и вдобавок Англия стала гарантом бельгийской независимости. Покровительницей новоиспечённого государства!

Ну а Россия после победы над Наполеоном рассматривалась в Лондоне как главная соперница на международной арене. Было бы удивительно, если бы против неё не использовали революционные технологии. Впрочем, рассматривать в отдельности только декабристов было бы некорректно. Они стали составной частью целого букета заговоров. Так, кроме самых известных, «Северного» и «Южного» обществ, существовало ещё «Тайное общество грузинских дворян» с отделениями в Тифлисе, Москве, Санкт-Петербурге.

Оно вовлекало в свои ряды грузинских офицеров, чиновников, студентов, строило планы отделиться от России, возродить Грузинское царство и возвести на престол царевича Александра. Он жил в Персии, формировал отряды из эмигрантов и наёмников. В двух войнах России с этой страной сражался на вражеской стороне, вторгался через границу, пытаясь поднять мятежи. А Грузию мечтал передать под покровительство шаха. Хотя это выглядело парадоксально — ведь Россия приняла грузин по их собственным отчаянным мольбам, спасая от истребления именно персами!

Грузинские заговорщики были связаны с декабристами, вхожими на их собрания. Особенно был близок к ним идеолог сепаратистов, редактор газеты «Тифлисские ведомости» Соломон Додашвили. Но эта тайная организация была всё же слабовата. Куда более мощным было «Патриотическое общество» в Польше. Ведь Александр I благородно даровал ей конституцию, полную автономию, у неё было своё правительство, парламент, своя армия. Вот в этой армии и орудовало «Патриотическое общество», готовило восстание. Оно координировало и целый ряд более мелких польских и литовских организаций: «друзей», «променистов», «тамплиеров» и др.

Польские «патриоты» вели революционную агитацию даже среди русских офицеров, при их прямом участии было создано «Общество соединённых славян», выступавшее за некую «демократическую федерацию» всех славянских наро-

---

дов. Позже оно объединилось с «Южным обществом». Между прочим, мы привыкли рассуждать о целях и взглядах декабристов, опираясь на их программные документы, «конституцию Муравьёва», «Русскую правду» Пестеля. Но факты показывают, что это были всего лишь декларации, очень серьёзно расходящиеся с реальностью. Как и у всех революционеров, для которых главным было одно — борьба за власть.

Тот же Пестель в «Русской правде» рекламировал «неделимую» республику. Но это не мешало декабристам дружить с грузинскими сепаратистами. А переговоры с представителем «Патриотического общества», князем Яблоновским, Пестель вёл лично. Полякам были обещаны независимость, возвращение Литвы, Белоруссии, Подолии, Волыни и даже Малороссии! Не только Правобережной, но и Левобережной Украины, отошедшей к России при Богдане Хмельницком! В итоге договорились действовать вместе, восстание намечалось на 12 марта 1826 года, в 25-ю годовщину восшествия Александра I на престол.

И ведь план-то был продуман очень коварно и квалифицированно! Празднества, парады, смотры с перемещениями войск. Но это был юбилей не только царствования, а ещё и убийства Павла I! Напомним, организованного англичанами. Может быть, для оккультистов-масонов дата обладала какими-то особыми свойствами (в 1917 году в этот же день Англия, Франция и Италия официально признают Временное правительство). Но брался в расчёт и психологический фактор!

Александр I никогда не забывал, что он занял престол через труп отца. Как он покрыл убийство, объявив: «Батюшка скончался апоплексическим ударом» — и тем самым стал соучастником. Это мучило царя, он кидался в мистицизм. В катастрофе Аустерлица, нашествии Наполеона, пожаре Москвы, наводнении в столице, в собственной бездетности видел Божьи кары за страшный грех. И после первых донесений о заговоре он не предпринимал ничего! Потому что и сам знал за собой ту же вину. В юбилей, принимая поздравления, он должен был вспоминать особенно остро 12 марта 1801 года. Решится ли он в такой момент сопротивляться мятежу? Скорее, падёт духом. Воспримет как закономерное воздаяние...

Но случилось иначе. По одной версии, вмешался Сам Господь, и царя не стало. По другой, как раз новые сведения о заговорщиках вкупе с гибелью фельдъегеря Маскова подтолкнули Александра I исчезнуть, уйти на покаяние в обличье старца Фёдора Кузьмича (эту версию подтверждал святой

провидец, старец Николай (Гурьянов). Выигрышный план рассыпался, начались аресты. В итоге «Северное общество» в путинице с наследниками выбрало для восстания день «переприсяги» 14 декабря. В «Южном», уже обезглавленном, всплеснул погромами лишь бунт Черниговского полка.

Связи декабристов с «Патриотическим обществом» были полностью доказаны на следствии. В Польше тоже прокатились аресты. Но... из-за её автономии расследование было передано польскому правительству. После двухмесячных разбирательств оно постановило... освободить всех обвиняемых. Потому что суд польского Сейма отказался признать деятельность «Патриотического общества» государственной изменой. Революционеры начали готовиться к новому восстанию, которое и грянуло в 1830—1831 годах.

Делопроизводитель Следственного комитета А.Д. Боровков записал, что именно через поляков декабристы осуществляли связи с масонскими структурами Англии, Франции, Испании, Венгрии. Для Великобритании представляли интерес и грузинские сепаратисты. В Лондоне считали важной задачей вытеснить Россию с Кавказа. Осуществлялись поставки оружия немирным горским племенам, Персии, там действовали английские военные советники. А грузинского царевича Александра в вылазках на российскую территорию сопровождал британский офицер Уильям Монтейт, оставивший записки об этих походах.

Но имеются ли свидетельства о прямых контактах самих декабристов с англичанами? Оказывается — да. Сергей Муравьёв-Апостол рассказал на допросе, как делегат от «Южного общества» Княжевич ездил в Варшаву, встречался там с британским послом Стрэтфордом Каннингом, возвращавшимся через Польшу из Петербурга в Лондон. И вот на эту фигуру стоит обратить особое внимание. Чарльз Стрэтфорд Каннинг был совсем не рядовым и не случайным дипломатом. Он приходился двоюродным братом премьер-министру Джорджу Каннингу, был членом королевского Тайного совета, а в международных делах всегда оказывался правой рукой лорда Пальмерстона, одного из главных режиссёров политики «поддержки за границей либеральных течений». Читай — экспорта революций. Пальмерстон был и главным русофобом в английской верхушке.

Каннинг не был в России постоянным послом. В 1824 году его направили в ранге посла на переговоры о разграничении владений в Америке — между Российско-американской компанией, осваивавшей Аляску, английской компанией Гудзонова залива, действовавшей в Канаде, и Соединёнными

Штатами. Причём США с русскими очень быстро достигли соглашения и подписали договор. Но с британцами переговоры почему-то затянулись, и Каннинг задержался в нашей стране до 1825 года.

Хотя здесь необходимо важное пояснение. Российско-американская компания (РАК) была «полугосударственной». Её акционерами были сам царь, члены императорской семьи, высокопоставленные вельможи. В компанию откомандировывались офицеры, нижние чины, направлялись военные корабли. Однако юридически это была частная организация. В ту эпоху подобное положение было обычным. Индию официально завоёвывала не Англия, а Ост-Индская компания. И Канада точно так же осваивалась компанией Гудзона залива.

Однако это значит, что и переговоры велись как бы не между государствами, не в Министерстве иностранных дел, а в управлении РАК, на набережной Мойки, 72. Но... как раз это управление было гнездом «Северного общества»! Правителем канцелярии РАК был Рылеев! Заговорщики нередко собирались у него. А фактическим руководителем компании был адмирал Мордвинов, ярый англофил и покровитель Рылеева. После свержения царя декабристы намечали поставить Мордвинова во главе временного правительства.

Именно здесь в 1824—1825 годах обретался Стрэтфорд Каннинг, задержавшийся в России. С Рылеевым, возглавлявшим всё делопроизводство РАК, он общался постоянно. Очевидно, и с его товарищами. О чём они говорили, для нас остаётся сокрытым. В феврале 1825 года договор наконец-то был подписан. Но Каннинг вовсе не поспешил сесть на ближайший корабль и отчалить на родину. Нет, он почему-то отправился в Лондон совсем не быстрым путём. И совсем не удобным, учитывая тогдашнее состояние дорог. По начавшейся весенней распутице с непролазной грязью — через Варшаву. А там к нему прибыл делегат и от «Южного общества». Да и с польскими заговорщиками здесь можно было пообщаться.

Правда, показания Муравьёва-Апостола о совещании с Каннингом самоуверенно отверг польский главнокомандующий, великий князь Константин Павлович. Объявил, что это ложь. Дескать, у него в Варшаве контроль образцовый, неужели от него могло бы что-то утаиться? Не верить великому князю было нельзя. Вопрос о связях с англичанами был вроде бы закрыт. Хотя факты показывают, что Константин в Варшаве был глух и слеп, абсолютно не знал, что творится у него под носом. О восстании 1830 года он узнал только тогда, когда поляки вломились в его дворец — еле убежал.

Впрочем, в деле декабристов вообще многое оказалось замечательно. Следствие как-то деликатно обошло стороной масонские корни тайных обществ, финансирование. А оно было: очевидцы вспоминали, что среди мятежных солдат многие были пьяны, как и толпы примкнувшей черни. Кто это оплатил? Высокопоставленные вельможи, по многим признакам причастные к заговору, — адмирал Мордвинов, член Государственного совета Сперанский, сенатор Сумароков и др. — остались «чистенькими», якобы не нашлось достаточных доказательств. Что же касается пятерых казнённых, то Каховский был пешкой, проигрался вдрызг, жил на содержании сообщников, за что и расплатился ролью киллера, убив Милорадовича и полковника Стюрлера. Четверо остальных были непосредственными руководителями революционеров, но у них было ещё кое-что общее. Они слишком много знали. В том числе о связях с иностранцами (взаимодействие с поляками курировал Бестужев-Рюмин). Могила сокрыла их тайны.

И всё-таки можно утверждать, что Николай I знал о британском участии в заговоре. В 1832 году, уже после подавления польского восстания (и захвата польских архивов), министр иностранных дел Англии Пальмерстон направил свою «правую руку» Каннинга на один из самых престижных и ответственных постов. Послом в Россию! Теперь не для временной миссии, а постоянным. И вдруг царь... отказался допустить Каннинга в нашу страну.

Это вызвало страшный дипломатический скандал. Посла назначил британский кабинет, верительные грамоты уже подписал король. А царь его не принимает! Пальмерстон кипятился, угрожал. Заявлял, что другого посла в России не будет. Велел советнику посольства исполнять обязанности посла до вступления в должность Каннинга. Но и Николай упёрся. В ответ понизил ранг российской миссии в Лондоне, назначил поверенным в делах второстепенного чиновника. А на требования Пальмерстона подтверждал отказ.

Но ведь с назначенным послом надо было что-то делать. Пальмерстон нашёл лишь курьёзный выход: Каннинга в ранге «посла в Российской империи» отправили... в Испанию. А перед царём Пальмерстон сбавил тон, просил «разрулить» ситуацию по-хорошему. Пускай Каннинг только приедет в Петербург, представится императору и сразу уедет. Ответ Николая был характерным: что он согласен дать послу любой из российских орденов, только приезд для него запрещён.

О причинах, которые царь так и не назвал, до сих пор гадают историки. Потому что Каннинг в каких-либо антироссийских акциях как будто не светился. Публичных выска-

---

званий против нашей страны не делал. А после своего визита в 1824—1825 годах в России не бывал. Отсюда как раз и видно — царь располагал информацией о тайной деятельности Каннинга во время этого визита. И информация была настолько весомой, что он пошёл на международный скандал. Причём Николай знал — причина его отказа хорошо известна и Пальмерстону, и Каннингу. Пояснять её не требовалось. И англичане таких разъяснений даже не запрашивали! Они действительно знали причину.

Пальмерстон додумался лишь до провокации. Раз царь не принял Каннинга, направил к нему послом лорда Дургаму. Вот он-то проявил себя оголтелым русофобом в парламентских выступлениях, в пропагандистских кампаниях. Но... его Николай I принял! На рейде Кронштадта, куда посол прибыл на британском корабле, царь по случаю объезжал русский флот. Пригласил Дургаму к себе на пароход «Ижора». Запросто, без церемоний, побеседовал с ним. И посол, ехавший в Россию её врагом, был совершенно очарован императором! Стал его другом и почитателем! А мы ещё раз видим подтверждение — то, что натворил в нашей стране Каннинг, было гораздо серьёзнее, чем даже открытая пропагандистская русофобия.

К этому остаётся только добавить: тот же самый Стрэтфорд Каннинг с 1842 года обосновался послом в Османской империи. Стал главным советником султана Абдул-Меджида, самым влиятельным лицом в Константинополе! Кстати, «по совпадению», великим визирем в это же время стал Решид-паша, «отец» турецких масонских лож и основатель либеральной партии «Молодая Турция». Именно Каннинг с подачи Пальмерстона шаг за шагом режиссировал действия султана, провокациями втянув Россию в Восточную войну — когда на неё обрушилась чуть ли не вся Европа, показал высочайший уровень в мастерстве закулисных интриг. Вот только с революцией декабристов у него и его начальства получился «прокол». Довершать дело пришлось другим британским дипломатам и разведчикам в 1905-м и в феврале 1917 года.

ДВЕ ОШИБКИ АЛЕКСАНДРА I

О польском восстании 1830—1831 гг. в советских учебниках истории писали с неизменной симпатией как о национально-освободительной борьбе свободолюбивого польского народа с тиранией «проклятого царизма». Правда, без «классовой борьбы» и здесь не обходилось — восстание потерпело поражение, поскольку де цели восставших не отражали классовые интересы крестьянства. То есть, если перевести на понятный язык, крестьяне — а это основная масса населения — в восстании участия не принимали.

Что же это было за событие, что ему предшествовало и чем оно закончилось? Не будем слишком углубляться в историю русско-польских отношений, начавшуюся в 980 году, когда «[князь] Владимир за многие противности польского князя Мечислава, собрав войска, на него пошел. И, найдя его за Вислою, победил так, что едва не всё войско и с воеводами побил или в плен взял, и сам Мечислав едва в Краков ушел и, прислав послов с великими дарами, просил о мире. И Владимир, учинив мир, возвратился в Киев».

Не будем писать, о польском национально-религиозном гнёте русского народа на

территории, оккупированной в XIV—XVII веках и о нашествиях поляков в 1612 году на Москву. Скажем только, что отношения почти всегда были враждебными: за 1000 лет русские воевали с поляками 20 раз, из них 13 раз побеждали. Поэтому начнём с разделов Речи Посполитой (объединённого Польско-Литовского государства под главенством Польши) — деградирующего государства, в котором с властью короля уже мало кто считался.

1-й раздел между Россией, Австрией и Пруссией произошёл в 1772 году. К России отошла небольшая часть нынешней Белоруссии с населением 1,3 млн. чел., включая древнерусские Полоцк, Витебск, Гомель и Могилёв. Куда больше обогатилась Австрия, присовокупившая к себе Галицию с Львовом (и с русским населением!) и южную Польшу. Хорошо поживилась и Пруссия, прибавшая к рукам часть Великой Польши с Вроцлавом (сразу же переименованным в Бреслау) и Померанию с польским населением. Заодно немцы закрыли «Данцигский коридор» между Восточной и Западной Пруссией и лишили поляков выхода к Балтийскому морю.

Екатерину II больше бы устраивало послушное польское правительство, но на участие в разделе её вынудили Пруссия с Австрией, которые, опасаясь успехов России в войне с Турцией (1768—1774), предложили разделить Польшу в обмен на окончание боевых действий с Турцией, в противном случае угрожали России войной. Сил же воевать на три фронта у России не было.

Реакцией поляков в оставшейся Польше стало избрание нового сейма, на котором было решено создать 100-тысячную армию, проводить внешнюю политику без оглядки на соседние державы и отменить *liberum veto* — право одного члена сейма заблокировать принятие любого решения. Именно *liberum veto* привело к безвластию и полному разложению польского государства. Спровоцировали поляков на разрыв с Россией коварные пруссаки, воспользовавшись тем, что Россия была занята очередной войной с Турцией (1787—1791).

Это непослушание привело не только к войне в 1792 г. (в котором литовская часть войска Речи Посполитой потерпела сокрушительное поражение от русских, а польская часть — оттеснена на запад), но и к более серьёзному 2-му разделу в 1793-м. Теперь Россия вернула себе почти все русские земли с населением уже 4 млн. чел. (и с немалым процентом евреев, коих в Россию со времён Мономаха не пускали) и продвинула западную границу до линии Динабург (Даугавпилс) — Ровно. Пруссия и здесь не упустила свое-

---

го, отхватив коренные польские земли с Познанью, которой переименовала в Позен.

Нашёлся в Польше человек, не смирившийся с разделом и желавший восстановить не просто Польшу, а Польшу «от моря до моря», — генерал Т.Костюшко (был он, кстати, окатоличенным и ополяченным белорусом). Он организовал и в 1794 году возглавил восстание, но не соразмерил силы и был разбит и взят в плен А.В. Суворовым. (Великодушный Павел I, придя к власти в 1796 г., освободил Костюшко и снабдил деньгами на отъезд в Америку.) Вполне естественно, что после этого Польшу, как говорят юмористы, «помножили на ноль» — как государство она перестала существовать. По 3-му разделу (1795 г.) к России отошли самые западные русские земли до Гродно, Бреста и Луцка (Галиция осталась за Австрией), а также Курляндия (ныне южная часть Латвии) и Литва. Австрия получила Южную Польшу с Краковом, а Пруссия — Центральную Польшу с Варшавой.

Любопытно, что Екатерина сохранила в приобретённых землях прежние правовые отношения (Литовский статут) и выборность судей, а вот король Пруссии захваченные польские земли сразу же переименовал в Западную Пруссию, Южную Пруссию и Новую Восточную Пруссию, заставил поляков жить по немецким законам и стал заселять польские земли немцами. По австрийским законам стали жить и австрийские поляки. И ничего! Поляки не сопротивлялись потере национальной идентичности, быстро теряли природную спесь и бунтов не устраивали.

Итак, исконно польские земли захватила не Россия, а Австрия с Пруссией. В 1807 г. Наполеон отобрал у двух последних эти «приобретения», восстановил Польшу, назвав её Варшавским герцогством, но оставил Австрии Галицию с частью Южной Польши, а Пруссии — Померанию. Правда, полноценным государством герцогство не стало, а подчинялось королю Саксонии, союзнику Наполеона. Понятно, что в Отечественной войне 1812 года польская шляхта воевала, и активно воевала, на стороне Наполеона.

В 1815 году, после окончательного разгрома Наполеона состоялся Венский конгресс. На нём был заключён «Священный союз» трёх императоров — России, Австрии и Пруссии. На нём было также решено присоединить Варшавское герцогство к России. Это была первая большая геополитическая ошибка императора Александра I — он поселил векового врага внутри государства.

Вторая, едва ли не большая ошибка состояла в том, что присоединённую территорию царь не поделил на обычные

губернии, жившие по общероссийским законам, а наименовал Царством Польским — по сути, государством в государстве. Этому государству Император даровал самую либеральную в Европе конституцию с большими правами парламента (сейма), сохранил все атрибуты государственного управления и ту самую армию, которая воевала против России на стороне Наполеона, со своими офицерами и генералами.

Сложилась абсурдная ситуация: Россия жила по одним законам, а ее небольшая часть — по другим, сам Александр в России был абсолютным монархом, а в Польше — конституционным. (Заметим в скобках, что все эти меры, как и само присоединение Польши, встретило негативное отношение русского общества, а некоторые государственные деятели буквально умоляли Александра не делать роковой ошибки. Это отношение проявилось и в произведениях русских классиков, у которых что ни поляк, то отрицательный герой, а у неклассика В. Гиляровского — вообще жулик.)

Мало того, «Царь Польский» оказывал Польше и особое покровительство. В 1816 г. созданы Варшавский университет (а ещё в 1803 г. — университет в Вильно), Варшавское научное общество и высшие школы (военная, политехническая, горная и пр.), а также было значительно увеличено число обычных школ. Крестьяне — освобождены от многих повинностей, а барщина заменена оброком, о чём в коренной России и не мечтали. Выделялись большие средства казны на благоустройство польских городов. Казалось, для Польши наступило время расцвета и спокойной мирной жизни. Но это только казалось.

Обе ошибки Царя привели к вполне предсказуемому результату. В 1830 году, уже при Николае I, в Европе началось организованное масонами революционное брожение, которое перекинулось в Польшу и в ноябре переросло в вооружённое восстание с участием польской армии под командованием опытных наполеоновских генералов. Цель восстания та же — восстановление независимой Польши «от моря до моря», т.е. в границах Речи Посполитой 1772 года. Мятеж мог быть подавлен в зародыше, но наместник, великий князь Константин Павлович, брат Царя, вначале проявил беспечность, а потом — трусость, сбежав из Варшавы. Вскоре восстание охватило Литву, Подолию и Волынь, где оставалось много польской шляхты и где были сильны позиции католического духовенства — польского агитпропа того времени.

В январе 1831 г. Русская армия начала боевые действия, но командующий И. Дибич допустил ряд крупных просчётов, война стала кровопролитной и надолго затянулась. Взамен

умершего от холеры Дибича был назначен решительный граф И. Паскевич-Эриванский. 26 августа 1831 г. (в день Бородины) он штурмом взял Варшаву (за это получил титул князя Варшавского), а в сентябре остатки польской армии бежали в Австрию и Пруссию. К счастью, восставшие не получили обещанной военной помощи от этих стран и не получили никакой поддержки от крестьянства (которым при русских царях жилось намного лучше, чем при польских королях).

Восстание было подавлено, Польша лишилась конституции, сейма, своего войска и стала Привисленской губернией. Были закрыты Варшавский и Виленский университеты, запрещена деятельность униатской церкви за пределами Польши, католическая церковь взята под контроль. Многие участники восстания сосланы в Сибирь.

Но, приняв, крутые меры, Николай I не довёл дело до конца. Погасив огонь, он оставил под золой тлеющие угли. В западнорусских губерниях по-прежнему хозяйничали поляки, польский язык господствовал в тамошнем «образованном обществе», дискриминации подвергалась православная церковь, даже делопроизводство велось на польском языке. Стоило только Александру II слегка смягчить внутреннюю политику, как угли вновь вспыхнули — в 1863—1864 годах разразилось новое восстание. На сей раз оно встретило не осуждение, а одобрение русской «прогрессивной общественности», а Герцен в Лондоне вообще захлёбывался от восторга. Великий же государственный деятель граф. М.Н. Муравьёв-Виленский, который после подавления восстания установил в западных губерниях законность, порядок и привёл польскую знать «в соответствие», подвергался неслыханной клевете и оскорблениям не только из-за рубежа, но и внутри России.

К этому времени русские власти, наконец, поняли, что гораздо лучше, по словам поэта П. Вяземского, иметь Польшу в качестве внешнего врага, чем в качестве врага внутреннего, но поделаться ничем было нельзя — предоставление Польше независимости было бы воспринято в Европе как капитуляция России. Пришлось до 1915 года, т.е. до оккупации Польши Германией в 1-й Мировой войне, таскать этот «чемодан без ручки».

Интересно, что ни в Пруссии, ни в Австрии на захваченных исконно польских землях восстаний не было, ни о каком сепаратизме там поляки не помышляли, даже наоборот — охотно онемечивались. В гитлеровской армии было немало офицеров и генералов с окончанием фамилии на «ий» и даже с приставкой «фон». Причина проста — доброжела-

---

тельное, гуманное отношение к себе поляки воспринимали как слабость русской власти. Впрочем, не одни поляки — достаточно полистать всю новейшую историю России.

А что же Польша? Она как была, так и осталась врагом России — врагом амбициозным, спесивым и... злобным. В 1920 году поляки проявили изуверство по отношению к пленным красноармейцам (эсэсовцы могли бы отдыхать), в 1938—1939 годах они готовы были в союзе с Гитлером участвовать в «Дранг нах Остен», да немножко просчитались. Ныне Польша забыла, что Сталин продвинул её западные границы до Одера-Нейсе, вернув ей все захваченные немцами земли да ещё добавив южную половину Восточной Пруссии, и вновь лает на Россию — лает громче всех и с особым остервенением.

ДЕСАНТ МИРОВОЙ ЗАКУЛИСЫ

В галерее героев «русских революций» третье место после Ленина и Троцкого занимает Яков (Янкель) Михайлович (Мовшевич) Свердлов (1885—1919). Известен также под фамилией Эйман. Партийные псевдонимы: товарищ Андрей, Макс, Михаил Пермяков, Смирнов и др. В среде уголовников считался авторитетом и был известен под кличкой Чёрный Янкель.

Родился Янкель в семье еврейского сапожника из Нижнего Новгорода. Его отец (умер в 1921 г.) — Михаил (Мовша) Израилевич Свердлов (Свердлин) — был, что называется, чехомоданом с двойным дном: днем он тачал сапоги, а ночью, освоив нелегкий труд гравера, штамповал различные печати на документах, которыми снабжал и уголовников, и революционеров всех мастей. Говорят, с «ксивами», выправленными старым Мовшей, ни один из их обладателей не попался! Мать — Елизавета Соломоновна.

В семье росло шестеро детей: две дочери (Софья и Сара) и четыре сына (Зиновий, Яков, Вениамин и Лев). После смерти жены (1900) Михаил Израилевич Свердлов принял

УРОКИ ИСТОРИИ

православие и женился вторым браком на Марии Александровне Кормильцевой. В этом браке у них родилось еще двое сыновей — Герман и Александр. Многие авторы, писавшие об этом «чёрном семействе», удивляются, когда говорят о фактах его связей не только с видными деятелями дореволюционной России, но и с мировой закулисой, в частности, с ведущими еврейскими банкирами США и Европы, с западными спецслужбами и политиками.

В 1987 году, во время работы во Франции, я впервые посетил Русское кладбище в Сент-Женевьев дю Буа под Парижем. Там похоронен родной брат Я. Свердлова — Зиновий Алексеевич Пешков (1884—1966). В советские времена о его существовании мало кто знал. Было две причины о нём помалкивать: во-первых, Зиновий (Зяма) — родной брат одного из основателей Советского государства; во-вторых, приемный сын «великого пролетарского писателя» Максима Горького (Алексея Пешкова). Трудно было увязать это с тем, что сей отпрыск Мовши Свердлова после эмиграции во Францию в 1914 году поступил добровольцем в Иностраннный легион и вплоть до самой смерти выполнял деликатные спецзадания французского правительства и разведки, в частности, убеждал США вступить в Первую мировую войну и таки убедил, будучи в то время всего лишь капитаном. По каким причинам Зиновий порвал и с семьей, и с иудаизмом, неизвестно. Известно лишь, что его отец — Мовша Свердлов, оставшийся и после крещения убежденным талмудистом, прекрасно знал Талмуд и Тору, которые ежедневно читал и даже любил толковать, проклинал его еврейским ритуальным проклятием. В одном из сражений Первой мировой Зиновий потерял руку. Узнав об этом, старик Свердлов страшно разволновался и спросил: «Какую руку?» Когда оказалось, что правую, торжеству его не было предела: по формуле еврейского ритуального проклятия, когда отец проклинает сына, тот должен потерять именно правую руку (Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992).

Повлияло ли исполнение проклятия отца на карьеру Зиновия Пешкова, сказать трудно. Известно лишь, что его связь с сионистскими и масонскими кругами США, Франции и Англии была налажена еще до 1917 года и до самой его смерти не прерывалась. Согласно ряду источников Зиновий Пешков принимал непосредственное участие в подготовке государственного антимоноархического переворота в Российской Империи: он был посредником между масонскими кругами США, Франции и России. Не случайно летом 1917 года капитан французской армии Зиновий Пешков был назначен

представителем Франции при правительстве Керенского. Керенский даже наградил его орденом св. Владимира IV степени. Во время большевистского переворота Зиновий Пешков находился в Петрограде и поддерживал тесную связь со своим братом Яковом.

Есть основания полагать, что с момента Февральской революции Яков Свердлов и Зиновий Пешков совместно готовили убийство Царской семьи и ликвидацию всех Романовых, находясь по разные стороны линии фронта Гражданской войны в России. В 1918 году Зиновий Пешков отправился в Сибирь и был представителем Франции при Верховном правителе России адмирале Колчаке. Именно он вручил Колчаку меморандум о его признании официальным Парижем. «При Колчаке, — пишет В.В. Кожин, — постоянно находились британский генерал Сэр Альфред Уильям Фортескью Нокс и французский генерал Пьер-Тибо-Шарль-Морис Жанен со своим главным советником капитаном Зиновием Пешковым (младшим братом Я.М. Свердлова). Перед нами поистине поразительная ситуация: в красной Москве тогда исключительно важную — вторую после Ленина — роль играет Яков Свердлов, а в белом Омске в качестве влиятельнейшего советника пребывает его родной брат Зиновий!» (Кожин В.В. «Черносотенцы» и Революция. М., 1998. С. 165). Отметим, что генерал Жанен был видным масоном и руководил расследованием убийства Царской семьи большевиками после взятия белыми Екатеринбурга.

Вплоть до своей смерти З.Пешков оставался доверенным лицом французских властей, и его услуги были высоко оценены. Он стал кавалером ордена Почетного легиона, при отставке получил звание корпусного генерала и дружил с самим Шарлем де Голлем. Объяснить советским людям, воспитанным в духе ненависти к империализму, эти превратности судьбы родного брата Якова Михайловича было слишком сложно. И посвященные в такие детали работники агитпропа ЦК КПСС предпочитали помалкивать о том, что у товарищей Свердлова и Горького есть такой родственник за границей. Я был первым, кто рассказал о Зиновии Пешкове и его судьбе на страницах газеты «Правда» в своей статье и потом в одноименной книге «Русские берёзы под Парижем». Тогда это стало настоящей сенсацией.

О другом брате Свердлова — Вениамине (Беньямине, Бене) Михайловиче (1887—1938) не говорили по иной причине. Он еще в 1916 году уехал в США и открыл там банк. Банковская контора Вениамина Свердлова находилась в Нью-Йорке, на Бродвее, 120 — в 35-этажном небоскребе. На 35-м этаже рас-

---

полагался Клуб банкиров, где собирались Морган, Шифф, Барух, Лоеб и другие «киты» финансового мира Америки. В том же здании находились и кабинеты директоров Федеральной резервной системы США, руководителем которой был банкир Варбург (родственник Якова Шиффа). Кроме того, в небоскребе находился офис компании «Америкен интернэшнл корпорейшен». Главным акционером этой компании был банк того же Шиффа — «Кун и Леб». По адресу: Бродвей, 120 располагался также офис Джона Гранта, который представлял в США петроградского банкира Д.Г. Рубинштейна. Грант был тесно связан и с банком «Гран траст», принадлежавшим Моргану. «Все эти организации, — писала газета «Красная звезда», — приняли активное участие в содействии Февральской, а потом и большевистской революции в России. В том высотном здании на Бродвее постоянно бывали лица, тесно связанные с рядом будущих руководителей Советской России. Обосновался в небоскребе и небезызвестный английский агент Сидней Рейли — главное связующее звено между Троцким, Свердловым и американскими финансовыми группами. Рейли находился в тесных дружеских отношениях с банкиром Абрамом Животовским, родным дядей Льва Троцкого. На Бродвее, 120 вел свой бизнес Александр Вайнштейн, тоже хороший знакомый Рейли. Брат Вайнштейна — Григорий Вайнштейн — был владельцем газеты «Новый мир». Интересен состав редколлегии этой газеты: Бухарин, Володарский, Чудновский, Урицкий, Коллонтай — все будущие деятели большевистского правительства. В подготовку заговора против Николая II втянулись и английские политические деятели. Прежде всего это лорд Альфред Мильнер, премьер-министр Британии Дэвид Ллойд Джордж и английский посол в Петрограде Бьюкенен. Что же объединяло таких разных людей, как английские лорды и разведчики, американские финансисты и русские революционеры? При внимательном изучении этих людей выясняется, что они были причастны к тайным обществам, члены которых зачастую находились друг с другом в кровном родстве.

В 1891 году в Лондоне было создано уже упоминаемое мной тайное общество под названием «Круглый стол». Оно стало одной из самых влиятельных сил в формировании и осуществлении британской имперской политики начала XX века. Среди членов-основателей общества были: Сесил Родс, Альфред Мильнер, Джордж Бьюкенен, будущий английский посол в России, британская ветвь семьи Ротшильдов и Артур Бальфур, будущий министр иностранных дел Англии и автор знаменитой Декларации Бальфура, открывшей путь к

еврейской колонизации Палестины. Основной задачей группы было распространение британского господства на весь мир, а также введение английского в качестве всемирного языка, создание единого мирового правительства. С «Круглым столом» был тесно связан полковник Эдвард Хаус, он хорошо знал Мильнера. Сотрудничал с «Круглым столом» и Дэвид Ллойд Джордж. Впоследствии, во время Версальской конференции, ближайшими советниками Ллойд Джорджа стали именно члены «Круглого стола».

Через Ротшильдов «Круглый стол» имел связи в США с семьями Шиффа, Варбургов, Рокфеллеров и Карнеги. Они щедро финансировали кайзеровскую Германию в ее подрывной деятельности против России. Начиная с 1914 года немцы субсидировали «русскую» революцию через международный банк Варбургов в Гамбурге. Этот банк обеспечивал деньгами революционеров в России через свои представительства в Швеции.

На эти же деньги германские агенты организовывали забастовки и беспорядки в России в 1915 и 1916 годах. Кстати, главным врагом России в германском руководстве был канцлер Бетман-Гольвег, находившийся в дальнем родстве с Яковом Шиффом. Именно Бетман-Гольвег, не поставив в известность Вильгельма II, дал согласие германского правительства на проезд Ленина через Германию весной 1917 года. Как видим, круг замкнулся: американские и английские участники заговора против русского царя были связаны с немцами. Поэтому главным мотивом участия западных сил в свержении Николая II были не национальные интересы тех или иных стран, а стремление наднациональной тайной организации установить в мире новый мировой порядок.

Уже после Октябрьской революции американские спецслужбы составили справку о В.М. Свердлове, где говорилось, что он «имеет деловые отношения» с известным по ряду разоблаченных чекистами «заговоров» Сиднеем Рейли, работавшим на английскую, американскую и немецкую разведки одновременно. Вскоре после Октябрьского переворота Я.Свердлов вызвал брата в Москву, где тот был назначен наркомом путей сообщений, но проявил себя на этом посту неудачно. Вениамин Свердлов руководил научно-техническим отделом ВСНХ (секретным подразделением ОГПУ, занимавшимся опытами по получению телепатической информации о жителях мифической Шамбалы и о мыслях советских граждан). В 1937 году, во время Большого террора, В.М. Свердлов был арестован, осужден на 15 лет лагерей. В 1939 году по инициативе Ежова, который вычищал НКВД от людей Ягоды,

---

расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда как троцкист.

Еще один родственник Я.Свердлова, его троюродный брат — Гершель Гершелевич Иегуда, фигура действительно одиозная. Впоследствии он стал Генрихом Генриховичем Ягодой и в этом качестве известен как шеф ОГПУ. Ягода какое-то время работал в качестве ученика гравера у Мовши Свердлова, а затем породнился с его семейством, женившись на племяннице Янкеля — Иде Авербах. С подачи Я.Свердлова Ягоду приняли в боевую организацию большевиков, а после Октябрьского переворота в апреле 1918 года назначили управляющим делами Высшей военной инспекции (ВВИ), откуда он перешел в ВЧК к Дзержинскому, где быстро сделал себе карьеру.

«Яков Михайлович, — вспоминала его гражданская жена К.Т. Новгородцева, — никогда не любил говорить о себе и своей семье». И это вполне понятно: семья Свердловых хранила много тайн. И сама Новгородцева была посвящена во многие из них. Она была, в частности, хранительницей «алмазного фонда Политбюро» (он был спрятан в ее квартире). «Назначение его было такое, чтобы в случае потери власти обеспечить членам Политбюро средства для жизни и продолжения революционной деятельности» (Бажанов Б.Г. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1990. С. 97). Яков Свердлов всерьез готовился к бегству из России, справедливо опасаясь, что рано или поздно за его преступления против русского народа придется отвечать и ему, и его ближайшему окружению. Для этого с помощью брата Бени из России на личные счета «революционеров» переводились огромные средства, изъятые у «эксплуататоров». В тех же целях был создан и «Алмазный фонд». После смерти Свердлова в Кремле остался и долго не был вскрыт его сейф, до которого незадолго до своего ареста добрался его родственник, Г. Ягода-Иегуда, к тому времени уже нарком НКВД. Вот он и заложил своего троюродного брата Сталину, направив ему на Чёрного Янкеля посмертный донос:

«СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

На инвентарных складах коменданта Московского Кремля хранился в запортом виде несгораемый шкаф покойного Якова Михайловича Свердлова. Ключи от шкафа были утеряны.

26 июля с/г этот шкаф был нами вскрыт, и в нем оказалось:

1. Золотых монет царской чеканки на сумму сто восемь тысяч пятьсот двадцать пять (108 525) рублей.

---

2. Золотых изделий, многие из которых с драгоценными камням, и семьсот пять (705) предметов.

3. Семь чистых бланков паспортов царского образца.

4. Семь паспортов, заполненных на следующие имена:

а) Свердлова Якова Михайловича,

б) Гуревич Цецилии-Ольги,

в) Григорьевой Екатерины Сергеевны,

г) княгини Барятинской Елены Михайловны,

д) Ползикова Сергея Константиновича,

е) Романюк Анны Павловны,

ж) Кленочкина Ивана Григорьевича.

5. Годичный паспорт на имя Горена Адама Антоновича.

6. Немецкий паспорт на имя Сталь Елены.

Кроме того, обнаружено кредитных царских билетов всего на семьсот пятьдесят тысяч (750 000) рублей.

Подробная опись золотым изделиям производится со специалистами.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР. Подпись (Ягода).

27 июля 1935 г. № 56568».

(Документы по русской истории. 1994. №?1. С. 4).

Как видим, к бегству за границу со своей семьей этот большевистский вождь готовился всерьез. Чего же он опасался в России? Для того чтобы это понять, напомним основные вехи его кровавой биографии.

Отлично ладил с уголовниками. Как и все почти большевистские лидеры, Я.Свердлов был недоучкой. В 1900 году после окончания 4 классов гимназии (в возрасте 15 лет) он поступил работать учеником аптекаря, но ему это быстро надоело, и он решает «делать революцию». Каковы же причины, приведшие Свердлова в революцию? Они смутны. Некоторые израильские источники называют одной из причин его «революционности» «официальный русский антисемитизм». Но это опровергает сам Свердлов в одном из своих писем: «Я лично никогда не знал национального гнета, не подвергался гонениям в качестве еврея» (цит. по: Городецкий Е., Шарапов Ю. Свердлов // ЖЗЛ. М., 1971. С. 23). Между тем, он не воспользовался переходом своего отца в православие и предпочёл остаться евреем. В протоколе допроса Свердлова (МЯ-16 от 12 января 1910 г.), подписанного им самим, сообщаются такие детали биографии: в графе «Вероисповедание» — «Иудейское», в графе «Происхождение и народность» — «Из мещан, еврей», в графе «Образование» — «В 1900 г. окончил 4 класса, 15 лет от роду».

Из официальной советской биографии Свердлова известно, что он едва ли не с 1901 года действует как член РСДРП

(уже в 16 лет): «После раскола на II съезде РСДРП в 1903 году стал большевиком и профессиональным революционером, вёл агитацию в Костроме, Казани, Екатеринбурге». Там он появился в конце сентября 1905 года под именем «товарищ Андрей». Как утверждали его советские биографы, он был направлен на Урал ЦК РСДРП в качестве представителя или, как тогда говорилось, агента ЦК. Однако никаких документальных свидетельств того, что Свердлов состоял в рядах РСДРП до 1917 года, не имеется. В своих листовках он подписывался как «социал-демократ» или «группа социал-демократов». Но, очевидно, даже после его смерти в СССР еще долго жили люди, заинтересованные в том, чтобы сохранить у Чёрном Янкеле «светлую память». В те годы Свердлов никакого отношения к большевикам не имел и больше был известен среди еврейских боевиков из организаций сионистов-социалистов типа Поалей Цион. Герман Назаров в своей работе «Я.М. Свердлов — организатор Гражданской войны и массовых репрессий» обратил внимание на следующие факты. В 50-м томе БСЭ (1-е изд.) говорится: «Свердлов... с 1901-го принимал участие в социал-демократическом движении», но о членстве в РСДРП нет и речи. Не сообщает о принадлежности Свердлова к этой партии с 1901 года и сам В.И. Ленин: «В первый период своей деятельности, еще совсем юношей, он, едва проникнувшись политическим сознанием, сразу и целиком отдался революции» (Ленин В.И. Речь памяти Я.М. Свердлова на экстренном заседании ВЦИК 18 марта 1919 года. О Якове Свердлове. М., 1985).

Ни слова о принадлежности к партии с 1901 года не сказано и в некрологе (см. «Правда», 18.03.1919). Как ни странно, ни слова о вступлении Свердлова в партию в 1901 году не говорят ни его брат Герман Свердлов, ни К.Т. Новгородцева в своих воспоминаниях о муже. Никаких подробностей о вступлении Свердлова в партию в 1901 году нет и в воспоминаниях дочери Свердлова — Веры. Однако сёстры Софья, Сарра и брат Вениамин спустя много лет после смерти своего брата вспоминали, что к 15 годам он стал уже революционером, а в 16 лет вступил в партию. «В какую, — писал Г. Назаров, — если большевизм как течение политической мысли (по известному выражению В.И. Ленина) возник на II съезде РСДРП, состоявшемся в Лондоне в 1903 году? Смею предположить, что это в партии большевиков случайный человек — как и многие другие, примкнувшие к большевикам после марта 1917 года, когда партия вышла из подполья...»

Вывод Г. Назарова не лишен оснований. Как говорил В.М. Молотов в беседах с Феликсом Чуевым: «...все эти меньше-

---

вики после революции вдруг объявили себя большевиками». Действительно, уже после Февральской революции численность партий социал-демократической ориентации резко возросла, и к большевикам пришли те «революционеры», о которых в РСДРП никто до того не слышал. Поначалу враждебно встретившие Октябрьский переворот сионисты-социалисты в конечном итоге вступили в РСДРП(б). Несколько раньше — уже в мае 1917 года на сближение с большевиками пошли межрайонцы, которые поддерживали линию лидера Бунда и меньшевиков Ю.О. Мартова: Л.Д. Троцкий Х.Г. Раковский, А.В. Луначарский, Г.Я. Сокольников, В.А. Антонов-Овсеенко, Д.Б. Рязанов, Г.В. Чичерин, А.И. Балабанова, А.М. Коллонтай и др. Свердлов идейно и этнически был близок именно к ним. Поэтому случайным человеком в партии большевиков его назвать нельзя. Его появление в ее рядах скорее закономерно и по другой причине. Революционеры начала XX века нередко имели самые серьезные связи в уголовной среде. Главари бандитских шаек, вроде Камо, совершали «эксы» (экспроприации), а по сути, разбои и грабежи и таким образом финансировали революционное подполье. Свердлов из той же категории «революционеров экса».

В его партийной биографии говорится, что в 1905 году он «организовывал революционные выступления масс в Екатеринбурге». На деле, его БОНВ (боевой отряд народного вооружения) был лишь частью подпольных формирований боевиков в Сибири и подчинялся боевому центру, куда входили будущие «старые большевики» вроде отличника еврейской самообороны Э.С. Кадомцева. По ряду признаков и БОНВ был, по сути дела, отрядом еврейской самообороны.

Тот «университет», который «окончил» Свердлов у братьев Кадомцевых, не прошел даром. Накануне революции 1905 года Свердлов создает на Урале свой БОНВ, ставший одним из самых преступных и кровавых отрядов боевиков в революции 1905—1907 годов. Он действовал под началом Кадомцевых, но фактически полновластным хозяином в нём был Свердлов. В его БОНВ, «как в классической мафии или в масонских орденах, были созданы несколько уровней посвящения в тайну организации. Полной информацией обладал только тот, кто находился на верху пирамиды: он согласовывал свои действия с боевым центром» (Платонов О.А. Терновый венец России. История царевубийства: Энциклопедия русской цивилизации. М., 2001. С. 177.). Один из активных боевиков БОНВ К.А. Мячин (он же В.В. Яковлев) так определял царившие в ней правила: «Правило: один знает — никто не знает, двое — хуже, трое знают — все зна-

---

ют» (Авдонин А.Н. В жерновах революции. Документальный очерк о комиссаре В.В. Яковлеве. Екатеринбург, 1995. С. 7). Яковлеву предстояло сыграть свою роль в убийстве Царской семьи.

Революцию 1905 года Свердлов встретил во всеоружии в полном смысле этого слова. Как свидетельствует А.Гейфман, боевики Я.Свердлова осуществляли «еврейскую месть: постоянно терроризировали сторонников «Черной сотни», убивая их при каждой возможности» (Гейфман А. Социал-демократы и террор. Революционный террор в России. 1894—1917. Пер. с англ. Е.Дорман. М., 1997).

Те, кто знал Чёрного Янкеля по Уралу, рассказывали, что среди боевиков-террористов Свердлов отличался гиперманиакальным стремлением к бесконтрольной власти, безраздельной жестокостью, подлостью и беспринципностью даже на фоне других дореволюционных вожаков. Во многом именно Свердлов заложил основы будущей методики провокаций ЧК в целях разоблачения «врагов народа». Так, по поручению Свердлова группа самых преданных лично ему боевиков-террористов переодевалась в форму полицейских и жандармов. В этих маскарадных костюмах подручные (а по сути дела, личные палачи) Свердлова ловили своих товарищей-революционеров, «арестовывали» их, а затем допрашивали. При этом использовались самые жестокие издевательства и пытки. Не выдержавших боли и «сломавшихся» убивали без раздумий и жалости. Их трупы вывозили, расчленили и сжигали.

Жестокость Свердлова, проявившаяся в ходе операций БОНВ, вызывала ужас даже у выдавших виды боевиков. Когда один из членов организации Иван Бушенов выступил против зверских расправ над жандармами и царскими чиновниками, которые боевики БОНВ творили по приказу Свердлова, тот зловеще спокойным голосом (он никогда не повышал голос) произнес: «Ты что же, Ванюша, революцию в белых перчатках хочешь делать? Без крови, без выстрелов, без поражений?» (цит. по: Городецкий Е., Шарапов Ю. Соч. С. 46).

Свердлов не стеснялся прибегать к услугам уголовников и пользовался в их среде авторитетом. Ведь в ссылках и тюрьмах до революции он побывал в общей сложности 14 раз. Социал-демократ Н.А. Чедынцев, который сидел в тюрьме вместе с ним, вспоминал: «Свердлов не гнушается вступать в дружеские отношения с отпетыми уголовниками. Шепчется с ними. О чем-то договаривается» (цит. по: Платонов О.А. Соч. С. 176). Подобно «ворам в законе», он организовал в тюрьме узкую группу «своих», опекал их (какую бы мерзость «свой» ни совершил бы) и устанавливал в «зоне» свои поряд-

---

ки. «На тех, кто им перечил, они дружно нападали всем своим кагалом, вреда и пакостя ему всеми доступными средствами. Отчаянные уркаганы, — писал Э.Хлысталов, — с бубновыми тузами на спине опасались тщедушного очкарика Свердлова. Он оскорблений не прощал. На сохранившемся фотоснимке Свердлов сидит в тюремной камере на нарах впереди «воров в законе», сложив по воровской традиции ноги по-турецки» (Литературная Россия. №11 (март) 2002 г.). За годы своего революционного подполья «любимец уральских рабочих» (именно с таким «мандатом» Свердлов был избран депутатом на Апрельскую Всероссийскую конференцию РСДРП) организовал на Урале свою собственную мафию, которую использовал в 1918 году для организации давно задуманного им убийства Царской семьи. Эта сеть боевых пятерок, подчинялась только ему лично. Мафия Свердлова, по сути, тайная террористическая организация, не только существовала несколько десятилетий, но и охватила всю страну. Задача боевиков — убийства, террор против представителей власти, интеллигентов, рабочих, экспроприации. Многие исследователи сравнивали организацию Свердлова с масонской ложей. Сходство действительно есть и прежде всего в организационном построении: рядовые масоны-братья — это члены боевых пятерок. Как и масоны, они знают непосредственно только членов своего звена, и лишь один руководитель пятерки имеет выход на районного организатора. Организаторы представляют собой средний слой братьев-масонов, из которых формируется некий комитет, цели которого неведомы простым «братьям»-боевикам. Комитет архитекторов (по масонской традиции) возглавляется мастером ложи. В сибирском случае — Яковом Свердловым. Свердлов еще в 1905—1906 годах скрепил ряды участников боевых пятерок кровью. Связь эта была настолько сильна, что действовала и после смерти Свердлова, обстоятельства которой до сих пор не выяснены.

Продолжение следует

СОСИСКИ С БАВАРСКИМ ПИВОМ

Как известно, войну с Советским Союзом Гитлер начинал под флагом освобождения русского народа от ига большевизма. Таким же флагом — защиты Европы от угрозы большевизма — он размахивал задолго до начала Второй мировой войны, пытаясь привлечь в свои союзники Англию, Францию, Италию, Польшу, Финляндию, Испанию, Португалию, Венгрию, — то есть практически все страны Западной Европы.

Основания для коммунистической угрозы в то время действительно были: при финансовой и организационной поддержке Советского Союза активно действовал Коминтерн (да и сам Исполком Коминтерна базировался в Москве), членами которого были коммунистические партии во многих странах мира. В частности, в Германии до прихода Гитлера к власти компартия была самой большой и влиятельной политической силой, а во Франции в 1936 г. коммунисты даже входили в состав правительства Левого фронта.

Попытки Гитлера оказались успешными. Премьер-министры Англии и Франции — Чемберлен и Даладье сделали вид, что поверили гитлеровской приманке, и в 1938 г. безо-

УРОКИ ИСТОРИИ

говорочно подписали Мюнхенское соглашение, открывавшее Гитлеру «Дранг нах Остен» (натиск на Восток), хотя сами читали «Майн кампф» и отлично знали, что на Востоке Гитлеру нужно не столько уничтожение коммунизма, сколько завоевание «жизненного пространства германской нации». Им важно было, с одной стороны, отвести гитлеровскую экспансию от своих колоний, с другой — втянуть две крупнейшие европейские державы — СССР и Германию в изнурительную войну, а затем приступить к дележу обескровленных государств. Это хорошо понимали и лидеры Польши, Венгрии, Болгарии, Румынии и Финляндии, которым просто хотелось поживиться за счёт русских земель.

К сожалению, на эту приманку «клюнули» некоторые русские белоэмигранты, ослеплённые ненавистью к большевикам, а потому не способные разглядеть истинные намерения Гитлера. Наиболее известным из них был генерал Краснов, атаман Всевеликого войска Донского, ставший у фашистов начальником Главного управления казачьих войск Министерства восточных оккупированных территорий.

Поверила фашистской пропаганде и некоторая часть того нашего населения, которое пострадало от коллективизации и политических репрессий и которое надеялось, что придут немцы, установят европейскую демократию, колхозы распустят, товаров будет в изобилии и начнётся хорошая жизнь — короче, «сосиски с баварским пивом». Поверила и та часть интеллигенции, которая знала о немцах только то, что они — культурная нация, давшая миру великих поэтов, музыкантов и учёных, и которая надеялась, что они принесут в «отсталую Россию» высокую цивилизацию.

Однако с началом оккупации иллюзии быстро исчезли. Вопиющая жестокость немцев (и поощряемая ими ещё большая жестокость венгров, румын и новоиспечённых союзников — крымских татар, бандеровцев и некоторых иных наших соотечественников) по отношению не только к комиссарам, не только к пленным красноармейцам, но и к мирным жителям сделала больше, чем сделала бы самая изощрённая антифашистская пропаганда. (Кстати, колхозы Гитлер распустить и не думал. С ними было удобнее вести строгий учёт произведённого хлеба, мяса и молока для отправки в Германию.)

Жестокость по отношению к русским, свойственная немцам вообще (что наглядно показала ещё I Мировая война), была не стихийной, а заранее спланированной. Под неё была даже подведена «научная» база — расовая теория, над которой трудились лучшие немецкие умы во главе с профессором

Абелем. Согласно этой теории, существует, упрощённо говоря, три сорта наций-рас: 1 сорт — германская или нордическая (сами немцы, норвежцы, шведы, англичане, «расово близкие» им финны, латыши и эстонцы), 2 сорт — романская (французы, итальянцы, испанцы и пр.), 3 сорт — славяне или «унтерменши» (недочеловеки). Был ещё и 4 сорт — цыгане и евреи, считавшиеся сугубо паразитическими нациями, а потому подлежащими ликвидации.

Отношение к 3-му сорту было сформулировано в «Генеральном плане Ост» — программе установления господства Германии в оккупированной Восточной Европе, которая включала постепенное переселение 3/4 русского населения за Урал (по плану «Барбароса» немцы планировали за 6—8 недель выйти на линию Волга—Архангельск, а к зиме 1941 года дойти до Урала). Оставленную на захваченной территории «расово близкую» четверть предполагалось направить на обслуживание немецких колонистов, переселяемых в Россию, и со временем полностью онемечить. Ответственным за выполнение плана был назначен главный идеолог Национал-социалистической партии, рейхсминистр восточных оккупированных территорий Розенберг. Вот некоторые фрагменты этого плана.

«Речь идёт не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается в том, чтобы разгромить русских как народ... Есть только следующие возможности решения проблемы: или полное уничтожение русского народа, или онемечивание той его части, которая имеет явные признаки нордической расы...»

«Нужно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он больше не был в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе. Этой цели мы можем добиться вышеуказанными путями».

Что же это за пути? «Следует не допускать борьбы за снижение смертности младенцев, не обучать матерей уходу за грудными детьми и профилактическим мерам против детских болезней... Не должно чиниться никаких препятствий разводам. Не должна оказываться помощь внебрачным детям. Не следует допускать каких-либо привилегий для многодетных...»

Ещё более конкретно выражался рейхсфюрер СС Гиммлер: «Говоря по-военному, мы должны убивать от трёх до четырёх миллионов русских в год, чтобы не допустить прироста коренного населения... Мы не должны посылать туда немецкого школьного учителя: знание грамоты русскими может толь-

---

ко навредить... Русские должны будут уметь только считать и писать своё имя. Их первое дело — подчиниться немцам».

Немецкие военные после поражения стали упорно распространять миф о том, что в военных преступлениях виноваты эсэсовцы, вермахт же — «белый и пушистый». Немецкие фельдмаршалы, однако, шли в ногу с эсэсовцами: «Солдат на Востоке ведёт бои не только по правилам войны, но является носителем безжалостной расовой идеи» (из приказа генерал-фельдмаршала Райхенау). Подобные установки давали в приказах своим войскам командующие фронтами (группами армий) фельдмаршалы Манштейн и Бок, Модель и Лееб. А вот и самый главный приказ (от 13 мая 1941 года): «О применении подсудности в районе Барбаросса». В нём на законодательном уровне устанавливалось и сообщалось всем родам войск, что преступления, совершённые вермахтом против гражданского населения в России (СССР), «не подлежат преследованию». В приказе, в частности, было написано: «Не существует обязательного преследования за действия, совершённые членами вермахта против враждебных гражданских лиц, даже если этот акт также является военным преступлением».

«С момента вступления германских войск в Россию и вплоть до изгнания последнего нациста всюду, где только ступала нога немецкого солдата или эсэсовца, совершались тысячи преступлений невообразимой жестокости против стариков, женщин и детей», — писал после войны английский юрист лорд Рассел.

Немецкое нашествие обошлось нашему народу в 11,5 миллиона погибших только мирных граждан, оказавшихся на оккупированной территории (из них 7,4 миллиона преднамеренно убитых), да ещё 2,2 миллиона погибших в Германии из числа угнанных на принудительные работы, да еще почти 1,5 миллиона замученных в немецком плену наших солдат. Таковы были «сосиски с баварским пивом» и «высокая немецкая культура».

Прошло 80 лет со дня нашествия немецкой чумы на Россию. Многого стало забываться, а зря! Недавно немецкая газета «Die Welt» опубликовала статью, в которой высказана мысль о том, что Россия должна «поделиться» своей большой территорией, включающей Сибирь и Арктику, и российские просторы нужно «по-братски» разделить с другими мировыми игроками. Более половины читателей газеты эту мысль поддержали. Как видим, идея «дранг нах Остен» продолжает жить в немецких сердцах.

«ТАЙНУЮ СВОБОДУ ПЕЛИ МЫ...»

*Александр Блок и Николай Гумилёв.
К 100-летию со дня гибели*

Горька судьба поэтов всех племён;
Тяжеле всех судьба казнит Россию...

Так писал в 1845 году в сибирской ссылке несчастный друг Пушкина декабрист Вильгельм Кюхельбекер, что скончался, не дождавшись освобождения, в августе 1846 года. Остзейский немец по происхождению, по духу — прекрасный русский поэт, увековеченный писателем-историком Тыняновым в романе «Кюхля». Он пережил своих друзей — Кондратия Рылеева и Александра Пушкина, пережил и Лермонтова — титанов Золотого века русской поэзии, убитых непреклонной судьбой, но его прогноз участи русских поэтов с ужасающей последовательностью продолжал осуществляться и в дальнейшем.

*...Бог дал огонь их сердцу, свет — уму.
Да! чувства в них восторжены и пылки, —
Что ж? их бросают в чёрную тюрьму,
Морят морозом безнадежной ссылки...*

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

Здесь друг Пушкина обозначил ясную парадигму: поэт — это свобода, а несвобода желает уничтожить поэта тюрьмой, морозом, ссылкой. Как бы поднимаясь над сиюминутным, Кюхельбекер вообще прозрел основную черту поэтов всех времён, не только пушкинских: так или иначе поэт живёт свободой, взращён в её лоне, работает для неё, гибнет, её защищая. Жизнь поэта постоянно подвержена опасности быть раздавленной злобой и лицемерием хаоса внешних бесформенных сил, в которых нет гармонии. И силы эти трансцендентальны, безлики, как роковая болезнь, как ночь и мгла, как зависть и пошлость людская...

*Или болезнь наводит ночь и мглу
На очи прозорливцев вдохновенных,
Или рука любезников презренных
Шлёт тулю их священному челу;
Или же бунт поднимет чернь глухую,
И чернь того на части разорвёт,
Чей блещущий перунами полёт
Сияньем облил бы страну родную.*

Эти пророческие строки точно предвосхитят судьбу двух великих русских поэтов, певцов «тайной» свободы, погибших сто лет тому назад в роковом августе 1921 года — Александра Александровича Блока и Николая Степановича Гумилёва. Так на очи Александра Блока непонятная (или несчастная) болезнь навела «ночь и мглу» 7 августа (все даты в статье даются только по новому стилю) того года, а «глухая чернь» через 17 дней 24 августа «разорвала на части» Николая Гумилёва, чей «блещущий полёт» на небосвободе русской поэзии только ещё разворачивался в полную силу и прерван был злобой политических интриг. А если мы добавим к этому судьбу великой и страдательной нашей Марины Цветаевой, которую страшные обстоятельства времени заставили наложить на себя руки 80 лет назад — 31 августа 1941 года, то нам остаётся поверить в магию чисел, а значит — и в существование в мире некоего предначертания, к чему всегда были чувствительны провидческие души поэтов.

Но вот что странно: Блок и Гумилёв — это были, во многом, разные поэты и разные личности, часто диаметрально противоположные в приёмах своего творчества, в личном темпераменте и в судьбе, словно жившие на разных планетах и молившиеся разным богам. Хотя не такая уж большая была у них разница в возрасте — Александр Блок родился 28 ноября 1880 года, а Николай Гумилёв — 15 апреля 1886-го. И роди-

---

лись-то они поблизости — Блок в Санкт-Петербурге, в «ректорском доме» старейшего русского университета (его дед по матери учёный-ботаник Бекетов был тогда ректором этого учебного заведения), а Гумилёв — в Кронштадте, крепости военных моряков, так как его отец был корабельным врачом. Удивительно, но как бы судьба в дальнейшем ни мотала их по свету (особенно заядлого путешественника Гумилёва), но погибли они в тех же родных для них краях — Блок после тяжёлых мучений умер в своей квартире на Офицерской улице (ныне ул. Декабристов, д. 57, кв. 23), а Гумилёва расстреляли вместе с большой группой своих товарищей по знаковому «делу Петроградской боевой организации Таганцева» возле станции «Лисий нос» Ириновской железной дороги, за пороховыми складами. В этом была уверена первая жена поэта Анна Ахматова. Смерть этих безусловных гениев русской культуры тяжёлой болью отозвалась в России и была воспринята многими как закат Серебряного века русской поэзии. Жившей далеко, в Крыму, но хорошо знавший погибших, поэт Максимилиан Волошин отозвался на их уход пронзительным стихотворением с характерным названием «На дне преисподней», где есть такие строки:

*С каждым днём всё диче и всё глуше
Мёртвенная цепенеет ночь.
Смрадный ветер, как свечи, жизни тушит:
Ни позвать, ни крикнуть, ни помочь.*

*Тёмен жребий русского поэта:
Неисповедимый рок ведёт
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот...*

Согласитесь, здесь он подтвердил с очевидностью мысль Вильгельма Кюхельбекера! Смерть помирила Гумилёва и Блока — символиста и акмеиста, а общая их судьба заставляет думать, что ведь было же что-то общее, что их объединяло не только в смерти, но и в творчестве, в жизни идеальной, так как поэт живёт словно бы в двух мирах: в нашем брэнном пошловатом и сиюминутном мире житейских страстей и в идеальных сферах, где напрямую говорит с Богом и прозревает будущее. Что же объединяло их при жизни, несмотря на все формальные творческие противоречия? Со всей очевидностью можно ответить — служение Свободе. Служение свободе, но не той в обыденном нашем представлении свободе политической или материальной (здесь можно вспомнить

сакраментальное пушкинское: «Без денег и свободы нет»), а свободе «тайной», Свободе Духа. Вспоминается эпизод из известной эпопеи Алексея Толстого «Хождение по мукам», относящийся к весне 1914 года, к одному из собраний Философского общества в Петербурге, когда после жарких выступлений «новаторов» всего и вся, наносящих «удар по церковному куполу» и призывающих «вернуться задом к Венере Милосской» как к отжившему и ненужному символу красоты и гармонии, выходит старый профессор и говорит, что «ваша правда — это правда лавины, что обрушивается с гор», всё сметая на своём пути и оставляя хаос в душах людей, дезориентированных, обманутых и униженных беспробудной мещанской пошлостью и тусклой бездуховностью, желающей всю жизнь и саму душу человеческую превратить «в цифру» (словно в воду глядел писатель и видел наше «цифровое» общество!). И вот тогда, утверждает профессор, вы дождётесь иной революции — революции Духа. Или потопа, добавлю я от себя, так как если Бог увидит, что мы «суть плоть» и безнадежно ждём от нас проявления духовности, то Он уничтожит выродившийся род людской, как это уже произошло однажды с прошлым «допотопным» человечеством. В таком случае людское сообщество сможет спасти от подобного наказания лишь вот эта самая «революция Духа».

Здесь и ответ на вопрос: почему, не смотря на удивление и прямой протест многих образованных деятелей своего времени, знаменитейший поэт-символист Александр Блок поддержал большевистскую революцию октября 1917 года, а другой знаменитейший поэт-акмеист Николай Гумилёв вернулся весной 1918 года из Парижа в «красную» Россию, чтобы здесь работать у Горького и своей работой помогать возрождению культуры в разрушенной стране? Они надеялись, что вслед за революцией социальной и политической, вслед за «возмездием» «старому миру» (коренной блоковский мотив) произойдёт и революция духовная, произойдёт рождение нового мира... Но они ошиблись. Как и прежде, в Советской России мещанская тупость и подлость, а вслед за ней — классовая ограниченность, злоба и прямой политический и уголовный садизм полезли изо всех щелей. А надежды были большие! Сам Александр Блок с молодых ногтей осознал, что его страсть к стихам — это нечто большее, чем простая чувственная потребность изливания восторженной юной души, что случается со многими в раннем возрасте. Нет, уже в самых ранних его стихах, вместе с неосознанными, неоформленными ещё образами сквозит мысль о некоем высшем призвании, что он должен нести, и на него высшими силами возложена особая миссия...

---

*Сама судьба мне завещала
С благоговением святым
Светить в предверьи Идеала
Туманным факелом моим.*

*И только вечер — до Благого
Стремлюсь моим земным умом,
И полный страхом неземного
Горю Поэзии огнём.*

Эти строки, написанные в мае 1899 года 18-летним юношей, только что закончившим гимназию и «обдумывающем житьё», сейчас бы показались наивными — в наше время все мысли молодых людей этого возраста устремлены к желанию поступить в престижное учебное заведение, чтобы после лучше устроиться в жизни с неплохим доходом, а вот чтобы искать Идеал, да ещё освещать дорогу к нему другим!..

Для поэтов старой русской культуры Поэзия была служением Идеалу красоты и гармонии, и Александр Блок осознал это очень рано. Несмотря на все превратности жизни, он писал стихи тогда, когда видел в этом путь к высшей гармонии, путь к преодолению хаоса, так как хаос — это и есть несвобода человеческого духа, а истинная свобода возможна лишь в достижении высшей гармонии жизни и культуры. Об этом он совершенно ясно сказал в своём знаменитом слове «О назначении поэта», произнесённом им публично 11 февраля 1921 года на литературном вечере в память 84-й годовщины гибели Александра Пушкина: *«Что такое гармония? Гармония есть согласие мировых сил, порядок мировой жизни. Порядок — космос, в противоположность беспорядку — хаосу. Из хаоса рождается космос, мир, учили древние. Космос — родной хаосу, как упругие волны моря — родные грудам океанских валов. Сын может быть не похож на отца ни в чём, кроме одной тайной черты; но она-то и делает похожими отца и сына. Хаос есть первобытное, стихийное безначалие; космос — устроенная гармония, культура; из хаоса рождается космос; стихия таит в себе семена культуры; из безначалия создаётся гармония».*

Вот поэт, по мысли Блока, и призван упорядочивать хаос, организовывать из хаоса космос, созидать гармонию. Но что требуется поэту на этом пути, без чего невозможен этот созидательный процесс — это свобода, свобода Духа, а значит — *тайная* Свобода. Ибо жизнь Духа — это тайна для нас, и другой она быть не может. В несвободном обществе истинный поэт, даже подчиняясь законам и привычкам этого общества,

---

тем не менее несёт в своей душе вот этот самый образ *тайной* Свободы, исходя из известной мысли Вольтера, что «философ свободен и в цепях». Блок труды Вольтера знал и в ранних стихах уже не раз упоминал его. Но вечная ирония великого насмешника над всем святым не прельщала душу русского поэта, он искал особый путь к свободе, отличный от вольтеровского. И он нашёл этот путь в мистической философии поэта-философа Владимира Соловьёва, который и был предтечей символизма. Владимир Соловьёв поклонялся Софии — Премудрости Божьей, как некоей четвёртой (женской) ипостаси Троичного Божества. Он не был здесь оригинален, мысль о Софии как особом божественном воплощении была распространена ещё в Древней Руси, недаром главные православные храмы домонгольской Руси, что в Киеве, что в Новгороде, были посвящены Св. Софии. Позднее Церковь признала эти взгляды еретическими, поклонение Софии было заменено всё более и более развивавшимся культом Богоматери, Девы Марии и вот уже главнейшие соборы Московской Руси посвящаются Рождеству и Успению Богородицы — событиям из жизни Богоматери. Но образ Софии как вечной женственности — остался поэтам. Юный, романтичный Александр Блок, воспитанный в благодушном лирическом покое подмосковного Шахматова — имении своего учёного деда и в туманном Петербурге, где он окончил гимназию и поступил в университет на словесное отделение, увлечённый смутными образами соловьёвской мистики, сам создаёт себе свой образ Прекрасной Девы, которой внешне он поклоняется, внутренне же оставаясь свободным.

*Вхожу я в тёмные храмы,
Свершаю бедный обряд,
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцании красных лампад.*

*В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей,
А в лицо мне глядит озарённый,
Только образ, лишь сон о ней...*

Далее он называет этот неземной идеал простым человеческим словом «милая» и сразу становится понятно, что для поэта любовь земная и любовь идеальная слиты вместе, и одно без другого невозможно. Наше современное, погружённое в свои мелкие эгоистические интересы общество утеряло

смысл такой высокой любви, и вот уже мы видим повальное нравственное разложение современного буржуазного мира, где теряется само понятие брака и даже пола, где извращения становятся нормой, любовь — физиологией, исчезает религиозное чувство, исчезает надежда на будущее, а значит — и само будущее человечества окрашивается в мрачные цвета в предчувствии неизбежных катастроф.

Предчувствовал эти катастрофы и Блок. В те же годы (первые годы XX века), когда он предаётся мечтам о Прекрасной Даме, а сам в это время безумно влюбляется в Любовь Дмитриевну Менделееву (дочь нашего великого учёного) и страстно ждёт ответного чувства, помышляя даже о самоубийстве, если она ему откажет, в это же время он ясно видит нарастающие революционный кризиса в России и чутьём истинного поэта прозревает грядущие великие потрясения...

— Всё ли спокойно в народе?

— Нет, император убит.

Кто-то о новой свободе

На площадях говорит...

— Все ли готовы подняться?

— Нет. Каменеют и ждут.

Кто-то велел дожидаться:

Бродят и песни поют.

— Кто же поставлен у власти?

— Власти не хочет народ.

Дремлют гражданские страсти:

Слышно, что кто-то идёт.

— Кто ж он, народный смиритель?

— Тёмен и зол и свиреп:

Инок у входа в обитель

Видел его — и ослеп.

Он к неизведанным безднам

Гонит людей как стада...

Посохом гонит железным...

— Боже! Бежим от Суда!

К этим строкам остаётся только поставить дату их написания — 3 марта 1903 года... Ровно через 14 лет в этот срок в России император Николай Романов отречётся от престола, а ровно через 50 лет в эти же дни умрёт «народный смиритель» Иосиф

Сталин. Тот самый, который «тёмен и зол и свиреп»... Как видите, Александр Блок был действительно Поэтом — с ним разговаривал и открывал ему будущее сам Всевидящий Дух.

Но искушённый читатель, конечно, сразу напоминает мне, что Александр Блок в реальной жизни вовсе не был ангелом, что он скоро разочаровал свою любимую женщину и жену Любовь Дмитриевну совсем не праведной жизнью. Что он изменял ей, увлекался актрисами, посещал значные места Петербурга, растрачивал своё здоровье в кабаках и кафешантанах... Много за ним водилось разных грешков. Разве не он явился прототипом поэта Алексея Алексеевича Бессонова из упомянутой выше трилогии Алексея Толстого, ведущего аморальный образ жизни и в результате погибающего от руки полоумного маньяка, как-бы в наказание за свои грехи?.. Да, отчасти, это он. Но лишь отчасти. У Алексея Толстого в его произведении не раз мелькает мысль, что в каждом человеке скрыт его двойник, «второй человек», его антипод, тот самый «чёрный человек», которого видел Есенин, и с которым даже дрался. Был такой антипод и у Александра Блока, он вёл его по гибельному пути, по тому пути, на котором его Прекрасная Дама, его Идеал превращался в «снежную маску», в «пьяное чудовище», для которого истина в вине... Вот этот антипод великого поэта и изображён Толстым в своей книге в образе чёрного человека (он действительно всегда одевается во всё чёрное) Бессонова. Но Бессонов в романе имеет влияние больше на экзальтированных девиц, которым в общем и нужен такой герой, а реальный поэт Александр Блок был известен и уважаем всей Россией, и в конечном итоге он смог преодолеть в себе наваждения божественной жизни и подняться до великих произведений, свойственных великой эпохе мировых войн и мировых революций.

Николай Степанович Гумилёв, младший современник и земляк Блока, был даже более, чем «певец несбывшегося», мотивирован идти по поэтической дороге. Ведь он окончил Пушкинский Лицей в Царском селе и, хотя учился плохо, но был замечен Иннокентием Анненским, известным поэтом, который в те годы возглавлял это легендарное учебное заведение. Педагогический совет Лицея даже хотел исключить юного Гумилёва за неуспеваемость, но директор подумал и сказал: «Но ведь он пишет стихи...» Всё-таки в этом элитарном учебном заведении помнили шаловливого лицеиста Пушкина, который ведь тоже плохо усваивал математику...

Говорят, Николай Гумилёв рос слабым болезненным ребёнком. Вот как уже с высоты прожитых лет в стихотворении «Память» он оценивал себя, того, «первого»...

*...Самый первый: некрасив и тонок,
Полубивший только сумрак роц,
Лист опавший, колдовской ребёнок,
Словом останавливавший дождь.*

*Дерево, да рыжая собака,
Вот кого он взял себе в друзья,
Память, память, ты не сыщешь знака,
Не уверишь мир, что то был я...*

Но ему хотелось многого добиться в жизни, его повела мечта и открывшийся поэтический талант, и он, преодолевая детские болезни и природную нерешительность, стал вырабатывать в себе волю. Как поэт он избрал путь преодолений. Он не собирался «светить туманным факелом» ради достижения неведомого идеала, но идеал у него был, и, как ни странно, этот идеал совпадал с идеалом Блока — свобода, та самая свобода, что у Блока была «тайной», так как находилась в области Духа. Но Гумилёву нужна была реальная, жизненная свобода, свобода завоевателя и покорителя жизни, и при этом Поэта, почти равнозначного Богу и Царю!

*...И второй... любил он ветер с юга,
В каждом шуме слышал звоны лир,
Говорил, что жизнь — его подруга,
Коврик под его ногами — мир.*

*Он совсем не нравится мне, это
Он хотел стать Богом и Царём,
Он повесил вывеску Поэта
Над дверьми в мой молчаливый дом...*

Поэт с высоты прожитых лет, набравшись жизненной мудрости, оценивает себя — юного и самонадеянного, и критически относится к своей гордыне, но, согласитесь, здесь есть некое самолюбование, от которого Гумилёв, может быть, не отказался и до конца своих недолгих, увы, дней. И однако, отвечая, что же он любит более всего на свете и в себе самом, он честно признаётся — он любит Свободу!..

---

*...Я люблю избранника свободы,
Мореплавателя и стрелка,
Ах, ему так звонко пели воды
И завидовали облака.*

*Высока была его палатка,
Мулы были резвы и сильны,
Как вино, впивал он воздух сладкий
Белому неведомой страны...*

Здесь поэт становится новым Адамом, первым человеком, открывающим и познающим Землю. Недаром и новое направление в русской поэзии, которое он создал, Гумилёв назвал вначале «адамизмом», а уж после перекрестил в известный нам акмеизм — от греческого «акме» — вершина. И на этом пути ему ещё предстояло серьёзное столкновение со столпом классического символизма, с самим Александром Блоком, но, как ни горько, идейный поединок между ними развёрнётся перед самым их обоих трагическим концом...

Голодная зима начала 1921 года. Сдавленная тисками «военного коммунизма», Советская Россия, ещё не опомнившаяся от потрясений Гражданской войны, тем не менее строит свою культуру. И к кому же обратиться за помощью в этой роковой борьбе за остатки человечности? — конечно, к Пушкину! 11 февраля, Петроград. 84-я годовщина со дня смерти Александра Сергеевича. Нетоплинный зал Дома литераторов, а на сцене — истощённый, усталый, рано постаревший, но в строгом костюме, подтянутый, как всегда с прекрасной дворянской осанкой поэт Александр Блок. Он говорит о... свободе!..

«Не будем сегодня, в день, отданный памяти Пушкина, спорить о том, верно или неверно отделял Пушкин свободу, которую мы называем личной, от свободы, которую мы называем политической. Мы знаем, что он требовал «иной», «тайной» свободы. По-нашему, она «личная»; но для поэта это не только личная свобода:

*...Никому
Отчёта не давать; себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья —
Безмолвно утопать в восторгах умиленья —
Вот счастье! Вот права!..*

Это сказано перед смертью. В юности Пушкин говорил о том же: «Любовь и тайная свобода Внушили сердцу гимн простой».

Эта тайная свобода, эта прихоть — слово, которое потом всех громче повторил Фет («Безумной прихоти певца!»), — вовсе не личная только свобода, а гораздо большая: она тесно связана с двумя первыми делами, которых требует от поэта Аполлон. Всё перечисленное в стихах Пушкина есть необходимое условие для освобождения гармонии. Позволяя мешать себе в деле испытания гармонией людей — в третьем деле, Пушкин не мог позволить мешать себе в первых двух делах; и эти дела — не личные».

Итак, Блок ясно обозначил в своей речи что свобода в его понимании, и свобода самовыражения художника — это дело не личное, это касается общества и даже есть дело политическое. Эти слова, громко сказанные с высокой трибуны, да ещё в городе, где зрели бунты и даже вооружённое восстание, вскоре разразившееся в Кронштадте, разумеется, не могли понравиться представителям идеологического контроля большевистского режима. А то, что в зале Дома литераторов они присутствовали, — не вызывает сомнения. Были там (кто бы мог сомневаться!) и осведомители ВЧК. Блока ведь уже арестовывали не столь давно — в феврале 1919 года. Подозревали в связи с левыми эсерами, что странно, ведь левоэсеровские мятежи давно были подавлены, шла борьба с белогвардейцами, а они приговорили Блока к повешению — за сотрудничество с большевиками. Его допрашивали полтора дня, сам он считал, что к нему было применено насилие, а «под игом насилия человеческая совесть умолкает», — записал Блок в своём дневнике. И ещё у него появилось физическое ощущение недостатка воздуха, от него стали слышать слова: «Я задыхаюсь, задыхаюсь! Мы скоро задохнёмся все, мировая революция превращается в мировую грудную жабу!» Тогда Блока выручил Луначарский, он ходатайствовал перед Лениным, Блока отпустили из чекистского застенка, но лечиться за границу не выпустили, хотя, к слову сказать, так ненавидимый якобы всем Западом Феликс Дзержинский ездил в это время лечиться в Швейцарию! На Западе ему не могли простить поэму «Двенадцать», в которой он будто бы прославил революцию, а на деле скрытый смысл этой великой поэмы никто не понял.

*...В зубах — цыгарка, примят картуз,
На спину надо б бубновый туз!..*

Это — портрет красногвардейцев в поэме. Да и впоследствии основная драма произведения — убийство красногвардейцем Петрухой (одним из двенадцати) любимой девушки Кати, которую он увидел с каким-то солдатом. Сгоряча он дал по ней выстрел из винтовки и прострелил ей голову. После затосковал: видимо, всё-таки пробудилась совесть, но его товарищи «по борьбе» утешают кающегося бойца:

— Из-за удали бедовой
В огневых её очах,
Из-за родинки пунцовой
Возле правого плеча,
Загубил я, бестолковый,
Загубил я сгоряча... ах!

— Ишь, стервец, завёл шарманку,
Что ты, Петька, баба что ль?
— Верно, душу наизнанку
Вздумал вывернуть? Изволь!
— Поддержи свою осанку!
— Над собой держи контроль!..

Никакого наказания убийце, презрение к душе человеческой и пожелание вот этого «контроля», то есть продолжения исполнения карательных функций. И вот уже Петруха забывает о своём преступлении:

Он головку вскидывает,
Он опять повеселел!..

Эх, эх!
Позабавиться не грех!..

Убийство человека — это для революции забава! А дальше — понятно: «Запирайте этажи, нынче будут грабежи...» Вот картина революции, нарисованная бестрепетной рукой мастера! Где же тут можно увидеть прославление большевистского переворота? Страшно становится, когда читаешь некоторые места великой поэмы Блока — это документ эпохи. Старую русскую интеллигенцию от этого произведения и от личности самого стихотворца отвратил образ Христа, что появляется в завершении поэмы, который словно бы ведёт за собой красногвардейцев. Вот этот момент более всего заставил ожесточиться против автора. Блок, якобы, благословил революцию! Но ведь Христос в поэме для большевиков чу-

---

жой, они по нему стреляют из винтовок, как по той самой Катке, только он, конечно, неуязвим для их пуль...

*...Трах-тах-тах! — И только эхо
Откликается в домах...
Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах...*

*Трах-тах-тах!
Трах-тах-тах...*

*... Так идут державным шагом,
Позади — голодный пёс,
Впереди с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули неведим,*

*Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос.*

Вот эти-то последние строки о Иисусе Христе и подняли волну ненависти к Блоку со стороны врагов большевизма и... удивление самих большевиков. Ведь они-то в Христа не верили, для них-то это был звук пустой, однако... некая тень предначертания свыше пала по воле Блока на все свершения революции, она словно была исторически оправдана по мысли поэта. И никто не увидел, что начертание имени Христа у Блока неправильное — Иисус, а не Иисус, что идёт он с «кровавым» флагом, наконец, что даже такой — революционный Христос глубоко чужд красногвардейцам, они пытаются его убить... Но Блок, чутьём поэта понял, что большевики пришли надолго, не навсегда, но надолго — в малом историческом масштабе, они «идут державным (!) шагом» — сказано не зря. Им предстоит построить великую державу, но дом, построенный на крови, — не устоит...

На двух последних своих великих произведениях — поэме «Двенадцать» и стихотворении «Скифы», где Блок ясно предсказал судьбу Европы, которая всякий раз готова «наставить пушек жерла» на Восток (предсказание, как мы знаем, вполне сбывшееся и сбывающееся по сей день), поэт словно бы превзошёл самого себя и лишился сил. Он перестал, по собственному признанию, «слышать музыку времени», а без этого он не мог писать стихи. Да и голод настал жуткий, раз-

---

руха, Гражданская война с ежедневными жестокостями и подлостями как новой власти, так и её противников. В этих условиях великий поэт не мог писать, муза его молчала. По-невеле ему приходилось за кусок хлеба из голодного пайка участвовать в работе разных советских учреждений культуры, деятельности которых способствовал Максим Горький, вплоть до руководящей должности в Петроградском отделении Всероссийского Союза поэтов. Это было почётно, но материально никак не помогало голодающему поэту и его семье. У великого поэта России в это время развилась цынга, отекали ноги, начались нервные припадки, шалило сердце, он сильно постарел. Ситуацию усугубляла обстановка в семье, где старая мать поэта никак не могла наладить отношения со своей невесткой Любовью Дмитриевной. А тут ещё последовала пощёчина — в начале 1921 года Блока не избрали на пост главы Союза поэтов, и на это место был выдвинут Николай Гумилёв.

Вполне зрелый, закалённый бурями Мировой войны, фронтовой жизнью и боями, где он заслужил два Георгиевских креста, Николай Гумилёв был в это время на вершине своего творчества. Переживал период «акме», как любили говорить тогда. Выходили новые сборники его произведений — «Шатёр» и «Огненный столп», в которых автор обобщал опыт своей прежней скитальческой жизни по странам Африки («Шатёр») и прокладывал новые пути в дальнейшем своём развитии как поэт-философ:

*...Я угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле,
Я возревновал о славе Отчей,
Как на небесах, и на земле.*

*Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны...*

Подобные замыслы, разумеется, были совсем не по вкусу чекистской власти в Петрограде 1921 года, где только что отгремел кровавый и страшный по своим последствиям Кронштадтский мятеж в марте. Но сразу вслед за подавлением этого мятежа, сопровождавшегося массовыми расстрелами матросов, участников восстания (вчерашних ещё красногвардейцев из «Двенадцати»!), следовало ожидать и массовых чисток среди «интеллигентского» населения бывшей

российской столицы. Гражданская война в Советской России заканчивалась, а всякое окончание гражданского противостояния после победы одной из сторон всегда сопровождается «зачистками» (понятие, родившееся в ходе «демократической перестройки» и «борьбы за права человека по-ельцински», но иначе не скажешь и о прошлом), когда под итог уничтожаются все подозрительные и «несогласные» элементы. В число этих «элементов», разумеется, попали и Александр Блок, и Николай Гумилёв — слишком яркие, слишком независимые духовно и идейно личности. И вот после того знаменитого выступления Блока на Пушкинском юбилее, после разгрома мятежного Кронштадта Блока начинают травить — в прямом смысле слова. Его начинают лечить от «неврастении» прикрепленные к нему эскулапы, которые прописывают больному, измученному, истощенному человеку... мышьяк и стрихнин. То есть его «лечат» ядами и последствия этого «лечения» скажутся довольно скоро, уже летом 1921 года Блок фактически перестаёт выходить из дома, но вот чудо: как лебединая песня, к нему на краткий миг возвращается поэзия. Тогда же, когда родилось великое слово «О предназначении поэта», думая о Пушкине, Блок осознаёт, что так же, как в николаевское время, после казни декабристов и гибели Кондратия Рылеева, так же и сейчас на Россию опускается новая ночь несвободы — ещё пострашнее прежних времён! И что поможет творцам и художникам? Только осознание существования «тайной» свободы, о которой говорил Пушкин, с которой был знаком и Блок ещё с юношеских своих прозрений. Поможет Пушкин — как вечный пример свободного художника и неподкупной души...

*Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!*

*Это — звоны ледохода
На торжественной реке,
Переключка парохода
С парходом вдалеке.*

*Это — древний Сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижимом скакуне...*

Какой знакомый для Блока мир! Это — его Петербург, это его символы, символы отечественной истории и русской культуры, в которую органически вплелись и Медный всадник французского скульптура Фальконе, и древний Сфинкс, привезённый из Египта, — и всё это образы вечной гармонии, упорядоченного космоса, рождённого человеческой волей из первозданного хаоса... Как всё это понятно сердцу Поэта, ведь первейшая его задача и цель жизни — это борьба со слепыми бесформенными силами зла и хаоса, ради утверждения света Истины и Свободы!

*...Пушкин, тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!..*

Да, Блок ясно осознал, что наступала эпоха «немой борьбы», где и свобода могла быть только «тайной», но у него уже не было сил жить с этой эпохой, его солнце закатывалось...

*...Вот зачем в часы заката,
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.*

Ему — это Пушкинскому Дому, самому Пушкину, солнцу... Последние дни жизни Александра Блока были ужасны! Отравленный вредительским «лечением», всеми этими мышьяками и стрихнинами, что вводили ему контролируемые ЧК врачи, он ещё должен был узнать в конце июля того рокового 21 года, что в Петрограде начались массовые аресты, что хватают интеллигенцию, учителей, учёных, даже профессоров университета, арестовывают поэтов и художников, что 3 августа арестован и его соперник по поэтическому цеху молодой, полный сил Николай Гумилёв... А ведь Блок недолюбливал его, считал излишне заносчивым, непомерно много мнящим о своём таланте. Ещё не так давно он довольно резко отзывался о его поэтической манере и обо всём акмеизме вообще в своей статье «Без божества, без вдохновенья...»: «Новое направление Н. Гумилев характеризовал тем, что «акмеисты стремятся разбивать оковы метра пропуском слогов» (что, впрочем, в России поэты делали уже сто лет), «более чем когда-либо вольно переставляют ударения» (?), привыкли к «смелым поворотам мысли» (!), ищут в живой народной речи новых слов (!), обладают «светлой иронией, не подрывающей корней

веры» (вот это благоразумно!), и не соглашаются «приносить в жертву символу всех прочих способов поэтического воздействия» (кому, кроме Н. Гумилева, приходило в голову видеть в символе «способ поэтического воздействия»? И как это символ — например, крест — «воздействует поэтически»? — этого я объяснить не берусь)».

Довольно язвительные высказывания Блока о творческом методе Гумилёва и акмеизме вообще объясняются неприятием отрицания Гумилёвым заслуг символизма перед русской поэзией, а для Блока поэт мог быть только символистом. «Не символист — не поэт», говорил он. Но ведь и Гумилёву были сродни понятия «тайной свободы», космоса, хаоса и преодоления хаоса через культуру. Возможно, перед своим концом он осознал многое в идеях Александра Блока: так, самое известное «позднее» стихотворение Гумилёва «Заблудившийся трамвай» всё насыщено неясными символами и проникнуто духом неупорядоченного хаоса, который художник через странные наплывы видений и образов различных эпох, через которые везёт его «заблудившийся трамвай», пытается как-то осознать, упорядочить и выстроить в некую гармонию жизни, но... у него это не всегда получается и концовка стихотворения провисает...

*...Где я? Так томно и так тревожно
Сердце моё стучит в ответ:
Видишь вокзал, на котором можно
В Индию Духа купить билет...*

*Вывеска... кровью налитые буквы
Гласят — «Зелённая» — знаю, тут
Вместо капусты и вместо брюквы
Мёртвые головы продают.*

*В красной рубашке, с лицом, как вымя,
Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими
Здесь, в ящике скользком, на самом дне.*

*А в переулке забор дощатый,
Дом в три окна и серый газон...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите скорее вагон...*

В стихотворении реальные артефакты жизни превращаются в провидческие и страшные символы, которые действи-

---

тельно вскоре обернутся гибелью поэта Гумилёва, и будет мёртвая голова его лежать на дне смрадной ямы, которую перед смертью чехистские палачи заставят вырыть самих же приговорённых...

Но этого Александр Блок уже не узнает. Как быть, если бы не его болезнь, которую так успешно «лечили» стрихнином отравители, прикидывавшиеся врачами, возможно и его бы, как Гумилёва, приговорили бы к «высшей мере социальной защиты» за «недоносительство известного контрреволюционного факта», то есть за то, что не донёс на своих друзей и знакомых, но он умер раньше чудовищного приговора, когда в один момент в ночь на 24 августа было расстреляно более 60 человек — весь цвет петроградской интеллигенции во главе с профессором Таганцевым. А потом расстрелы продолжались и в других местах, а не только на Лисьем Носу. Существует легенда, что когда приговорённых выстроили перед свежевыкопанной ямой, то пришёл приказ — освободить поэта Гумилёва — Горький вымолил его жизнь у Луначарского, а Луначарский у Ленина. И вот объявили: «Поэт Гумилёв, выйти из строя!» На что Николай Степанович ответил с вызовом: «Здесь нет поэта Гумилёва, здесь есть офицер Гумилёв!» И не вышел из строя. И был расстрелян... Возможно — это только легенда, но очень характерная для всего образа и личности великого русского поэта, который мог бы стать наследником Блока, подхватить факел русской поэзии из его слабеющих рук, как некогда Лермонтов подхватил этот факел из рук умирающего Пушкина. Они действительно были похожи — Блок на Пушкина, Гумилёв на Лермонтова, только эпоха им досталась куда как более жестокая...

*...Может быть, такой же жребий выну,
Горькая детоубийца — Русь!
И на дне твоих подвалов сгину,
Иль в кровавой луже поскользнусь,
Но твоей Голгофы не покину,
От могил твоих не отрекусь.*

*Доканает голод или злоба,
Но судьбы не изберу иной:
Умирать, так умирать с тобой
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба!*

Это строки из стихотворения Максимилиана Волошина «На смерть Блока и Гумилёва», написанные в 1921 году.

Глеб ГОРБОВСКИЙ (1931 — 2019)

К 90-летию со дня рождения

Глеб Горбовский — русский поэт и прозаик, творчество которого наполнено тревожным дыханием времени, освещено любовью к русскому человеку, к истории России, к её национальной стихии.

Глеб Яковлевич родился в 1931 году в городе Ленинграде, в учительской семье. Отец по доносу был арестован, ребенка воспитывала мать. Летом 1941 года он оказался в городе Порхове, который был оккупирован немецкими войсками. Оставшись беспризорным, батрачил на латышских хуторах, бродяжничал, попадал в детский дом, в колонию для несовершеннолетних, совершил побег и, наконец, добрался до Ленинграда, а затем — к ссыльному отцу, который преподавал в сельской школе деревни Жилино, где тот и помог сыну закончить семилетку. В 50-е годы, вернувшись в Ленинград, учился в ремесленном училище, в Ленинградском полиграфическом техникуме. Три года служил в армии, в стройбате, работал слесарем, грузчиком, был рабочим в геологических экспедициях на Сахалине, Камчатке и в Средней Азии.

Стихи Глеба Горбовского стали появляться с середины 50-х годов в «Ленинградском альманахе» и в газете «Смена». В 1960 году вышел первый сборник стихов «Поиски тепла», а после него вышло более 20 сборников.

В их числе — «Косые сучья» (1966), «Тишина» (1968), «Монолог» (1977), «Крепость» (1979), «Черты лица» (1982), «Падший ангел» (2001) и ряд сборников детских стихов. Два сборника: «Окаянная головушка» (1999) и «Распутица» (2000) были отмечены литературными премиями.

ЛАРЕЦ

В 1963 году Глеб Горбовский стал членом СП СССР. Жил в Ленинграде, в летнее время, в последние годы, — в Комарово. Похоронен на Богословском кладбище Санкт-Петербурга.

Глеб Горбовский входил в состав правления СП СССР, стал лауреатом государственной премии РСФСР им. Горького (1984) и Царскосельской художественной премии (2016).

ЖИВОЙ РОДНИК

МЫ ОТ МИРА СЕГО

Над твоим изголовьем — бетон и стекло,
над моей колыбелью рябина склонялась.
Нам с тобой повезло: мы от мира сего,
и работает сердце — ещё не унялось.

Оглянись на Россию, на дивный рассвет.
Куликовское поле услышь под копытом.
Как там Сергей промолвил? «Скачи, Пересвет!»
И добыта свобода. И кровь не забыта.

Мы от мира сего, от земли, от ума.
Нам в своей цитадели светло и уютно.
Но случись басурманы — найдется Козьма,
и Пожарский найдётся: нам это не трудно...

Эй, которые там расседлали коней,
отойдите в сторонку: над миром тревожно.
Нужно память очистить от копоты дней
и ладонь козырьком приподнять осторожно.

Повторяется всё. Неизменна любовь
к этим песням, полям, материнской рябине.
Мы от мира сего, от которого кровь
в наших жилах и в лютую стужу не стынет!

* * *

Мы ночуем в степи. Ни куста, ни креста.
Только ветер рождает дремотные вздохи.
Здесь порой заносило песком города,
ковылём с головой зарастали эпохи.

Хорошо... Как в тургеневской прозе, в ночном...
Тишина. Как тогда — до Электроэдема...
И старинные мысли всегда об одном:
о грядущем России — нетленная тема.

От себя не уйти — ухожу от костра,
от палатки, от ленточных песен магнитных.
Может, всё-таки стоит дожить до утра,
чтобы чуточку глубже в усталость проникнуть?

Заплетаются ноги в отжившей траве,
Появляются птицы, но как-то не к месту:
словно шальные мысли в седой голове,
что приходят за кроткую юность — в отместку.

* * *

Да святится имя твоё, Земля!
Мне, ступившему на твои поля,
разреши любить тебя, допусти
до твоих щедрот, до тепла груди.
Ты доверься мне: я ведь есть твой сын.
Без ружья иду, мужиком босым.
Не топтать травы, не деревья класть —
отдохнуть хочу, отдышаться всласть...
А пришли дожди, а сошла листва, —
растерялся я, устоял едва!
Остуди мой ум, вразуми, Земля!
Вот, иду к тебе по лугам, пыля...
Так мой дед ходил по тебе косцом.
На твоё лицо упаду лицом,
прокушу ручей, в грудь впущу струю
и, прости, пойду — возвращусь в семью:
там, в стране людей, в стране разума,
жить и здравствовать мне приказано,
мне, взошедшему на твои поля...
Да святится имя твоё, Земля!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Проходят цветные красивые годы,
и я возвращаюсь на землю. Здесь деды
ходили в белёных портках на работу
на чёрные пашни под зори-рассветы.

Вот и я возвращаюсь, снимаю ботинки
и вешаю вместе с сумою на посох.
И нету на сердце моём ни пылинки;
ни малой грустинки. Всё сбыл и отбросил.

Прощайте, попутчики, я возвращаюсь
на тёплую родину хлебного злака.
И тянет уже из-за озера шами.
И я, как зерно, возвращаюсь, как влага.

И вот уже песня моя, как росточки,
как всходы на ниве... И зелен я, зелен.
И стройная роща в сиянии ночи
стоит надо мной, надо мной, как над всеми.

ПИСЬМО

На дне окопного оврага
добыл я гильзу от стены.
А в ней — истлевшая бумага,
письмо, пришедшее с войны.

Должно быть, кто-то перед боем
смочил графит карандаша
и с перемазанной губою
писал, как думал, не спеша.

Вручал слова бумаге брэнной,
писал, склоняясь к фитилю.
...И вот слова сожрало время.
И лишь одно сквозит: «люб-лю».

Одно осталось... Но упрямо
горит сквозь всё, что в жизни есть!
...Что он «лю-бил»? Отчизну? Маму?
Иль ту, которую?.. Бог весть.

Любил, и всё. Не по приказу.
А по приказу — он в тот раз,
наверно, встал и умер сразу.
И вот воскрес.
Во мне.
Сейчас.

КОСТЁР

Мы возводили этот костерок,
как только звёзды прикасались к зрению.
И, словно к зелью, к нервному горению
мы привыкали, выйдя за порог.

Я корчевал коренья про запас,
готовил пищу трепетному зверю...
И только день вымахивал за двери,
мы шли молчать... Но разговор не гас.

Я спрашивал: что любишь ты в костре?
Ты отвечала: жизнь, её дыханье.
Ведь что такое это полыханье? —
осколок солнца на твоём дворе...

А я вещал, что пламя — это смерть:
сгорает плоть, летит на землю прахом...
И не герой, не трус, объятый страхом,
а — каждый смертный должен это сметь!

...Но звёзды неба и земные травы —
те утверждали, что мы оба правы.

ЖИВОЙ РОДНИК

Не выбирал — сложился признак
судьбы: как вещая рука,
всегда вела меня по жизни
та или эта, но — река.
Не море рьяное, не заводь,
не гладь стоячая озёр,
не буйство чувств, не стыд, не зависть,
но — ровный ток души в простор!
Нева родимая, а возле
Шелонь — река моей войны;
Шексна армейская и Волга —
река любви, река страны!
Блужданий реки и скитаний —
Амур и Лена... Всех не счесть.
Но вот ещё: река свиданий
с собою (и такая есть) —

Двина! Точней её верхушка,
спешит по Белья Руси.
Река — клюка, река — старушка,
мой лик усталый отрази!
Неси меня, как вздох гармошки,
туда, в заречье, в синий лес...
Всё позади. Подумать можно.
И улыбнуться... В глубь небес.

ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ

Александру Панченко

Да, всё оказалось не просто;
разруха в судьбе и в стране.
Родимый Васильевский остров,
должно быть, забыл обо мне...

Туда, где рассветы нетленны,
где Ладогой дышит Нева, —
меня не пускают сирены,
сосущие мозг существа!..

Скитаясь по странам и весям,
я гимнов уже не пою.
Шепчу я уставшие песни,
питавшие юность мою.

Погодка свистит продувная,
душа коченеет и плоть...
И всех, кто меня вспоминает,
спаси и помилуй, Господь!

* * *

Истлевающий мартовский снег.
Умирает зима... Вызревает
птичий щебет и девственный снег,
и земля живая — вздыхает.

Я давлю сапогами мокреть,
я в распахнутом рею пальтишке!
Доживаю последнюю треть —
отвергаю любовь и излишки.

У меня уже сердце болит.
Дух мой пальцами смят и захватан.
И весна ничего не сулит
мне усмешкой своей вороватой.

Правда, будут цветы... Не на гроб,
а в садах и лугах появляться.
Будут волосы падать на лоб,
и персты на него возлагаться.

СВЯТОГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Михаилу Дудину

Воистину теперь Святые горы —
святые камни... Освящённый вечер...
Могучие ступени, по которым
поднялся я на холм, а Пушкин — в вечность...
Литые валуны легли в ступени.
Века по ним — на цыпочках проходят...

Так вот в какую землю влился гений,
где молнией вонзился на излёте...
А на холме кленовые колосья.
А холм, как будто слиток, золотится...

У светлого надгробья — дышит осень.
И хочется не плакать, а молиться.

СВОБОДА

Не помышляя о свободе,
жить, поглощая дробь секунд...
В крови, в желаниях и в поте —
твой разум мысли иссекут!

Ты в межпланетном аппарате
достиг безмолвия луны...
Свобода? Или тесный кратер,
где ты умрёшь от тишины?

Или под парусом на море
в лодчонке утлой — ширь, простор!

Свобода? Или боль во взоре,
соль, разъедающая взор?

В пустыне знойной и песчаной
иль в Антарктиде ледяной —
Свобода? Или звон печальный
песчинок-льдинок — в страх длинной?

А, может, сняв судьбы вериги,
встав пред иконой иль крестом,
захлопнув уши, двери, книги,
открыть себя — перед Христом?

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ ЧУДО

ПРОСТЫЕ ИСТОРИИ

В жизни каждого случаются минуты, когда, раздвинув чадный покров, мелькает ослепительной белизной рука Ведущего.

Архиепископ Иоанн Сан-Францисский

МЫ ЗА ВАС МОЛИМСЯ

У моей школьной подруги пятеро детей и очень непростая личная жизнь. Об этом я узнала, когда мы встретились с ней спустя сорок лет после окончания школы. Интернет помог нам найти. Оказалось, живёт Нина теперь неподалеку от меня в небольшом городишке средней полосы России.

Мы встретились с ней — и проговорили весь день без остановки. Вот тогда она и рассказала мне историю, как осталась одна с детьми на руках. История банальная: муж нашёл другую, а на вопрос, как же он мог так поступить, ответил кулаками. Целый месяц провалялась моя Ниночка в больнице с отслоением сетчатки глаза, света белого не видя в прямом смысле слова. А тут ещё в Кишинёве, где она тогда жила, наступили новые времена. Квалифицированный врач, осталась она без работы, потому что русских

СИМВОЛ ВЕРЫ

морально уничтожали. И чтобы прокормить пятерых детей, мал мала меньше, пошла моя Нина полы мыть. В общем, пришлось ей уезжать тогда в Россию и начинать тут жизнь сначала.

Сейчас, слава Богу, всё у неё хорошо, если не считать, что двое её детей в годы развала Советского Союза оказались в Америке, и видит она их очень редко. У сына дела там идут неплохо, а дочь, которая вышла замуж «по интернету», после развода живёт трудно, но вернуться в Россию уже не может, так как там у неё родился сын, гражданин другой страны. У троих дочерей, которые приехали с матерью в Россию, тоже не всё гладко.

Работает Нина участковым терапевтом, заработки небольшие. В общем, всё, как у многих. Скорбей хватает.

Когда после разлуки величиной в жизнь Нина приехала ко мне в первый раз, я, конечно же, потащила её в наш Свято-Успенский женский монастырь. Рассказала, что он был основан здесь в XVII веке, закрыт при советской власти и возрождён в 1991 году. Про знаменитую Александровскую слободу, где пятьсот лет назад правил Иван Грозный, она и сама была слышана. Сначала пошли мы с ней на музейную экскурсию. А потом, говорю, в Троицкий собор с тобой пойдём. Она было засомневалась. Надо ли? Везде чудилась ей тень Ивана Грозного... Ведь Троицкий собор — это один из его бывших домовых храмов. Всё-таки уговорила я её. Музей — это одно, а монастырь — совсем другое, хотя сегодня они в одном месте сошлись.

Вошли мы в храм — и вдруг Нина моя слезами залилась. А человек она абсолютно нецерковный и в силу своей профессии отнюдь не сентиментальный, слезу из неё выжать трудно. А тут — почти в голос рыдает. Уже после мне рассказала, что всю свою жизнь здесь выплакала, всю душу слезами омыла. И так легко ей стало, так радостно...

В следующий раз Нина, когда приехала, в монастырь уже сама побежала. За детей помолиться, свечи поставить, записочки написать. Возвращается оттуда — и прямо с порога меня спрашивает:

— Ты зачем монахиням в монастыре про мою жизнь рассказала?

Я опешила.

— Ничего я никому не рассказывала... А что случилось-то?..

— Не знаю тогда, как такое может быть... Не понимаю!.. — восклицала подруга.

— Да расскажи толком, что случилось...

Немножко успокоившись, Нина рассказала, как зашла она в иконную лавку и спросила, какие молитвы ей нужно за детей своих заказать, чтобы всё хорошо у них было... И сколько это будет стоить...

— Ничего не надо заказывать, — глядя ей прямо в глаза, спокойно ответила монахиня. — Мы за вас и так молимся... И за тебя, Нина, и за твоих пятерых детей тоже, и за внуков... — и перечисляет всех по именам... — А дочка твоя скоро родит тебе ещё одного внука...

Нина смотрит на неё — и такое у нее состояние, будто это не наяву, а во сне происходит... Потому что как такое может быть...

Вышла она из иконной лавки — слёзы текут, глаза туман застилает, ноги подкашиваются... В кулаке деньги зажаты, которые монахиня не взяла...

— А как она выглядела, инокиня эта? — тормошу я её. — В иконной лавке там старушка работает, маленькая такая...

— Нет, эта молодая была, высокая, а лицо... Ну, знаешь, даже трудно его описать... Как на иконах пишут... Разве такое бывает?... Я думала, что это ты им всё про меня рассказала...

Спустя месяц Нина приехала в монастырь с дочкой, которая ждала ребёнка. Вскоре Настя родила сына.

Я И «ПЕЧКА»

Было мне тогда уже за сорок. Семья. Работа. Подрастающие дети. Никакой, как говорится, личной жизни. И на смену лёгкому разочарованию, что всё интересное уже позади, а впереди только увеличивающиеся заботы и гипотетическая старость, незаметно подкрались мысли о смысле жизни. Зачем всё это было нужно? Вот так родиться, привести за собой на этот свет детей, помучиться, а потом всем умереть? Какой в этом толк?..

В поисках этого самого смысла в разбродные 90-е годы куда меня только не заносило... То вслед за Рерихами очаровывалась я агни-йогой, то по следам Порфирия Иванова ныряла в снежные сугробы... Бросаясь то в одно, то в другое, стала изредка и в храм заглядывать. Правда, бабушка в церковь меня ещё в детстве водила. И ничего нового с той поры там не появилось. Так же горят на подсвечниках свечи. Так же торжественно-размеренно идёт служба. Так же крестятся люди, иногда падая на колени. А я стою среди них — и ничего не понимаю. Особенно странно, когда у тебя под ногами кто-нибудь расплывается, а ты возвышаешься столбом и думаешь: «Молодая девушка, не бабуля какая-нибудь, стоит на коленях, лбом в пол... Что ею движет? Почему у тебя нет такой потребности, а у неё есть?..»

Однажды знакомый мужчина то же самое про себя мне рассказал. Как все на колени в церкви упали, только он один остался. И вот, говорит, стою я, по сторонам глазею и вижу: а ведь не один я такой, вдвоем мы — я и печка церковная. Стыдно ему стало. Вот тогда и рухнул он на колени.

А я всё никак в толк не возьму... Зачем?.. Пока не случилась и у меня своя «печка»...

Было это в 1996 году, когда в Москву со Святой Горы Афон привезли мощи великомученика Целителя Пантелеимона. Вообще-то раз в год их переносят к подножию Горы для поклонения. Однако на этот раз произошло невероятное: усечённая глава святого в специальном серебряном ковчеге была привезена в Россию.

Мы целой группой тогда в столицу поехали во главе с батюшкой. Поклониться Целителю Пантелеиму — это дело святое. Ведь у него можно здоровья попросить, а у меня дети без конца болеют, мне обязательно «чудо исцеления» нужно. За детей я на всё готова. Даже когда очередь увидела, такую громадную, какую никогда в жизни раньше не видела, всё равно решила, что буду тут день и ночь стоять, только чтобы дети выздоровели.

И вот стоим мы час, два, три, четыре... И мысли у меня только о детях... Как могу, к святому обращаюсь, прошу его дать им здоровье... А очередь движется потихоньку... Все ближе, ближе... Монахи объясняют, что останавливаться у святого ковчега не нужно, только приложиться к нему — и быстро дальше проходить, потому что народу очень много... А все свои просьбы надо заранее сформулировать... А мне что формулировать — я уже несколько часов про себя их формулирую... И вот дохожу я до ковчега — и вдруг как будто свет в храме вспыхнул, так что дрожь по всему телу прошла, а ноги сами собой подкосились, сами в коленях согнулись, будто кто-то сверху мягко, но властно мне на плечи надавил... Тут толпа меня дальше протолкнула, а я на колени рухнула и слёзы из глаз брызнули...

Не знаю, сколько я так простояла, пока люди не помогли мне подняться... И сразу потемнело в церкви, будто свет выключили... Долго ещё ноги у меня дрожали... Вот, оказывается, что такое священнный трепет — мелькнуло у меня в голове... А раньше-то я считала, что это просто красивые слова...

ПРОСТОЙ СЛУЖИТЕЛЬ БОЖИЙ

Все мы хотим верить в чудо, но когда оно происходит, склонны считать это случайностью или совпадением. А раз-

---

ве не бывает так, что, желая чуда, даже прося о нём, в глубине души не верим, что оно произойдёт? Да, мы постоянно слышим рассказы о том, как кто-то исцелился, но при этом думаем: а так ли всё это было? Может, рассказчик уже что-то и присочинил. Да не может этого быть, чтобы кто-то действительно отбросил костыли — и вмиг стал здоровым, пошёл на своих ногах... Всё-таки люди, наверное, преувеличивают, выдают желаемое за действительное. Как это может быть, что нарушаются физические законы?.. Словом, как Фоме неверующему, нам нужно непременно вложить персты в рану.

Но чудо происходит. И случается это так просто, так обыденно, что мы снова сомневаемся: а было ли оно? Может, это всё-таки совпадение?

У меня была назначена встреча с батюшкой — протоиереем Николаем. Он служил в то время в храме Боголюбской иконы Божией Матери. Все в Александрове знают эту церковь, история которой началась ещё в XVIII веке, когда на местном кладбище была поставлена деревянная часовенка. Позже на этом месте был построен каменный храм, который в советские времена пережил ту же трагедию, что и большинство монастырей и церквей России. В 30-е годы XX века здесь была устроена базарная площадь. Кладбище было утрачено, а церковь разрушена до основания. Возродилась она в 90-е годы. И отец Николай служил здесь до самой своей кончины.

И вот однажды пришёл он ко мне на работу, чтобы прочитать текст интервью, подготовленного для газеты. Входит в кабинет — а я, вместо того чтобы подойти под благословение, отскакиваю от него со словами:

— Отец Николай, не подходите ко мне, я заболела... Наверное, грипп... У нас все болеют... Читайте скорее текст — и я поеду лечиться...

— Ничего страшного, — спокойно говорит батюшка и кладёт руку мне на голову. И вдруг я реально ощущаю, как моя головная боль перетекает в его руку. Это было так просто и так очевидно, что совершенно не было похоже на «чудеса исцеления»...

Мы закончили работу — и я отправилась домой, потому что не верила, что действительно мгновенно исцелилась, и всё ждала, что болезнь вернётся, и нужно предпринять какие-то меры, чтобы не было осложнений. Но она не возвращалась. Она бесследно испарилась, едва начавшись...

Отца Николая уже нет на этом свете. Он уже у Бога. Простой, обыкновенный, с виду ничем не выдающийся батюшка из маленькой церквушки российской провинции... Служитель Божий. Проводник «чуждости» Божьих дел...

До 90-х годов многие из нашего поколения были тёмными, про святых, например, почти ничего не знали. Ну, про Сергия Радонежского что-то слышали, про Серафима Саровского, про Николая Чудотворца... А тут — Александр Свирский. Кто таков? Оказалось, прозорливец и чудотворец Руси Средних веков, жил почти 500 лет назад.

Скажу несколько слов о Свято-Троицком Александро-Свирском монастыре, который находится примерно в двухстах километрах от Петербурга. Здесь покоятся мощи святого. Рядом построена часовенка Живоначальной Троицы — на этом месте Александру Свирскому явился Бог в Трёх Лицах. Это единственный известный нам святой Нового времени, который удостоился такого Посещения.

Александр Свирский был причислен к лику святых через 14 лет после своей кончины. Его нетленные мощи первый раз были обретыны в начале XVII века. Святой выглядел почти так же, как и при жизни. Полностью сохранились кожные покровы, тёплые на ощупь, нетленной была даже одежда, а само тело было невероятно лёгким — будто вся вода из него чудом испарилась и заменилась воздухом. При обретении мощей произошло немало чудных явлений: святые останки мироточили и благоухали так, что в храм слетались пчёлы. В XIX веке с мощей была написана икона святого — практически портрет, настолько они сохранили его черты. Мощи Александра Свирского покоились в монастыре вплоть до прихода к власти большевиков. В 1919 году монастырь был разорён, а останки святого увезены в Петроград.

Второе обретение мощей произошло в 1998 году. Так же, как и при первом их обретении, наблюдалось обильное мироточение и благоухание.

Обо всём этом я узнала из книжки, занимаясь её корректурой. Особенно, помню, поразило меня, как некоторые учёные, которых пригласили в комиссию «по изучению мощей святого», после этого «изучения» ушли в монастырь. Мироточение было настолько обильным, что с точки зрения науки это не поддавалось никакому объяснению.

После издания книги подруга моя, редактор, поехала с супругом в Александро-Свирский монастырь. И вот сижу я на работе, а в кабинет входит её муж Валентин.

— Валечка, вы уже вернулись?

— Да, сегодня приехали, — и ставит мне на стол святое маслице от преподобного Александра Свирского, а ещё протягивает какую-то фотографию.

Я взглянула на неё и поняла, что это и есть та икона, которая была написана с мощей Александра Свирского в XIX веке. Ну, просто живой человек. Вот такая необычная икона.

Валентин вышел, а по комнате распространился необыкновенный аромат. Я схватила бутылочку с маслом, стала нюхать — нет, пахнет просто маслом. Нюхаю фотографию — тоже обычный запах. А аромат — прямо пеленой растекается по кабинету.

Прихожу домой, звонит мне одна знакомая, рассказывает, как приходил к ним сегодня Валентин, принёс маслице, просфорку и икону Александра Свирского — и как по всей квартире распространился чудесный запах.

Очень мне хотелось самой в монастырь съездить, поклониться Александру Свирскому. Но всё недосуг. И вдруг стихийно, в один момент собрались — и в канун маминых именин отправились в путь. Тяжёлое это было для меня время: три недели после смерти мамы. Приехали. Зашли в храм. Никого. Просто удивительно. Оказалось, завтра — День памяти святого. Всё завтра. А сегодня — стой у раки с мощами хоть весь день и молись. Побывали мы на месте явления Александру Свирскому Пресвятой Троицы, набрали с того места песочек. А когда засобирались домой, я глазами стала искать священника, чтобы взять благословение на дорогу.

— Где найти священника? — спросила женщину, которая мыла пол в храме. — Благословение взять...

Она с недоумением на меня взглянула — и кивнула в сторону раки.

— Зачем вам священник? Вот же хозяин... Он и благословит...

Поразившись тому, как мало я в жизни понимаю, подошла к мощам...

Так было ли чудо? В обывательском понимании этого слова — не было. А на самом деле — было. Не внешнее — внутреннее. Что-то вдруг открылось мне о самой себе, о чём я не подозревала. И то, как далека я от духовной жизни, хоть и считаю себя «воцерковлённой», и то, как много у меня иллюзий. Но самое главное, увидела я, что стою здесь, как на райском островке, а там, за этими стенами, простирается крошечный ад земной, в котором мы живём, почти его не замечая. И ещё многое другое приоткрылось мне — настолько личное, что я оставляю это при себе...

ПО ЗОВУ НЕБЕС

В моей журналистской работе был такой случай. Произошло это примерно в середине 90-х годов прошлого уже века.

Иду по улице и встречаю одного из героев своего прошлого очерка. Очень интересный, широко образованный творческий человек, мужчина в расцвете лет. Но всё никак найти себя не мог. Писала я о нём, поскольку из художественной мастерской его занесло в общеобразовательную школу, где он создал некий «островок радости», обучая детей рисованию.

Года два, наверное, мы с ним не виделись, а тут иду — а он навстречу мне... в рясе священника. Я просто обомлела: он ли это? И глаза другие, и борода седая, как будто прошло лет десять, как будто это и не он вовсе, а его старший брат. Разговорились, и отец Евгений поведал мне, какой крутой жизненный поворот случилось ему пережить.

Сначала он тяжело заболел, боли были нестерпимо сильными. И вот однажды во время очередного приступа взгляд его упал на икону (они были развешаны по квартире в качестве «произведений искусства»). Взглянул он на Спасителя — и взвыл о помощи.

Помню, в этом месте я не выдержала и выдохнула: «И что, чудо произошло? Исцелились?..» Очень уж мы, люди, на чудеса падки. Чтобы раз — и выздоровел человек.

— Нет, — улыбнулся батюшка, — не исцелился я тогда, но в тот момент боль у меня действительно прошла, и это было настоящее чудо. Удивился я очень и решил в церковь пойти, со священником поговорить.

Отец Георгий его выслушал, подсказал, что делать, они подружались. Стал будущий батюшка прихожанином храма Рождества Христова. А вскоре и врач нашёлся, и операцию удачно сделали, покатила жизнь дальше.

Однажды друг-священник обратился к нему с просьбой: ты художник, учитель, человек образованный, поработай в воскресной школе с детишками. Да, конечно, обрадовался тот, почему бы и не помочь, опыт работы с детьми имеется. Месяц трудится, второй, а признаться, что не хватает ему знаний для этого дела, стесняется. Наконец, не выдержал: не могу, говорит, батюшка, никого ничему научить, сам ничего не знаю. А священник невозмутимо ему отвечает: «Не знаешь — учишь, пошлём тебя в областной город, пусть владыка тебя на курсы определит».

Ну, деваться некуда, поехал, лишних знаний не бывает, авось и эти пригодятся. Не знал он тогда, что в это время к владыке из маленького городка приезжали прихожане и просили построить у них церковь. Не знали тогда и эти люди, что их будущего батюшку Господь к строительству церкви уже готовит. Сам же он учился, чтобы преподавать в воскрес-

---

ной школе. Но вот окончил курсы — и стал сначала дьяконом. Вот когда поплакать пришлось. Много надо было учить наизусть, трудно было, совсем ведь не собирался он служить, жалко было ему и своей карьеры — и художника, и учителя, — чуждо ему было новое дело, внутренне противился он. Да ещё и в семье раскол произошёл, жена ни за что не желала попадётся становиться. Но отец Евгений почему-то ничего не мог сделать, всё происходило не по его воле, и ему ничего не оставалось, как смириться. Вскоре его рукоположили в священника и направили строить церковь в тот самый городок, откуда прихожане приезжали.

И построил! И семья, в конце концов, воссоединилась!

— Сначала я думал, — сказал мне отец Евгений, — что всё потерял. А потом оказалось, что всё ко мне вернулось сторицей: и служу, и учу, и иконы пишу...

В то время история эта произвела на меня большое впечатление. Но только теперь, когда прошло уже много лет, когда и саму меня Господь привёл в Церковь, я начала понимать, что это и есть естественное проявление Бога в жизни человека.

С той поры, как был написан этот небольшой рассказ, прошло немало лет. За это время оба священника, о которых здесь шла речь, ушли ко Господу. Отец Георгий похоронен в ограде Стефано-Махрищского монастыря, где служил последние годы жизни. А отец Евгений упокоился рядом с Троицким храмом, взорванном в 1937 году и восстановленном им вместе с прихожанами в начале двадцать первого века.

МЕСТА ДЛЯ ГРЕШНИКОВ

Когда Татьяна приезжает в город Владимир, она всегда приходит в древний Успенский собор. Камень в фундамент храма был заложен ещё самим великим князем Андреем Боголюбским. Здесь венчались на царство владимирские и московские князья. В соборе по сей день сохранились фрагменты фресок знаменитого Андрея Рублёва.

На этот раз Татьяна приехала в областной центр, чтобы поддержать свою ученицу, которая участвовала в музыкальном конкурсе. Приехала, несмотря на то, что незадолго до этого сломала ногу и ходила с палкой. После мероприятия похромала женщина в храм. Хотела подойти к иконе Целителя Пантелеимона и помолиться: и за себя, и за свою заболевшую сестру.

И вот входит она в свой любимый Успенский собор — а там такая тьма народу, что просто не протолкнуться. Стала

она протискиваться сквозь толпу — икону Целителя искать. И туда, и сюда — никак найти не может. Стоит, пригорюнившись, — и вдруг кто-то сзади её в спину тычет и громко спрашивает:

— А где тут места для грешников? Где мне встать?

Обернулась она — видит, бомж какой-то, страшный, грязный, оборванный. Побрезговала она с ним говорить, ничего ему не ответила, на другое место перешла. Проходит несколько минут — а он опять возле неё, за рукав дёргает:

— А где тут места для грешников?..

Снова перешла она на другое место. А через несколько минут — снова он рядом:

— А где тут...

Досадно стало Татьяне. Икону Целителя Пантелеимона так и не нашла, да ещё этот бомж прицепился... Пошла она в иконную лавку. Хоть свечи купить да записку о здравии написать. А бродяга снова тут. Всех вокруг толкает и свой вопрос без конца задаёт. Но никто из прихожан ему не отвечает, шарахаются от него, как от прокажённого.

— Да куда ж мне встать? — вопит старик. — Ведь замучил бес меня совсем. Сидит на моём левом плече — всё ухо мне изгрыз...

Обернулась Татьяна — а прямо перед глазами у неё это изгрызенное ухо торчит. Так страшно ей стало — снова отшатнулась она, в сторону отошла. А старушка, что в иконной лавке свечами торгует, вдруг тихо так, ласково бродяге этому говорит:

— Да где хочешь становись, милый... На любое место... Все мы тут грешники...

И он вдруг в мгновение ока стих, голову опустил и стал молиться. И так хорошо стало вокруг, так спокойно... Подняла Татьяна глаза, а прямо перед ней — икона Целителя Пантелеимона...

ЖИВЫЕ ПОМОЩИ

Пишу эти строки и думаю: «Почему же многое, о чём говорится в этих историях, произошло в 90-е годы?» Да, не специально, но так получается, что многое случилось с нами и нашими близкими именно в то время. Это не значит, что сейчас такого не происходит, это значит, что в тяжёлые 90-е Бог был так близок к нам, потому что мы всей душой к нему потянулись, открывая для себя существование духовного мира, о котором многие из нас в советские времена не подозревали.

И у каждого из нас в ту пору были свои страдания, через которые мы шли ко Господу.

Когда в городе разрушили радиозавод, полгорода в одиночестве лишились работы. Потерял её и Сергей. Он был уже в летах, ехать в Москву, как это сделали молодые, ему было не под силу. Он затосковал. Да так сильно, что слёг. Целыми днями валялся, отвернувшись к стенке, и смотрел в одну точку. А потом и лежать стало в тягость. Жена с ужасом стала замечать, как пристально он вглядывается во всё, к чему можно привязать верёвку. Стала его уговаривать, рассказывала, что недавно ходила в церковь, — и ей стало легче. Но он равнодушно смотрел на супругу — и снова отворачивался к стене.

«Что же делать? — металась женщина. — Как помочь, если никакие слова не помогают?..» И тут она вспомнила, что купила недавно в храме маленькую иконку Иисуса Христа и чёрную ленту с молитвой «Живые помощи». Старушка в иконной лавке ей посоветовала. Поставила она эту иконку на столик, зажгла свечку, стала на колени — и, прямо в голос, рыдая, стала молитву на этой ленте читать:

«Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небесного водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него...»

Даже тот, кто очень далёк от церкви, возможно, сталкивался в своей жизни с этой молитвой. К примеру, ею могла благословить в дорогу бабушка, повязав чёрную ленту с текстом вокруг пояса кого-нибудь из домочадцев.

Вообще же, молитва, которую в народе называют «Живые помощи», — это 90-й псалом Псалтири, одной из книг Ветхозаветной Библии. Тексты псалмов, или гимнов, были написаны ещё в IX—X веках до нашей эры.

Молитва «Живый в помощи Вышняго» читается в безвыходной ситуации, в неизлечимой болезни, когда человеку нужна особая Божья помощь, указание дальнейшего пути.

Вот и сейчас, прочитала Аня «Живые помощи» — и стало ей легче, прямо от души отлегло. А муж так и лежит на диване.

И вот приходит она как-то домой, в доме тихо, заглядывает в комнату — а супруг стоит на коленях и со слезами на глазах читает с чёрной ленты «Живые помощи». Потом встал и ушёл. Поволновалась она, конечно, а он возвращается с таким счастливым лицом, какого она никогда у него не видела.

— В монастырь наш ездил, — сказал он. — Представляешь, монахини для меня одного пели? Я один там стоял, никого больше не было — и они для меня одного пели... Для меня одного... — всё повторял он. А я стоял и плакал. И так мне легко стало... Будто отпустило что-то.

Позже, когда он воцерковился, Сергей понял, что в монастыре в тот день была обычная вечерняя служба и что монахи не пели не для него, а для Бога. А если для Бога — значит, и для него.

КАК СВЯТОЙ ВАСИЛИЙ ВЕРТОЛЁТ СПАС

Эту историю рассказала мне Мария, с которой когда-то мы вместе работали на Игарской студии телевидения. К тому времени телевидение там давно закрыли, мы жили уже в разных местах — но она по-прежнему на Крайнем Севере. Маша работала тогда директором Игарского музея вечной мерзлоты. Многого повидала она, облетев на вертолёте весь Север, что для этих мест — дело вполне обычное.

И вот однажды в составе представительной группы во главе с мэром города она полетела в Туруханск, где до этого ещё не бывала. Делегация из Игарки была приглашена для обсуждения проблемы вхождения города в Туруханский район. У Марии тоже был свой интерес — познакомиться с местным краеведческим музеем. В сопровождении сотрудницы музея Светланы она обошла весь город. Они шли по заснеженным тропкам между старыми постройками, уже вросшими в землю, а экскурсовод рассказывала, что в таких домиках здесь когда-то жили ссыльные, в том числе и Ариадна Эфрон... Всё было интересно Марии, но время поджимало, она торопилась вернуться в администрацию к назначенному сроку. «Нет, — упрямо сказала Светлана, — вы обязательно должны побывать в нашем Туруханском монастыре. Там у нас мощи Василия Мангазейского находятся. Не беспокойтесь, без вас не улетят».

И она рассказала, как в середине XVII века на безлюдном тогда берегу Енисея высадился монах Тихон, который построил здесь часовню и келью. Через несколько лет рядом с ним собралось много братии и на месте часовни был возведён храм. Так возник монастырь Живоначальной Троицы, вокруг которого стали селиться люди и постепенно образовался город Туруханск, центр сегодняшнего Туруханского края.

В 1670 году игумен монастыря иеромонах Тихон перенёс сюда из находящейся неподалеку Мангазеи святые мощи сибирского первомученика — святого чудотворца Василия. Он принял мученическую кончину ещё в начале XVII века и был похоронен рядом с приказной избой. И уже вскоре появились сообщения об исцелениях людей в месте его могилы.

Мощи Василия Мангазейского находились в Троицком храме вплоть до XX века. Они были утрачены в 1921 году и вновь обреты в 1997 году. Сейчас они покоятся в том же Троицком храме древнего Туруханского Свято-Троицкого монастыря. Василий Мангазейский стал первым святым, прославленным на Сибирской земле. На иконах он изображён стоящим в молитве рядом с монастырём на высокой горе. В Сибири глубоко почитают святого чудотворца «за множество благодатных проявлений в помощи недужным, в скорби и отчаянии сущим». К его заступничеству обращаются «заблудившиеся и терпящие опасности путники».

Мария невнимательно слушала рассказ. Но когда они подошли к монастырю, а вход в него оказался закрытым, она облегчённо вздохнула, что сумеет вернуться вовремя. Между тем её проводница стала шумно стучать в ворота. Маша противилась: как-то неправильно это казалось — ломиться в двери... Но Светлана уверенно говорила, что открыть должны обязательно. Так и случилось.

И вот гостью подвели к раке с мощами святого мученика Василия Мангазейского. Просто постоит рядом, сказали, здесь исцеляются люди, здесь они просят святого об укреплении веры и спасении души...

В глубокой тишине прошло несколько минут. Мария была далека от церковной веры, она не знала ни о чём просить, ни как просить. Но она вдруг ощутила какое-то единение с этим святым местом, какого не испытывала никогда раньше. И тогда она мысленно стала просить не чего-то конкретного для себя лично, а о чём-то добром и хорошем для всех...

...Зря она расстраивалась, что не успеет вернуться к сроку. Неофициальная часть визита игарской делегации затягивалась, вылететь сумели только вечером. Экипаж 3 человека и больше 20 пассажиров.

— Все удобно разместились и при взлёте расслабились — летим домой! — рассказывает Мария. — Минут через 10 в салоне замигал и погас свет. За стеклом иллюминатора только вихри снега во тьме. Прошло ещё минуты две — и последовал небольшой толчок и шлепок. Такое чувство, что ехал с горки на санях и приземлился в мокро-снежную кашу. Стало понятно: случилось что-то непредвиденное.

В темноте искали свою одежду. Никто не кричал, но все хотели выйти, руками пытаясь определить, куда идти. Когда выбрались из вертолётa, под ногами была каша из воды и мокрого снега. Поднялись на какой-то холм. Командир попросил всех отойти подальше от машины, успокоил, что успел сообщить о вынужденной посадке, а значит, помощь при-

---

дёт. Разожгли костёр, врач перевязывал раненых. Примерно через час прибыли спасатели. Судя по их лицам, они не ожидали увидеть людей живыми.

Но все остались живы. Чудом живы. Специалисты констатировали, что в подобные ситуации вертолётчики попадали не один раз и, как правило, всё заканчивалось гибелью всех, кто находился на борту.

«Как удалось экипажу посадить наш вертолёт, — написала Мария в очерке о командире экипажа С.И. Стеценко, — остаётся загадкой до сих пор. Расшифровка радиопереговоров показывает, что ситуация развивалась стремительно. Отказ двигателей произошёл мгновенно один за другим... Нас спасло небольшое болото, покрытое снежной подушкой, мы плюхнулись именно на неё. Страшно подумать, что случилось бы с нами, упав машина несколькими метрами в сторону... Как удалось увидеть этот пятачок за доли секунды и заставить машину подчиниться в уже неуправляемом состоянии, думаю, это загадка даже для профессионалов. Экипаж действовал взвешенно, без паники. Командир, по сути, совершил чудо. Думаю, что этот пилот обладает какой-то особой интуицией, провидением. Рядом с его днём рождения — 4 ноября — теперь и наш второй день рождения...»

Ни в коем случае не хочу усомниться в подвиге пилота, но очень уж это «вынужденная посадка» похожа на реальное чудо, случившееся в канун дня Казанской Божией Матери после молитвы Марии «обо всём добром для всех» у раки хозяина этих мест Василия Мангазейского. Как он мог не «подстелить снежную подушку», мягко посадив на неё падающий вертолёт? Ведь он от века помогает всем заблудившимся в этих краях и терпящим бедствие.

УТЕШЕНИЕ РАДОСТЬЮ

Наконец-то свершилось: отправились мы с подругой в паломническую поездку в Дивеево. Вообще-то давно уж я в гости к преподобному Серафиму собиралась, да всё никак не получалось. Недаром, видно, поговаривают, что к нему не сразу ещё и попадёшь. Так ли, нет, да только действительно времени достаточно прошло от моего желания до его осуществления. То соберусь — да заболел внезапно, то поездку вдруг отменяют, то ещё что-нибудь приключится... А тут всё сложилось: сели в автобус — и вперёд! И день такой чудесный! Яркий, солнечный! В конце июня дело было.

Экскурсовод всю дорогу рассказывала нам о Дивеевской обители. Мы узнали, что Свято-Троицкий Серафимо-Дивее-

---

евский женский монастырь находится в центре села Дивеево Нижегородской области. Это место было указано монахине Александре самой Пресвятой Богородицей. Божья Матерь поведала ей, что здесь будет основана обитель, «равной которой не было, нет и не будет никогда во всём свете».

Это место называют четвёртым и последним уделом Пресвятой Богородицы (после Иверии, Афона и Киева). Оно считается единственным, куда Пресвятая Богородица является ежедневно. Здесь покоятся также мощи одного из самых почитаемых русским народом святых — преподобного Серафима Саровского, который был духовным наставником сестёр обители.

По следам самой Пресвятой Богородицы преподобный Серафим начал копать здесь Святую Канавку, по которой нескончаемым потоком идут и идут паломники. А главной святыней Дивеева стала икона «Умиление», перед которой молился святой и скончался в молитве перед нею. Он называл эту икону «Всех радостей Радость».

Дорога длинная, к вечеру только до места добрались, едва устроились — и сразу в Троицкий собор, где покоятся мощи преподобного, поклониться хозяину да душу ему излить. А вокруг всё так радостно! И очередь к раке с мощами не очередь, и улыбаются тебе все, и сухариками Серафимушкиными все кругом хрустят, и солнце светит, будто и не вечер это вовсе, а вечный день, и купола под лучами солнца сияют... И ощущение такое, что и словами не описать. Будто в сказку попал. И тебя все любят. И ты всех любишь. И так легко на душе! Слышала я раньше, какое Серафимушка утешение душе даёт, а вот теперь и на себе привелось испытать. И так мне захотелось, чтобы все мои близкие сейчас же рядом со мной оказались и то же самое почувствовали. А потом долго ещё сны снились, как я снова сюда приехала — только уже вместе со всеми. И много лет спустя, в мой третий приезд сюда, совершенно неожиданно сны мои и вправду осуществились...

Но это когда ещё случится... А сейчас мы по Канавке Пресвятой Богородицы идём с молитвой... Я скидываю с ног обувь — и шагаю босиком. Солнце на небе светит, плитки тёплые-претёплые, а вдоль всей Канавки — ромашки растут... Да такие крупные... просто райские...

А потом мы на святые источники побежали. И везде-везде ромашки нас встречали. Просто заросли ромашек. Одно плохо — времени-то в обрез. Всё сегодня нужно успеть. Завтра-то утром, сразу после литургии, бегом на автобус — и на дальний источник преподобного Серафима поедем. А оттуда уж домой отправимся...

В общем, к ночи только мы до ночлега добрались. А утром ни свет ни заря на службу в храм побежали. И вот автобус нас уже ждёт, а я вдруг сообразила, что к иконе Пресвятой Богородицы «Умиление» мы с подружкой приложиться так и не успели, потому что к ней из-за народа не подойти было. Кинулись мы в храм. А его уже на уборку закрыли. Мы в слёзы. Стучим в дверь, умоляем пустить нас только на минуточку — к иконе приложиться. На нас поворчали, конечно, пол-то ещё мокрый совсем, натопчем тут, но пустили. Мы босоножки прямо у дверей скинули — и бегом. Церковь пустая, а справа от алтаря — громадная икона Пресвятой Богородицы. Как будто на горе какой-то стоит. И свет в храме такой, будто солнце наверху. Мы на эту гору взошли, приложились к иконе — и в радостных слезах побежали на автобус.

...В следующий раз приехала я в Дивеево года через три. Был конец ноября. Быстро темнело. Выйдя из автобуса, мы сразу пошли на Канавку Пресвятой Богородицы. В храм попали только на следующий день. Я вошла в церковь — и обомлела. Икона «Умиление» висела на том же месте. Только никакой горы там не было, и была икона обычных размеров, как и другие. Я просто глазам своим не поверила. И эта ее «обычность» тоже была чудом, как и «необычность» в первый раз. Иначе как бы я поняла, что чудо было. Слёзы радости и умиления хлынули из моих глаз, как и в первый раз...

В ДУХОВ ДЕНЬ

Это случилось в День Святого Духа, на следующий день после Троицы. Церковь благоухала неповторимым ароматом свежескошенной травы. Я нашла укромный уголок и стояла там, опустив глаза. На душе был такой покой, какой бывает только во время литургии. Служба шла своим чередом.

— Паки и паки миром Господу помолимся... — возглашал диакон.

— Господи, помилуй! — пел хор.

— О Свышнем мире и спасении душ наших Господу помолимся...

Крестовоздвиженская церковь, в которую я тогда приехала, находится в селе Снегирёво Владимирской области. Это потаённое место, скрытое от человеческих глаз. Сюда не протоптаны паломниками тропинки, здесь не собираются толпы людей в поисках чудес. Это заповедное место, затерявшееся среди безбрежных лесов и полей древней Владимирской земли.

Церковь была возведена в начале XIX века в усадьбе князей Салтыковых. Главный её алтарь посвящен Воздвижению Креста Господня, южный — Святой Троице, северный — Сошествию Святого Духа. Клетней, холодной, церкви была пристроена тёплая часть в честь Покрова Пресвятой Богородицы, а в ней устроен придел во имя Святителя Николая Чудотворца.

Двести лет назад здесь было довольно людное место, окружённое множеством деревень. В имении князя Н.И. Салтыкова был ухоженный липовый парк, два пруда с каскадами, а в оранжерее выращивались персики, которые возили на продажу в Москву.

В 1923 году усадьба была разрушена. Но церковь сохранилась. После революции она одна здесь и осталась и долго, разорённая, стояла посреди поля в обезлюдевшей деревне. Как белый корабль, устремлённый в небо, одиноко и недвижно стоит она здесь и теперь, пятипрестольная Крестовоздвиженская церковь, возрождённая монахинями Александровского Свято-Успенского женского монастыря, устроившими здесь своё подворье в середине 90-х годов.

Храм этот с большими арочными окнами так высок, так воздушен, что кажется, будто он вот-вот взлетит. Один из престолов церкви был возведён в честь Сошествия Святого Духа. И в тот памятный день здесь отмечали престольный праздник.

— Господи, помилуй! — пел хор.

— Господи, помилуй! — шёпотом вторила я.

И вдруг заметила, что внизу, на траве, прямо у меня под ногами, сидит неподвижно с серыми сложенными крыльями большая бабочка.

«Откуда она тут взялась? — удивилась я. — Ведь я, наверное, уже полчаса неотрывно смотрю на это место... Надо её на улицу, что ли, отнести, чтобы не затоптали?..»

Я наклонилась, осторожно подняла бабочку и посадила себе на руку. Она тут же распахнула крылья — и я изумлённо ахнула. Бабочка оказалась большая, на всю ладонь, и была красива необыкновенно. Будто из райского сада сюда прилетела! Это нижняя часть крыльев была у нее однотонно-серая, а верхние были расписаны всеми красками. Мне хотелось показать её всем: «Смотрите, какое чудо!» Но вокруг меня никого не было, как будто это чудо было только моё, личное. Я стояла не шелохнувшись. И бабочка тоже сидела на моей ладони без движения. Началась Херувимская песнь.

— Иже Херувимы, — пел хор, — тайно образующее и Животворящей Троице Трисвятую песнь припевающее, всякое ныне житейское отложим попечение...

Когда Херувимская закончилась, бабочка снялась с моей руки — и полетела высоко-высоко. На небо! Я провожала её глазами. И там, под самым куполом храма, она исчезла в потоке света так же неожиданно, как и появилась.

До конца литургии я находилась в каком-то блаженном оцепенении. А после службы всем рассказывала про эту необыкновенную бабочку. Но люди в ответ лишь удивлённо улыбались. И только матушка Иоанна, игуменья монастыря, заглянула мне в глаза и тихо сказала:

— Это маменькина душа к тебе оттуда прилетала... Вот такое утешение послал тебе сегодня Господь, в День Святого Духа...

КОГДА ОТКРЫВАЕТСЯ НЕБО

В Оптину Пустынь я попала уже после того, как дважды побывала в Дивееве. И потому, наверное, ждала той же радости, какой наполняешься в гостях у преподобного Серафима. Но я ошиблась. В Оптиной встречают по-другому. Трудно подобрать слово — как? Ну, что ли, возвышенно-строго. Уже на входе в обитель на тебя испытующе, прямо в душу смотрят с настенных икон глаза святых старцев. И колокольный звон здесь тяжёлый, как набат. И вся атмосфера — аскетически настроенная. И этот трагизм из-за сатанинского убиения здесь на Пасху в 1993 году иеромонаха Василия, иноков Трофима и Ферапонта, кажется, витает в воздухе.

Введенская Оптина Пустынь — одна из древнейших обителей Святой Руси. Она находится неподалёку от города Козельска в Калужской области. Идёт седьмой век со дня её основания. За многовековую историю случилось немало взлётов и падений, но Оптина Пустынь всегда возрождалась. Последний раз она была разорена в 1923 году и вернулась в лоно Православной церкви в 1987-м.

Оптина Пустынь известна прежде всего духовным наставничеством старцев, мощи которых здесь покоятся. В начале нынешнего века Оптинские старцы были прославлены в лике святых. В лике новомучеников и исповедников прославлены также 15 человек, пострадавших в годы репрессий.

Рядом с монастырём сохранились домики, в которых жили когда-то приезжавшие сюда за духовной помощью Н. Гоголь, В. Соловьёв, Ф. Достоевский, С. Нилус, К. Леонтьев.

Неподалёку от мужской обители, в деревне Шамордино, находится Казанская Амвросиевская женская Пустынь. Шамординский монастырь, как его называют, был основан

старцем Оптиной Пустыни Амвросием в 1884 году и существовал под его духовным руководством. Монастырь был закрыт большевиками в 1923 году. Монашеская жизнь возродилась здесь в 1990 году. Главные святыни монастыря — чудотворная икона Казанской Божией Матери и икона «Спорительница хлебов», явленная в видении Амросию Оптинскому и написанная по его просьбе.

Дорога сюда была дальней. Мы выехали ранним утром, почти ночью, и приехали на место вечером. Когда мы отправились в Шамордино, где должны были ночевать, уже темнело. Мне было любопытно посмотреть на Шамординский монастырь, поскольку единственное, что я про него знала, было связано с именем Л.Н. Толстого. Здесь была пострижена в монахини его родная сестра Мария Николаевна, к которой он часто навещался, в том числе и перед смертью.

Выглядит монастырь необычно. Он был построен из красного кирпича в «русском стиле». Поэтому здесь ощущаешь себя будто в каком-то сказочном царстве. Уже позже я узнала, что главный в монастыре Казанский собор был построен по проекту С.В. Шервуда, сына известного художника и архитектора В.И. Шервуда, автора здания, где находится Государственный исторический музей столицы. А все остальные постройки были стилизованы под этот «сказочный» Казанский собор.

...Приехав в монастырь, мы сразу же отправились на вечернюю службу, так что ужин у нас пришёлся почти ночью. Я плюхнулась на скамейку — и поняла, что даже рукой не могу пошевелить от усталости. Между тем другие паломники накрывали на стол (а некоторые пошли потом ради послушания мыть полы в каких-то помещениях), передавая друг другу наполненные каким-то месивом одноразовые пластиковые тарелки, используемые, кажется, отнюдь не одноразово. До меня еда не дошла. Надо было встать — и пойти за ней. Но сил не было. Я пожевала хлеба, запив его какой-то бурдой, и мы отправились на ночлег.

Ночлежкой служило тёмное громадное помещение, заполненное двухэтажными железными кроватями, стоявшими так тесно, что пришлось протискиваться между рядами. На кроватях комковато лежали какие-то замызганные подстилки, которые трудно было назвать матрасами. Запах стоял такой плотный, что приходилось задерживать дыхание. К горлу подкатывала тошнота. Я набросила на койку предусмотрительно взятую с собой простынку — и рухнула. Кажется, я только закрыла глаза, как уже надо было вставать. Мы отправились в Оптину на раннюю литургию.

Настроение у меня было подавленное. Но когда я подошла на исповедь, из глаз моих хлынули слёзы, смывая все мои иллюзии. Я плакала о своей полной немощи, о привязанности к уютной жизни, о желании покоя и комфорта, о неспособности к добрым делам. Что я могу сделать для людей, плакала я, если не могу что-то сделать даже для самой себя. Я не раз бывала до этого в монастырях — на детских спектаклях, на торжественных трапезах. Церковь была повернута ко мне своей праздничной стороной. И вот теперь я впервые столкнулась с буднями. И оказалась совершенно неспособной к той жизни, какой живут многие люди. Я навзрыд оплакивала свою никчёмность, а с икон на меня с любовью и состраданием смотрели святые старцы.

Я даже не заметила, как прошла служба. Только началась — и вот уже все вместе поем: «Веруем во Единого Бога Отца Вседержителя...» С благоговением подошла я к Причастию — и никогда раньше не чувствовала такой близости ко Христу... На какое-то мгновение исчез потолок — и открылось Небо.

Строго, но с такой беспредельной любовью мне показали мою суть: и маловерие, и малодушие. Я ступила лишь на одну ступеньку вверх и подняла голову. Вверху был всё тот же незыблемый потолок, но я уже знала, что за ним — всегда открывается Небо.

ЦВЕТЫ ДЛЯ СПИРИДОНУШКИ

В пресловутые 90-е годы, когда Советский Союз распался, Тамара, как и многие, вдруг оказалась жительницей совсем другого государства — Узбекистана. Время было тяжёлое — и она, будучи русской немкой, уехала в Германию. Нелегко это было, но постепенно жизнь наладилась. Наверное, ностальгия по брошенному дому, по прошлому привела её в храм. Тамара воцерковилась, стала ездить в паломнические поездки.

Особенно ей хотелось побывать на Корфу, поклониться святителю Спиридону Тримифунтскому, которому она много молилась, пока устраивалась её жизнь на новом месте. Все её просьбы святитель Спиридон слышал, во всём ей помогал. И вот она, наконец, в Греции!

Она знала, что святитель Спиридон Тримифунтский — современник святителя Николая Мирликийского, Николая Чудотворца. Оба они участвовали в Первом Вселенском Соборе. Родился святой Спиридон в конце III века на острове Кипр. Он был пастухом, и все свои небольшие средства отдавал нуждающимся. За это Господь наградил его даром

прозорливости и чудотворения: он исцелял неизлечимых больных, изгонял бесов.

В царствование императора Константина Великого святой был избран епископом города Тримифунта, соединив пастьерское служение с делами милосердия.

Святитель отошел ко Господу в возрасте 80 лет во время молитвы. Его погребли в Тримифунте в храме святых апостолов. А сегодня мощи святого покоятся здесь, на греческом острове Корфу в городе Керкира в храме его имени. Прошло несколько веков, а мощи святителя остаются нетленными, тело его всегда сохраняет температуру, как у живого человека. Всё это время он помогает обращающимся к нему за помощью людям, так что его башмачки по-настоящему изнашиваются и их периодически заменяют новыми.

Отправляясь в собор, Тамара подошла к дежурному администратору и спросила, где здесь можно купить цветы. Не раз слышала она от паломников, что на встречу к святому люди идут с букетами.

— Где взять цветочки? — переспросил её немолодой уже человек и, чуть помедлив, сказал: «Пойдём со мной».

Они вместе вышли на улицу — и её провожатый сорвал с клумбы несколько цветков и протянул ей этот довольно невзрачный букетик. Тамара растерялась.

— Как ваше имя? — спросила она у дарителя. — От кого цветы святителю передать?

Мужчина улыбнулся:

— А не надо ничего говорить. Спиридонушка сам знает, что и от кого.

Пошла Тамара в собор. В руках эти скромные цветочки держит. Неловко ей стало. Все вокруг роскошные букеты святому несут, только она — этот еле видный из руки. Встала Тамара в очередь к раке с мощами. Трепет её обьял. В это время мимо служитель храма проходил, букетик у неё из руки взял и к раке понёс. И на самую грудь Спиридонушке эти цветочки положил.

Казалось бы — мелочь? Как сказать... Для Тамары это было очень большим утешением — ведь его послал святой, который так ей помог... В такие моменты остро ощущаешь, как твоя душа в едином порыве с душой святого возносит молитвы к Богу. И Бог слышит...

СВЯТАЯ ИЗ НАШЕГО ГОРОДА

Если бы мне сказали, что когда-нибудь я так близко соприкоснусь своей душой с душой настоящей святой, я бы не

поверила. Но случилось. Один знакомый рассказал мне как журналисту, что в журнале «Реутов православный» опубликовано «Житие мученицы Татианы (Гримблит)», созданное игуменом Дамаскином (Орловским). В житии, в частности, говорилось о том, что с 1933 по 1936 год она жила здесь, в нашем Александрове, и работала фельдшером в городской больнице.

Эта информация показалась мне невероятной. Как? Настоящая святая не так уж давно жила здесь? Ходила по тем же улицам? Работала в нашей больнице? Не может этого быть. И я полетела в отдел кадров медицинского учреждения, чтобы найти документальное подтверждение этого факта.

О такой святой я, конечно же, ничего не знала. Знала о другой мученице Татиане. Её память Православная церковь отмечает 25 января. Она принадлежала к первым христианам. Татиана родилась в Риме в семье знатного сановника, который был тайным христианином и воспитал дочь в благочестии. Достигнув совершеннолетия, Татиана посвятила свою жизнь Богу и Церкви.

В то время власть в Риме сосредоточилась в руках злейшего гонителя христиан Ульпиана. Вместе с другими верующими была схвачена и Татиана. Мучители пытали её несколько дней, склоняя отказаться от Христа, но она осталась непреклонна. В 235 году её вместе с отцом усекли мечом.

Спустя семнадцать веков, в 30-е годы XX века, уже другая Татиана, по фамилии Гримблит, вступила на этот же мученический путь. Это случилось в России в 30-е годы прошлого века. Всю свою недолгую жизнь Татьяна посвятила помощи ближним. Все заработанные и собранные средства она меняла на продукты и вещи и отправляла их в тюрьмы, где томились пострадавшие за веру во Христа священники и миряне. За «контрреволюционную деятельность» и сама Татьяна несколько раз оказывалась в ссылках и тюрьмах, но от веры не отказалась, говоря, что крест с неё снимут только с головой. В начале XXI века она была причислена к лику святых. День памяти святой мученицы Татианы (Гримблит) празднуется 23 сентября, в день, когда в 1937 году она была расстреляна, после чего погребена в безвестной общей могиле на полигоне в Бутово под Москвой.

Надо сказать, что документы 30-х годов сохранились в архиве Александровской больницы в очень небольшом количестве, так что было маловероятно отыскать среди них записи, касающиеся Т.Н. Гримблит. С большим волнением и трепетом листала я книги приказов, пристально всматриваясь в рукописные тексты, боясь пропустить искомое. Невоз-

---

можно передать словами те чувства, которые я испытала, когда на одном из ветхих листочков мелькнула фамилия Гримблит. Не веря своим глазам, я неотрывно смотрела на запись от 1933 года:

«Приказ №11.

С 28 ноября — включительно, сестру Гримблит Т.Н. считать уволенной».

И всё! По-видимому, в «Житии» была допущена ошибка как о времени пребывания Татьяны Николаевны в городе Александрове, так и о её должности. Но какое это, в сущности, имеет значение? Главное в том, что в нашем городе вершила свой подвиг женщина, наша современница, причисленная недавно к лику святых.

И даже сегодня, когда я, перечитывая свою же статью в газете, опубликованную в 2005 году, пишу эти строки, по моим щекам текут слёзы. Драгоценные слёзы и скорби, и сострадания, и умиления.

Перед последним арестом, за две недели до смерти, Татьяна Николаевна писала в оставленной ею на воле записке: «...За всё всех благодарю. Простите. Я знала, надев крест, тот, что на мне, — опять пойду. За Бога не только в тюрьму, хоть в могилу пойду с радостью».

СЛУЧАЙНАЯ НЕСЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

По дороге на работу я встретила знакомую. Просто знакомую, с которой мы вообще-то пересекались очень редко. В пути милое дело поговорить о том о сём. Разговор скачет с одного предмета на другой. Посудачили о городских новостях. Поговорили об общих знакомых. Переключились на погоду. А тут уже и конец общей дороги виден.

И вдруг Людмила мне говорит, что в семье у них очень тяжёлая беда случилась. Пропала сестра вместе с малолетними детьми.

— Как пропала?! — с сочувствием воскликнула я.

Оказалось, жила сестра в Азербайджане, где в это время, после развала Советского Союза, ситуация сложилась аховая для русских. Люди действительно терялись целыми семьями.

— Мама плачет беспрестанно, а я чувствую свое бессилие, не знаю, как её утешить, — грустно сказала Людмила.

Бессилие в этот момент почувствовала и я. Что тут скажешь? Как поможешь? Как утетишь? Пришла на работу — а история эта из головы у меня не выходит. Понимаю, что ничем помочь не смогу — а все равно думаю об этом с со-

---

страданием. «Нет. Невозможно ничего сделать, — размышляю я. — Не в человеческих это силах». И тут меня осенило: «Когда человек помочь не может, помогает Бог». Позвонила я Людмиле и осторожно спросила имена пропавших, и ещё — крещёные ли они. Слава Богу, крещёными оказались.

После работы поехала я в наш монастырь и заказала сорокоуст о здравии пропавших. Очень верила я, что по молитвам Господь разыщет эту семью.

Не прошло и месяца, как я снова встретила Людмилу на улице. Радостно бросилась она ко мне: «Сестра с детьми нашлась! Едут домой...»

Больше мы с Людмилой почему-то не встречались. Я не знаю, что было дальше. Но зачем мне знать? Бог сам всё управил. Главное, не забывать Его о помощи просить и за всё благодарить.

С КРЕСТОМ БЕЗ КРЕСТА

У Валентины две сестры. Она старшая. Они давно уже живут в разных городах, но раз в год обязательно встречаются. И по душам поговорят, и пожалеются. Особенно у младшей в последнее время жизнь не ладится. С мужем разошлась, здоровье ухудшилось. Рассказала, что даже к бабке-колдунье обращалась за помощью. Только толку никакого. Ещё хуже стало. Во всём ей не везёт. Даже в мелочах. В последнее время несколько раз крест вместе с цепочкой теряла. Жалко. Золотой крестик на золотой цепочке. Новый купит — и тут же цепочка рвётся и крест теряется. Вот уже четвёртый надела — показала она старшей сестре. Когда Валентина про бабушку да про кресты потерянные узнала, нехорошо у неё на душе стало. Не раз она от людей слышала, что плохо это — к колдуньям всяким ходить.

Решила она, что надо им втроём в Троице-Сергиеву Лавру съездить. Благо она недалеко от их города находится. Многие туда с другого конца земли едут, а тут сел на электричку — и через час уже на месте.

Сказано — сделано. Приехали сёстры в Лавру, поклонились мощам святого преподобного Сергия Радонежского, а потом отправились в другой храм, чтобы записки подать. Взяли свечи — и пошли к иконам их ставить. А тут вдруг какой-то монах мимо них проходит, останавливается возле её младшей сестрицы — и сурово ей говорит: «Почему без креста ходишь?» Та за шею схватилась, думала, что снова потеряла, — но нет, здесь он, крестик её золотой на золотой цепочке. А монах снова повторяет, теперь уже к Валентине

обращается: «Пусть без креста больше не ходит. Проследи. Ты старшая, отвечаешь за неё. Смотри, а то беда может случиться...» — и пошёл себе дальше. Валентина перепугалась, метнулась за ним вслед, чтобы объяснить он свои слова. Но тот больше ничего не сказал, только посмотрел на неё долгим взглядом, будто в душу заглянул.

Валентина побежала в иконную лавку и купила сестре крестик. Простой крестик на верёвочке. Нет, не простой — освящённый под сенью Живоначальной Троицы.

ВИНОГРАДНАЯ ГРОЗДЬ

Лена и Вадим поженились, когда им было по 19 лет. Жили они тогда в Новосибирске. Когда у Лены умер отец, она очень переживала — и ей нужна была поддержка. Прошло года четыре или, может быть, пять... Жили они хорошо. Только детей не было — и Лена страдала. Старшие стали подсказывать: мол, обвенчайтесь — и всё у вас наладится. Но тут врачи, к которым они обращались со своей проблемой, в один голос заявили, что не пара они, не надо им быть вместе, генетически они, мол, друг другу не подходят и детей у них никогда не будет. Не послушались они врачей — обвенчались и стали дальше жить-поживать.

А детишек всё нет и нет. Лена всё больше печалится. Вадим за жену переживает. А тут ещё разруха в стране началась. И в конце девяностых молодая пара уехала на родину Лениного отца — в Германию. К тому времени уж без малого десяток лет прошло с начала их брака. Всё хорошо у них было. Только детей Бог всё не даёт.

Однажды в Дюссельдорфе стояла Лена в церкви у иконы Пресвятой Богородицы и слёзно молилась. И так, видно, переживала, что проходившая мимо матушка-просфорница Драгица не выдержала и подошла к ней. Спросила, что случилось, может, она чем-то помочь ей сможет. Рассказала Лена ей про свою беду. Матушка Драгица и поведала ей про Хиландарский монастырь, где виноградная лоза растёт, исцеляющая от бесплодия, и адрес дала.

Вернувшись домой, Лена всё про этот монастырь прочитала:

«Хиландарский монастырь во имя Рождества Пресвятой Богородицы на Святой Горе Афон — одна из величайших древних сербских святынь. Он был основан в 1198 году архиепископом св. Саввой и его отцом, сербским князем Стефаном Немани, в постриге — святым Симеоном Мироточивым.

Когда Симеон почил, его мироточивые мощи были помещены в гробницу в церкви Введения Пресвятой Богородицы. Однако сын изъявил желание увезти мощи на родину, в Сербию.

Монахи опечалились, но святой Симеон явился в тонком сне игумену монастыря Мефодию и сказал, что вместо себя оставляет растущую из гробницы виноградную лозу, которая отныне и будет его благословением монастырю. С тех пор вот уже восемь веков виноградная лоза выходит из гробницы, вьётся по стене храма, образуя беседку. Виноград святого Симеона исцеляет от духовных и телесных болезней, а также помогает от бесплодия. Круглый год монахи раздают виноградины всем паломникам, а также рассылают засушенные ягоды по всему миру всем, кто в них нуждается».

Вадим с Леной написали в монастырь письмо и поведали о своём несчастье. Вскоре им пришёл конверт. В нём лежало несколько маленьких засохших виноградинок. И инструкция прилагалась, как надо духовно потрудиться, чтобы Господь детишек послал. А спустя примерно год у пары родился долгожданный первенец. А потом ещё, ещё и ещё. Сейчас у Вадима с Леной восемь детей. Старшему — двадцать, младшей — пять.

Вот так из маленьких сухих виноградинок появилась целая виноградная гроздь. А зовут этих чудесных «виноградинок» — Сёма, Лиза, Вадик, Саша, Соня, Кирилл, Дима и Маша. Вот так и случается простое, обыкновенное, очень личное чудо.

г. Александров Владимирской обл.

ВАКЦИНАЦИЯ И МИГРАЦИЯ

1

Мигрантов из стран Кавказа, Средней Азии и Турции становится с каждым годом в России всё больше. Правда, пишут, это не вполне относится к 2020 и началу 2021 года. Пандемия несколько охладила приток мигрантов в Россию. Не знаю. Возможно и наоборот. Но для меня это никак не стыкуется с моими личными наблюдениями. На улицах, скажем, Москвы или Калуги, или некоторых городов Тульской области, в которых я бывал за последний год, создаётся впечатление, что мигрантов стало, наоборот, больше. И стали они как-то более активно подчеркивать свою, с позволения сказать, идентичность. Это выражается и в более подчеркнутом, если угодно — громком, изъяснении между собой именно на их родном языке, и вообще в показном своём инаковом поведении, и в более частом их появлении в национальных костюмах, не свойственных русским областям России. По вечерам даже не знаешь, где находишься, в русском городе или в каком-нибудь Самарканде? Иногда создаётся впечатление, что нацменов больше, чем русских жителей. Местные-то в основном по домам сидят, а мигрантов тянет по улицам бродить.

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

В некоторых СМИ пишут, что поменьше стало за последний год дворников и уборщиков из состава мигрантов. По этому поводу, например, в Москве стоит целый стон со стороны органов власти и управляющих компаний. Мол, нужно искать дешёвую рабочую силу на «неквалифицированную работу». А вот курьеров, как некоторые отмечают, становится всё больше из состава мигрантов, и никакая пандемия тому не препятствие. Вот и среди работников транспорта всё чаще встречаются представители южных национальностей. Про «таксистов» уж не говорю. Банально и известно. Но за последний год обратил внимание, что как-то резко произошла смена охранников в электричках РЖД. До этого ходили и следили за порядком в электричках с надписями «охрана» русские мужики, а примерно с год назад их резко сменили с той же надписью молодёжь джигиты. Случайно? Было бы случайно, если бы замещение шло постепенно, а тут, как по мановению волшебной палочки. Значит, предполагаю, это организованное действие то ли РЖД, то ли охранных фирм, близких к РЖД.

Говорят, что «местные жители» не всякую низкоквалифицированную работу будут выполнять, например, быть дворниками. Однако и на стройки привлекаются мигранты абсолютно не интегрированные в русскую культуру. Местным строителям работа не достаётся, потому что она отдаётся приезжим, снижается и жизненный уровень в регионах из-за, по сути, искусственно созданного дефицита рабочих мест. Насколько рентабельно привлечение мигрантов на стройки? В перспективе — это разрушительно.

Но вот профессия «врач» — высококвалифицированная. Но дооптимизировались в сфере здравоохранения до того, что представителей южных национальностей среди медиков, не всегда ясно говорящих на русском, становится всё больше. Почему здесь-то нельзя выстроить работу так, чтобы не привлекать «южных специалистов»? И возникают мысли, что делается всё это не по недоразумению, а специально создаётся ситуация, при которой замещаются работники из состава русских.

Неужели кому-то не ясно, что в стране уже создан русофобский интернационал, который усиленно укрепляется посредством дополнительных миграционных потоков в Россию из стран Кавказа, Средней Азии и Турции? Насчёт преступности и террористических рисков в связи с миграцией ещё в конце 2019 года секретарь Совета безопасности России Николай Патрушев заявлял, что на высоком уровне сохраняется число преступлений, совершаемых мигрантами в цент-

---

ральной части страны. Он отметил, что наибольшую обеспокоенность вызывает то, что мигранты всё чаще вступают в ряды террористов. По словам Патрушева, только в 2018 году в ЦФО было ликвидировано 15 каналов незаконной миграции и возбуждено 186 уголовных дел против коррупционеров, которые способствовали этому явлению.

Вновь повторю, что со стороны некоторых федеральных министерств и ведомств, например, Минстроя и Минсельхоза наоборот предпринимаются колоссальные усилия по привлечению новых мигрантов, узакониванию нелегально находящихся в стране мигрантов. К примеру, Минсельхоз предложил завозить рабочих-мигрантов вагонами, чартерными поездами, и в РЖД в этом обещались помочь. Интересно, как действия Минсельхоза, которым руководит Дмитрий Патрушев, по массовому ввозу мигрантов соответствуют верным выводам Николая Патрушева?

В Узбекистане находилась делегация ОАО «РЖД» во главе с её генеральным директором О. Белозёровым. Глава российской компании наравне с иными мыслями озвучил большие планы РЖД на территории самой России. Здесь компания испытывает затруднения с рабочей силой. В связи с этим Белозёров раскрыл перед узбекскими коллегами значительные перспективы сотрудничества в области трудовой миграции, имея в виду привлечение из Узбекистана для строительства объектов железнодорожной инфраструктуры на территории России. Итогом встречи стало подписание меморандума между ОАО «Российские железные дороги» и Министерством занятости Узбекистана о содействии в организованном привлечении трудовых ресурсов в Россию.

И давайте соотнесем всё вышеизложенное по миграции с процессом вакцинации-ревакцинации. Как известно, по почину московских властей всё больше регионов переходят к мерам, направленным на принудительную вакцинацию, выражаемую в увольнении с работы не прошедших вакцинацию, недопуску к занятиям студентов и тому подобным вещам. Бросается в глаза, что сообщения о регионах, в которых вводятся ограничения, такие же, как в Москве, касаются в основном русских областей и краёв и северных национальных автономий России.

Но дело не столько в этом. Как известно, поверх вакцинации будет наложена «вечная» ревакцинация. Пишут, что Минздрав готовит рекомендации ревакцинироваться раз в год без эпидподъёма и раз в полгода при эпидподъёме. Даже не все вакцинированные выдержат многократные и постоянные, по несколько раз в год, ревакцинации. Многие вы-

---

нуждены увольняться с работы уже сейчас, другие будут увольняться позже. А мигранты, находящиеся в стране и до-полнительно прибывающие, это мы знаем из практики, со-ответствующие справки и QR-коды всегда найдут. «Правые» или «левые» отметки о вакцинации и ревакцинации — в дан-ном контексте не столь уж и важно. Если что, то им помогут предприимчивые руководители диаспор. Получается, что мигранты будут заменять и уже заменяют увольняемых рус-ских со всеми вытекающими отсюда последствиями для го-сударствообразующего народа и для страны.

2

Уполномоченный по правам человека в России Т.Н. Мос-калькова в достаточно мягкой форме сообщила, что получа-ет много обращений о дискриминации непривившихся граж-дан. Она считает, что стимулирование вакцинации от коро-навируса через ограничение в правах является «нечестной игрой». В частности она сказала: *«Первый нормативно-пра-вовой акт — это приказ главного санитарного врача Москвы. Он взорвал общество, но там было четко сказано, что это те люди (которых должны вакцинировать), которые работают с населением, — врачи, общепит, социальная сфера. Но сегодня это расплодилось, эта дифференциация совершенно потерялась и, кроме того, те угрозы по отношению к тем, кто не может вакцинироваться или не хочет, на мой взгляд, они могут быть отнесены к нарушению прав».*

Почти тут же зачем-то на слова Москальковой отреагиро-вал пресс-секретарь президента Д.С.Песков. Он заявил, что граждане без иммунитета к COVID-19 будут представлять угрозу для окружающих, некоторая дискриминация в этой связи неминуема. *«Реальность такова, что дискриминация неминуемо наступит. Люди без иммунитета и без прививки не смогут работать на всех участках. Это невозможно. Это будет представлять угрозу для окружающих»*, — сказал он, как будто не понимая мысль Москальковой о «потерянной дифференциации» категорий граждан, которых собираются принудительно вакцинировать. Тенденция вообще к тоталь-ной вакцинации, да еще и «вечной», учитывая разговоры о «ревакцинации» в связи с мутациями вируса. То есть вакци-нироваться постоянно нужно будет и тем, кто вакцинирова-лись ранее.

Уже нет смысла повторяться насчет Конституции и феде-ральных законов, которые нагло нарушаются адептами обя-зательной вакцинации. Просто непонятно, как в таких вы-ражениях может изъясняться пресс-секретарь президента?!

Вообще-то «дискриминация», помимо всего прочего, — еще и дефиниция Уголовного кодекса. Статья 136 УК РФ: *«Дискриминация, то есть нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности... положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам»*. Это наказуемое деяние! Как вообще можно говорить чиновнику столь высокого уровня, представляющего президента, о неминуемости дискриминации?! Кстати, некоторые государственные центральные информационные агентства преподнесли слова пресс-секретаря от имени Кремля. Так и пишут: *«В Кремле оценили слова Москальковой о дискриминации непривитых россиян»*, — и далее приводят слова Пескова.

Президент России В.В. Путин в марте этого года говорил, что не может комментировать и контролировать все заявления сотрудников администрации президента. *«У нас две тысячи сотрудников администрации, неужели вы думаете, что я каждого контролирую? Вон Песков сидит напротив, мой пресс-секретарь, он несёт иногда такую «пургу», я смотрю по телевизору и думаю: чего он там рассказывает? Кто ему это поручил?»*, — отметил он.

Но, похоже, решениями московских властей об обязательной вакцинации открыт известный ящик Пандоры...

Владимир ВАСИЛИК, протоиерей

ВАВИЛОНСКОЕ РОСТОВЩИЧЕСТВО

Депутат Государственной Думы Виталий Милонов в эфире радиостанции «Говорит Москва» заявил о необходимости ввести ограничения для россиян, занимающихся коллекторской деятельностью. Я с большим вниманием и известным сочувствием отнёсся к высказываниям уважаемого мною Виталия Валентиновича Милонова. Однако должен сказать,

---

что в своих высказываниях и он, и СМИ всего лишь обрывают листья этого зловредного сорняка под названием даже не «микрофинансовые организации», а «ростовщическая система», в плену которой мы все оказались. Действовать надо гораздо глубже.

Виталий Валентинович является депутатом Думы, народным избранником, и в Думе его прямой долг добиться законодательного запрета и законодательного осуждения деятельности микрофинансовых организаций. Потому что то, чем они занимаются, — это ростовщичество вавилонского или древнеримского уровня, если не больше.

40—50% годовых, а временами и 100% — то, что позволяют себе микрофинансовые организации. Они без преувеличения разоряют наших сограждан, являются и народным бедствием, и национальной угрозой. Они провоцируют внутриполитическую напряженность, дают благодатный повод всяким навалым для критики власти, они создают все предпосылки для социального взрыва. Поэтому данные организации, безусловно, должны быть запрещены, и, более того, с них должны быть взысканы все те средства, которые были получены ими с моральной точки зрения преступным путём. Потому что этот путь без преувеличения — преступный.

Я бы охарактеризовал его как финансовое мошенничество. Говорят, будто бы люди идут добровольно и добровольно берут эти кабальные займы. Скажем так — особой добровольности здесь нет.

Во-первых, есть навязчивая реклама и присутствие этих организаций на каждом шагу. Во-вторых, отказ крупных банков в кредитах небогатым гражданам. Тяжелая бюрократическая процедура, требование многочисленных справок о доходах, и если ты не соответствуешь какому-то уровню, тебе запросто могут отказать в займе. Всё это заставляет людей идти к этим, говоря без преувеличения, вурдалакам.

Необходим пересмотр законодательства относительно банковской системы в целом.

Во-первых, — предельно возможное снижение ссудного процента до мировых стандартов. У нас любят оглядываться на западный опыт. Так вот, в благоустроенных государствах, таких как Соединённые Штаты Америки и страны Евросоюза, предельный процент при займе не превышает в целом 10%. Почему у нас даже в приличных банках, типа Сбербанка, он может достигать 25% и выше? Я уже не говорю о микрофинансовых организациях.

Необходимо законодательное ограничение ссудного процента и жесткие санкции за его превышение. Равно как и санкции за отказ добросовестным должникам в займах, а также — облегчение процедуры получения займа.

Учитывая пандемию, учитывая, сколько людей разорилось в результате её, а это разговор не о сотнях тысяч, а, может быть, о миллионах наших сограждан, насущно необходима долговая амнистия. Разумеется, она не должна проводиться так, что богатые бессовестные должники от этого разбогатеют, а бедные в очередной раз обеднеют. Безусловно, необходим социальный подход, если мы ещё называемся социальным государством. Раз называемся, то мы должны за это отвечать.

Так или иначе, большинство долгов мелким должникам должно быть списано. Вопрос — каким образом? Частично за счет государства, а частично за счёт тех же банков, которые достаточно обогатились в своё время на наших деньгах. Если этого не произойдет, боюсь, что социальный взрыв рано или поздно в нашей стране будет неизбежен.

Напомню историю Древней Руси, в частности события 1113 года. Когда умер князь Святополк, покровительствующий ростовщикам — иудейским, арабским и русским — то толпа, доведённая до отчаяния, принялась избивать ростовщиков и грабить княжье имущество. Мы же не хотим этого?

В данном случае я высказываюсь как доктор исторических наук и доцент. Мои высказывания являются моим частным мнением. В данном случае я не говорю ни от имени Санкт-Петербургского университета, ни от имени Русской Православной Церкви, протодиаконом коей я являюсь. Но думаю, что очень многие мои сограждане разделяют мои мысли по данному поводу.

Должен сказать, что это вопрос не только политический, но и вопрос духовный. Потому что апостол Павел ясно свидетельствует в Послании коринфянам: «Лихоимцы Царствия Божия не наследуют» (1 Кор. 6, 10). То есть не наследуют его те, кто берёт проценты со своих ближних, не наследует те, кто занимается ростовщической деятельностью.

Святитель Василий Великий в своём Толковании на Псалом 14 и в своей проповеди против ростовщиков говорит о том, что ростовщики хуже бесов. Ростовщики являются кровопийцами, потому что они вытягивают у людей последние остатки жизни, последние остатки жизненных припасов. Вместо того, чтобы помочь людям, они их губят, они их добивают.

Голос Святителя Василия Великого в данном вопросе является голосом всей Вселенской Церкви. Потому что с ним солидарны все святые отцы в этом вопросе, как и Священное Писание Нового Завета, а отчасти и Ветхого.

Что же касается вопроса о коллекторах, то это вопрос второй. Безусловно, их деятельность в моральном смысле преступна, а в законодательном смысле непонятна. Если существует институт судебных приставов, который должен разрешать этот вопрос, то институт коллекторов является абсолютно излишним.

Очень многих наводят на мысль параллели с незаконными вооруженными группировками 90-х годов, которые вышибали долги. Сейчас этим в чуть более облагороженном, якобы разрешенном законом виде занимаются коллекторы, которые действительно очень часто применяют те приемы, на которые указал уважаемый Виталий Валентинович Милонов.

Безусловно, деятельность коллекторов должна быть законодательно запрещена, и люди, занимавшиеся этой деятельностью, должны подвергнуться минимум моральному осуждению. Но гораздо большему моральному осуждению должны подвергнуться те, кто создавал условия для подобной безнравственной и деструктивной деятельности. Именно те, кто создал эту безумную систему, как говорил Валентин Юрьевич Катасонов, «процента ссудного, подсудного и безрассудного».

Галина ЕВГРАФОВА

НИЧЕГО ЛИЧНОГО, ТОЛЬКО БИЗНЕС

В Туле на основании собранных Следственным комитетом доказательств вынесен приговор женщине за посредничество во взяточничестве при регистрации рождения детей суррогатных матерей для гражданина КНР.

Она работала в частной медицинской организации, подбирающей гестационных курьеров (так с 2001 года принято называть суррогатных мам в стремлении уйти от столь доро-

---

гого нашей душе слова «мама») для граждан Китайской Народной Республики. В соответствии с российским законодательством ст. 55 ФЗ суррогатная мать имеет право написать отказ и не отдавать ребенка. В данном случае возникли сложности с оформлением документов в связи с несогласием сурмам.

Как мы видим, во время пандемии широкий резонанс в обществе получили ряд фактов, связанных с суррогатным бизнесом. Клиенты, заказавшие детей, не смогли пересечь границу и забрать их. Несколько детей, не имевших должного ухода и заботы, погибли. Открывшиеся уголовные дела дали толчок раскрытию перед взором широкой общественности огромной сети продаж рождённых от суррогатных матерей младенцев за рубеж — продаж с полным отсутствием контроля за их дальнейшей судьбой. Как известно сейчас, значительное их количество оказывается в руках гомосексуальных пар и черных трансплантологов. Большая часть государств Европы, а также Китай, запретили у себя суррогатное материнство как неизбежно трансформирующееся в торговлю людьми.

Стало очевидным и крайне негативное влияние на здоровье женщин самой процедуры ЭКО, на их эндокринную и репродуктивную системы. Лечение же этих последствий возлагается на плечи государства, впрочем, как и воспитание отказников, что не редкость для женщин — клиентов этого бизнеса, которые не вынашивали, не кормили грудью и смотрят на ребенка как на товар. То, что до недавних пор было свято — человеческая жизнь с ее абсолютной уникальностью и ценностью, любой ущерб которой взывал к еще большей жалости и заботе — этот великий дар в результате создания репродуктивных технологий превращается здесь в товар.

Будто в насмешку, статья, регламентирующая на законодательном уровне суррогатное материнство, называется «Об основах здоровья охраны граждан» (55-я). Нужно понимать так, что продажа многих тысяч детей в год на черном рынке для половых извращенцев и черных трансплантологов и ущерб здоровью женщинам — гражданам нашей страны самого репродуктивного возраста, которые уже вряд ли смогут родить здоровых российских детей, — всё это можно назвать охраной здоровья наших граждан?! Более вопиющего абсурда трудно придумать!

УЧЁНЫЙ, ПЕДАГОГ, ПУБЛИЦИСТ

В.В. Габрусенко — 80 лет

Валерий Васильевич Габрусенко всю свою жизнь прожил в Новосибирске. Он — свидетель эпохи Сталина, Хрущёва, Брежнева—Андропова—Черненко, Горбачёва и Ельцина. 20 лет живёт в эпоху Путина и, как сам считает, живёт «назло Пенсионному фонду». В старших классах школы одни прочили ему карьеру скрипача (он окончил музыкальную школу и подавал неплохие надежды), другие — карьеру художника или архитектора (его рисунки демонстрировались на городской выставке детского творчества), но судьба распорядилось иначе — он стал инженером-строителем, учёным, педагогом. Сам он шутит: «Это потому, что день моего 15-летия совпал с первым Днём строителя».

Первые два институтских года по вечерам учился, а днём работал на стройке, на которой совершил «головкружительную карьеру» — от землекопа до крановщика башенного крана. На старших курсах обратил на себя внимание хорошими знаниями и аналитическими наклонностями и был оставлен в НИИЖТ (Новосибирском железнодорожном институте), где совмещал преподавательскую работу с научными исследованиями.

В 1976 г. был приглашён на должность начальника отдела в Специальное конструкторско-технологическое бюро Министерства строительства СССР, затем стал заместителем главного инженера. Там он занимался разработкой и экспериментальными исследованиями высокоэффективных предварительно напряжённых железобетонных конструкций. Около 20 из них были внедрены в серийное производство на заводах во многих городах Союза и удостоены медалей ВДНХ.

Годы работы в КБ стали самым плодотворным творческим периодом в его «железобетонной» жизни. Это было, как он сам говорит, «время золотого сплава опыта и энергии».

Потом опыт рос, а энергия пошла на убыль. Почувствовав это, он пошел передавать свои знания студентам архитектурно-строительного университета (НГАСУ) — читать курс железобетонных конструкций, вести дипломное проектирование, руководить работой магистров и аспирантов и писать книги для студентов и инженеров. Семь его книг издавались и переиздавались в издательстве НГАСУ и, одновременно, в московском строительном издательстве «АСВ». Науку тоже не бросал — занимался разработкой и исследованием новых методов усиления несущих конструкций, часто проводил технические экспертизы зданий и сооружений. Хотя энергии стало меньше, но её всё же хватало и на общественно-научную деятельность. В 1989—1991 годах возглавлял Сибирский филиал Национального комитета СССР Международной федерации преднапряженного железобетона. 23 года со дня основания (1991 год) был председателем научного Общества железобетонщиков Сибири и Урала.

Период его работы в НГАСУ совпал с трагическим событием в истории нашей страны — развалом СССР, разграблением и разрушением экономики страны, шельмованием русской истории и прямыми оскорблениями русского народа. Истинно русский человек, он воспринял эти события как личную драму и включился в общественно-политическую деятельность, не примыкая ни к одной политической партии и ни к одному политическому движению. (Он и в КПСС не состоял. Как он сам говорит, «Когда мне было 25, я считал, что не дорос до партии, когда стало 35, увидел, что партия не доросла до меня».) В конце 1995 года после выступления на одной из политических тусовок, кои в те годы ещё не запрещали, его пригласил гл. редактор Новосибирского радиоканала «Слово» выступить у него в рубрике «Свободный микрофон». С этого времени началась, и уже более 25 лет продолжается его публицистическая деятельность — параллельно с научно-педагогической.

Первая радиопередача под названием «Можем ли мы жить, как на Западе?» получила множество положительных откликов радиослушателей, её повторяли несколько раз. (Эта тема, кстати, позднее была развита А. Паршевым и опубликована в популярной книге «Почему Россия не Америка»). В ней разоблачалась ложь «демократов» о том, что стоит только избавиться от советского наследия, и мы заживём, как в Европе. Потом прозвучала передача «Нужен ли России Советс-

---

кий Союз», в которой на исторических примерах была показана недолговечность всех многонациональных империй, а на цифрах продемонстрировано, что вся советская «дружба народов» базировалась на огромных дотациях России союзным республикам, на социально-экономической дискриминации русского народа.

Потом пошли другие передачи на ещё более злободневные темы. В их числе — «Десять едъцинских ударов по России», название которой выбрано как антипод «Десяти сталинским ударам» по Германии. Прозвучала она накануне 2-го тура выборов президента в 1996 году и вызвала не только широкую поддержку радиослушателей, но и угрозы автору. Группа радиослушателей записала её на бумагу и принесла в обком КПРФ с предложением отпечатать большим тиражом и распространять в виде листовки, но там ответили: «Вам нужно, вы и распространяйте». Таковой на деле была партия «соперника» Ельцина.

С того же времени началась и его работа в газете «Память», где с главным редактором, покойным Валерием Павловичем Будяновым, они составили дружный и плодотворный тандем, хотя порой и спорили «до хрипоты». Правда, сам он всегда говорил: «Без меня газета, может, будет и хуже, но без Будянова её не будет вообще».

Его избранные радиовыступления, газетные статьи и доклады на конференциях Новосибирского отделения Петровской Академии наук и искусств (он является член-корреспондентом ПАНИ) были изданы в нескольких сборниках. В предисловии к одному из них вице-президент ПАНИ академик А. В. Сычёв писал: «Публицистический талант В. В. Габрусенко состоит в том, что при высоком уровне эрудиции он обладает даром говорить о сложных и запутанных вопросах логично и доходчиво, живым и простым языком».

Он написал и ряд отдельных брошюр: «Задачи русской молодёжи», «Отсталый ли русский народ?» и «Где искать фашистов в России», быстро распространившихся по Новосибирску и далеко за его пределами. Последняя из них — жёсткий и глубоко аргументированный ответ «обвинителям» русского народа в фашизме. Заканчивалась она словами: «...в фашизме нас обвиняют фашисты; в фашизме нас обвиняют, чтобы мы не подняли голову; в фашизме нас обвиняют, чтобы окончательно нас уничтожить!»

«Овинители» и их соплеменники на местах такого стерпеть, конечно, не могли, и в 2008 году против Валерия Васильевича возбудили уголовное дело сразу по двум «русским» статьям УК — 282 и 280. Полгода следствия и два года судебно-

---

ных заседаний, тщательная подготовка к каждому из 23-х заседаний с «размазыванием по стенке» продажных экспертов, с опровержениями вздорных пунктов обвинения отняли у почти 70-летнего человека немало сил, а главное — времени, оторванного от более полезных дел. А его «последнее слово» на суде — само по себе является публицистическим произведением.

Суд, разумеется, видел всю «липу» уголовного дела, но, выполняя волю начальства, оправдательный приговор вынести не мог и потому приговорил обвиняемого «всего лишь» к одному году лишения свободы условно, а брошюру признал «экстремистской». Когда прошла половина срока, надзорные органы сами предложили «осуждённому» написать прошение об условно-досрочном освобождении со снятием судимости, но тот отказался — в прошении пришлось бы каяться, а виновным он себя никогда не признавал.

11 августа 2021 года Валерию Васильевичу Габрусенко исполнилось 80 лет. Как он сам шутит, «это конец второй молодости и начало третьей». Он продолжает писать свои «железобетонные» книги (одна, восьмая по счёту, должна выйти в свет в Москве и в Новосибирске в этом году, над девятой он работает), читает авторские курсы для инженеров и — продолжает писать публицистику. В последние годы были изданы книги «200 русских гениев» и «Творцы оружия Победы». Его статьи часто публикуются в журнале «Молодая гвардия», газетах «Русский Вестник» и «За русское дело», на сайте «РНЛ», их перепечатывают и другие издания.

Я спросил его: «Вот Вам восемьдесят, а Вам не хотелось бы прожить жизнь сначала?» Он ответил: «А зачем? Чтобы повторять те же глупости и ошибки, которые свойственны моему характеру? Это же не интересно!»

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2021 год
(Июнь — июль)

Накануне игры российской футбольной сборной с бельгийцами я ни секунды не сомневался в поражении нашей команды со счетом 3:0. И говорил об этом знакомым болельщикам. Так и случилось. Но тренер сборной С. Черчесов перед игрой налево и направо раздавал оптимистические интервью: мол, мы сильны и готовы как никогда, мол, все игроки «функционально на высоте своей игровой формы», мол, «мы всех проверили в товарищеских играх», «сбалансировали окончательный состав» и т.д. Теперь же после абсолютно бездарной, бесцветной, бестолковой «игры» черчесовской сборной и ее крупного поражения, в котором, повторяю, я был уверен на 100%, мы имеем право констатировать факт: тренер Черчесов разбирается в футболе меньше любого внимательного болельщика со стажем. И все мы оказались перед другим фактом: он собрал «сборную» не просто из слабых футболистов, но, за единичным исключением, вообще не умеющих играть в современный футбол. И сыграй они с любой другой сильной командой Европы, счет будет таким же, если не еще более плачевным.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Сборная, раз за разом играющая с одним нападающим — единственным и неизменным Дзюбой — это настоящее убожество и посмешище, а не сборная. При пяти неуклюжих, перепуганных защитниках вроде Семёнова и престарелого Жиркова нападающие Бельгии то и дело оказывались один на один с нашим вратарём — это же детский сад, дворовый футбол, а не уровень сборной страны, когда-то громившей и ту же Бельгию, и Данию и Португалию с Италией. В свое время мы даже с Англией, Бразилией и Германией играли с тремя нападающими. Я, конечно, понимаю: СССР — это не Россия. Однако дело, как оказывается, не в территории. Бельгия и Дания — это тоже не Россия.

Но, повторяю, каков тренер, такова и команда. Черчесов не сумел, а, вернее всего, был не способен отработать четкую тактику на игру с Бельгией, имеющей черного монстра Лукаку (его так и не смогли прикрыть при пяти защитниках). И самое главное, в глаза бросалось полнейшее отсутствие сыгранности между нашими футболистами. А это и есть показатель бездарной работы тренера. Лишний раз подтвердилось — Черчесов тренер никакой. Говорит много, а дела — нет.

Уверен, если вместо этой «сборной» с бельгийцами играли бы «Зенит» или хотя бы ЦСКА, то результат был бы гораздо более обнадеживающим. Во всяком случае — была бы осмысленная игра, которой мы в случае со «сборной» за все 90 минут так и не увидели.

* * *

Игра нашей футбольной сборной с командой Дании (1:4) подтвердила всё, что было мною сказано о ней после игры с бельгийцами. Конечно же, в столь плачевном итоге выступления наших футболистов на чемпионате Европы в первую очередь виноваты они сами вместе со своим тренером. (Опять команда играла с одним нападающим — бездарным и бессмысленным Дзюбой.) Но не только. Вторую половину этой вины несут российские спортивные и политические власти. Когда Дания еще до чемпионата Европы по футболу плюнула в лицо России, не дав разрешения на присутствие российских болельщиков в Копенгагене, эти российские власти данное наглое решение проглотили и утёрлись от этого плева без каких-либо практических последствий для микроскопической Дании. Стадион в Копенгагене на игре с нашей сборной был забит до отказа датскими болельщиками, несмотря ни на какие общеевропейские указания по соблюдению антиковидных мер, — дабы задавить морально и сло-

---

мить волю российских игроков. Что, в общем-то, и произошло. Во втором тайме игра нашей сборной была просто-напросто развалена, а ее командный дух полностью подавлен.

Почему Министерство спорта России и Российский футбольный союз (не говоря уже о пофигизме Кремля) не приняли никаких серьезных шагов, помимо привычного выражения «сожаления и недоумения», для изменения данной незаконной ситуации — даже догадываться не хочется. (Как мы понимаем, всё по той же причине, почему нет должной реакции на всевозможные санкции Запада и на действия Украины в Донбассе.) Проигрыш на политическом уровне произошел уже до игры. Причем проигрыш с крупным счётом. Его оставалось только оформить в цифровом значении. Что и произошло на стадионе в Копенгагене 21 июня 2021 года.

* * *

Московские власти вновь охвачены эпидемией маразма. С 28 июня в столовые, кафе и рестораны можно попасть, только имея московский сертификат о вакцинации. Сергей Бوردюрович так обижен на москвичей, что опять решил устроить им весёлую жизнь. У рестораторов и без того доходы упали, а тут совсем никакой прибыли не будет. Вирус властного маразма — самый опасный и самый заразный вирус.

Как приходится понимать, московский QR-код для заведений общепита — это и есть цифровизация вакцинированных. В точности по Апокалипсису — Откровению Иоанна: нецифрованных кормить не будут.

Россия — вторая после Израиля страна, где применена принудительная вакцинация. У нас она применена в нарушение Конституции, за которую народ заставили проголодать в 2020 году.

С июня 2021 года против населения РФ начинают вводить новые драконовские меры с целью достижения поголовной вакцинации, для чего в срочном порядке здесь было создано несколько видов вакцин. Всё идет к тому, что в конце концов отказавшихся превратят в изгоев общества, всюду гонимых и презренных. (Напомню, эти драконовские меры начались сразу после встречи Путина с Байденом...) Вполне возможно, что против них начнут возбуждать уголовные дела. Доносы пойдут косяком, как на врагов народа. И самую активную, самую непримиримую, самую отвязную роль в этом процессе будут играть привившиеся. Как когда-то народ разделили на красных и белых, на буржуев и пролетариев, на патриотов и демократов, так и теперь его разделят на оциф-

---

рованных (в дальнейшем — на очипированных) и на неочипированных («непривитых») и неочипированных. Всё в точности по Новому Завету. А неверующие пусть читают повесть Дж. Оруэлла «Скотный двор».

Да, всё идет к тому, что в скором времени у нас появятся люди, лишённые конституционных прав, т.е. — новые лишённые, как в 20—30 годы прошлого века. Или как неграждане в Прибалтике (здоровые, ничем не заражённые люди). Видимо, это и есть дискриминационное светлое будущее вакцинированной России, в которое нас уже неприкрыто ведут несменяемые вожди?

***

Складывается такое впечатление, будто кремлевский «вождь» ждёт, когда нацистская пропаганда абсолютно из всех украинцев сделает врагов русских.

***

На т.н. «Украине» есть только один-единственный коренной народ — русские. Все остальные — пришлые или искусственно выведенные.

***

Мы живем, конечно, в уникальной стране. В ней гораздо легче проложить трубопровод до Германии по дну Балтийского моря, чем двести метров до деревни от центрального газопровода.

***

На вопрос журналистов: не собирается ли С. Черчесов уходить в отставку с должности главного тренера сборной по футболу, тот с серьезным и важным видом ответил: «Я выполняю государственное задание, а не в песочнице играю».

Ну надо же, как интересно! А нам всем почему-то показалось, что его подопечные в июне этого года именно в песочнице играли...

***

В основных командных видах спорта российские сборные в 2021 году (как мужские, так и женские) абсолютно провалились — в хоккее, футболе, волейболе, баскетболе, гандболе, ватерполе. На всех международных соревнованиях — вообще не завоевали никаких медалей. О чём это говорит? О том, что деньги убили командный русский дух и, следовательно, командный русский спорт.

И то, что российские спортсмены согласились участвовать на Олимпийских играх в Токио без названия страны, без национальной символики, без гимна и флага — подтверждает сказанное.

***

И вот наконец стало абсолютно ясно: на Украине больше нет русских. Верховная рада окончательно приняла закон о том, что русские не являются коренным народом на Украине. И они, смирившись, это молча проглотили. Значит, их там больше нет. И говорить по-русски там тоже запрещено — при общем молчаливом согласии.

А по российскому ящику говорящие головы продолжают повторять: мол, на Украине проживают миллионы русских... Нет там больше никаких русских! Нет вообще. И в этом вопросе Верховной радой поставлена законодательная точка.

А Путин, тем не менее, продолжает выталкивать русский Донбасс в состав Украины — туда, где русские не являются коренным народом. Более того — туда, где русских нет и где запрещено ими называться. Это как понимать?

Да, мы здесь, в России, сознаём, что русские — это **единственный** коренной народ на Украине. Но что толку от этого нашего сознания? Русские на Украине этого не сознают и не желают сознавать. Им гораздо безопаснее считать и называть себя украинцами. Так было с янычарами в Турции, так было с сербами и с сербским языком в Хорватии. Может, кто-то думает, что в Кремле этого не понимают? Прекрасно понимают. И выталкивают через невыполнимые «минские соглашения» Донбасс в состав Украины, где русские как нация запрещены.

В Прибалтике русские есть, но не имеют гражданства. А вот на Украине их больше нет вообще. И Европа с Америкой «не видят» никакого нарушения никаких «прав человека».

***

Т.н. «украинская мова» — это застрявший в Средневековье неразвившийся язык. Каждый язык развивается, осовременивается вместе с народом, творящим свой язык. Язык «малоросских» территорий не имел ни способности, ни возможности к саморазвитию, т.к. к развитию оказался не способен его народ, никогда не имевший признанной «малоросской» государственности и Богом данной монархии. Устаревшее, застрявшее в далеком прошлом южное наречие русского языка так и осталось хуторской мовой, достойной лишь сентиментальных песен и таких же сентиментальных стиш-

---

ков. Русский же язык Великого государства ушел в своем развитии далеко вперед и стал вместе со своим народом великим литературным языком, а также языком межнационального общения.

«Украинская мова» — это полумёртвый язык, который давно бы уже исчез из употребления, если бы не внедрялся искусственно, не навязывался насильно врагами русских и России — поляками, евреями-большевиками, бандеровцами и современными укронацистами. Но рано или поздно этот агрессивно навязанный полумёртвый язык всё равно отомрёт по естественным причинам, сохранившись лишь кое-где среди малограмотного сельского населения «украинских» провинций.

* * *

И вновь сожгли детей. Ранним утром 7 июля сгорел частный дом в селе Починок Смоленской обл. Пожарными обнаружены тела шести погибших, среди которых — бабушка и пятеро детей. «Маяк» в утренних новостях поспешил выдать свою версию пожара: «от непотушенной сигареты». «Ясно-видящим» «Маяка», конечно, из Москвы всё видно и всё известно заранее. ТВ, естественно, об этом промолчало. Оно и дальше день и ночь будет нам рассказывать про ковид. И уже даже не кажется странным то, что Кремль никогда не реагировал на подобные факты массового сожжения детей.

* * *

Путин наконец-то открыл для себя прописные истины по поводу Украины и разразился целой статьёй на эту тему под названием «Об историческом единстве русских и украинцев». Прокремлевские СМИ, естественно, чуть не захлебнулись от восторга и умиления. Хотя на протяжении последних 30 лет, к слову сказать, авторы журнала «Молодая гвардия» все эти «путинские» прописные истины об Украине повторяли неисчислимое количество раз, и уже давно их можно было выучить наизусть. Жалко лишь одного: почему эти прописные истины наш президент не открыл для себя в 2014 году — накануне донбасского референдума. Потому что тогда, может быть, удалось бы спасти жизни 15 000 человек, погибших за прошедшие семь лет в Донбассе.

Запоздалое открытие правителями прописных истин всегда слишком дорого обходится народу.

Вот что я писал в «МГ» шесть лет назад:

«Какой номер «Молодой гвардии» ни возьми за последние два года, в каждом, как минимум, половина объёма

материалов посвящена теме Украины. Но что делать, если Украина за два истекших десятилетия стала разломом всего Русского мира. И разлом этот только усугубляется, обостряется, становясь окончательно необратимым. Слово «украинец» на глазах превращается в синоним слова «русофоб». Собственно, цель эта преследовалась еще сто с лишним лет назад, когда создавалась «украинская нация». Но именно теперь, на наших глазах цель эта реализовалась по полной программе.

Результатом украинского разлома станет понимание главного: или ты с Россией, или против нее. Или ты часть Русского мира, или — никто, перекасти-поле. Или ты русский, или Иван, не помнящий родства (т.е. «украинец»). Украинский разлом, не сомневаюсь, совершён Свыше, по Божьей воле, но руками тех самых Иванов, не помнящих родства. Значит, другого выхода не оставалось...»

Патриотическая пресса в Кремле, естественно, никому не интересна. Но что последует за нынешними украинскими «прозрениями» Кремля? Скорее всего — ничего.

* * *

В своей статье В. Путин пишет о том, что русские и украинцы — это «один народ». И опять он слишком запоздал со своим «открытием». Да, когда-то, как минимум, 150 лет назад, это был «один народ», да и то с большим количеством оговорок. Но ныне, в XXI веке, это далеко не так. Тот, кто называет себя украинцем и проживает в «нэзалэжной», не желает быть русским. Более того, русских он, чаще всего, открыто или молча ненавидит. За что ненавидит? — объяснить внятно он не способен, разве что повторяя обычную, услышанную в украинском ящике мантру: «Вы нас угнетали!.. Мы вас кормили!..» Когда же он слышит в ответ о подаренных Украине русских территориях, то мгновенно начинает зеленеть от злости или орать, размахивая руками: «Да нам 5000 лет!..»

Почему так легко и быстро удалось из Украины сделать анти-Россию? Да потому что украинцы в основной своей массе к этому давно были готовы. Они ждали этого времени и, когда дождались, радостно ринулись в антимоскальскую стихию, как в спасительную для себя живую воду. И получили в ней огромное моральное и даже физиологическое удовольствие.

В. Путин в своей статье, как и многие телеговорящие «эксперты», резко разделяет украинскую власть и «украинский народ». Мол, все проблемы России за последние 30 лет со-

---

здавала и ныне создает украинская власть. Если бы это было так!.. Но посмотрите на многотысячную толпу, скачущую на украинских стадионах со словами «Хто нэ скаче, той москаль!», а то и с другими словами: «Москаляку на гияляку!» Их что, власть этому научила? Нет. Они это делают по собственной «науке» и с огромным воодушевлением, не говоря уже о большом удовольствии.

Нет, Владимир Владимирович, и тут вы отстали от действительности со своим «прозрением» «единого народа». Т.н. «один народ» ушел в глубокое прошлое. История нас разделила, как разделила она некогда сербов и хорватов. Нет больше «одного народа». Скорее всего лет эдак через пять-шесть вы запоздало откроете для себя и эту прописную истину и, может быть, напишете очередную «прозренческую» статью на данную тему.

Но закончу на оптимистической ноте. Наш президент упомянул в своей статье Новороссию и Малороссию. Может быть, дай-то Бог, не случайно... Вот и пусть упоминание Новороссии станет для него и для всех нас путеводной звездой. И когда Новороссия вольется в состав России, тогда снова мы с «украинцами» сольёмся в единый народ, как слились, например, в Крыму. Но для этого нашему президенту нужно набраться большого мужества, огромной силы воли и хорошо поработать.

Пути Господни, как и пути истории, неисповедимы.

* * *

Вот мы уже и до этого дожили. Сначала это сообщение я услышал в новостях по «Маяку», а затем прочитал эту новость и на нескольких порталах в Сети: «Компании Delivery Club и Everink Tattoo предложили москвичам наносить временные татуировки с QR-кодами вместо постоянного использования смартфона. Всего дизайнеры подготовили для москвичей шесть эскизов временных татуировок, чтобы каждый мог подобрать себе цифровой пропуск по вкусу. После этого QR-код отправляется менеджеру, и изображение для временной татуировки готовится в течение двух недель». Как известно, всё «временное» очень легко и даже по «просьбе» населения (для удобства) становится постоянным и привычным.

И читаем об этом в Откровении Иоанна, написанном 2000 лет назад:

«...И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни

покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его» (Откр. 13: 16-17).

***

28 июня, когда в Москве по указанию мэрии ввели QR-коды для посещения заведений общепита, по всей России было зарегистрировано 21 650 человек, заразившихся коронавирусом. Однако 16 июля, когда, по официальным данным, было зафиксировано 25 704 человека, зараженных ковидом, Собянин объявил об отмене QR-кодов, разрешающих посещение кафе, столовых и ресторанов.

Очень странная логика московских властей... Интересно, чего испугался С.Собянин?..

***

На Олимпийских играх в Токио многие западные спортсмены, не говоря уже о западных журналистах и комментаторах, с пренебрежением, с издёвками, а то и просто с ненавистью высказывались о российских спортсменах, обладателях медалей Олимпиады. Причем даже не за их спортивные достижения, а просто за само участие в этих Играх. То есть им было бы морально гораздо приятнее, если бы наши спортсмены там элементарно отсутствовали. Особенно, конечно, злобствовали американцы. Они столько усилий приложили, чтобы внушить всему миру имидж России как допинговой страны, а всё равно она — здесь и побеждает! Пусть даже под другим названием и под нейтральным флагом. Но спортсмены-то — русские! Это особенно бесило американских еще недавно «непревзойденных» олимпийских чемпионов! Так, до небес раскрученная западной пропагандой бывшая «фантастическая» олимпийская чемпионка Симона Байлз, накачанная мужскими гормонами и анаболиками, проиграла хрупким российским гимнасткам в командных соревнованиях и снялась с индивидуальных состязаний, испугавшись полного морального и физического провала. А бывший двукратный олимпийский чемпион Райян Мёрфи дважды проиграл российскому пловцу на спине (100 и 200 метров) Евгению Рылову и не нашел ничего лучшего ради своего оправдания, как обвинить Евгения в допинговой нечистоплотности. И это при том, что у ВАДА (Всемирной антидопинговой ассоциации), как раз и устроившей допинговую провокацию против нашей страны, к Е.Рылову не было ни малейших претензий. Воистину, чья бы корова мычала... Не раз говорил и не устану утверждать: **абсолютно все американские атлеты используют допинг.** А

сама ВАДА находится на содержании политиканствующих американских толстосумов.

Повторяю, российских спортсменов на Западе ненавидят не столько за их достижения, сколько за само присутствие, постоянно напоминающее Западу о нашей величайшей Победе над ним. Этой Победы Запад не может нам простить и за эту Победу нас ненавидит. А когда на глазах всего мира нам проигрывают его, Запада, допинговые монстры типа Байлз, Мёрфи, «братьев» Уильямс или норвежские лыжные допинговые «астматики», то их ненависть доходит просто до бешенства и до физического «обморока», как у мужеподобной Байлз.

Но есть и другая сторона медали. И на этой стороне начертан жирным шрифтом вопрос: отчего мы продолжаем участвовать на Олимпийских играх (как летних, так и зимних) на птичьих правах? Ведь это — не что иное, как **политическое поражение** российской дипломатии и главного российского руководства. Сам этот факт — есть демонстрация безволия, смирения и политической импотенции той же дипломатии и того же руководства.

Большинство нашей публики думает: а что они могли сделать? Отвечаю: очень много что могли сделать, если бы имели волю, желание и самоуважительную ответственность перед народом и государством. Инструментов для этого — предостаточно. Можно ни секунды не сомневаться в том, что если бы нечто подобное попытались сделать, к примеру, с Китаем, то эти инструменты были бы задействованы моментально. А уж китайских спортсменов ловили на допинге неисчислимое количество раз. Но страну никогда подобным образом (как Россию) не наказывали. Потому что все, кому положено, прекрасно знали о неминуемых жёстких ответных действиях. И в который раз повторяю: невозможно себе представить, чтобы Китай на каких-либо соревнованиях выступал без герба, флага и гимна.

Наши спортсмены молодцы. Они бьются и достигают побед. Но руководство страны на фоне очередных унижительных для нас международных соревнований находится в жесточайшем поражении.

P.S. По информации, появившейся в Сети, С.Байлз снялась с соревнований по гимнастике, т.к. опасалась, что будет уличена в использовании допинга и дисквалифицирована. Без своих таблеток, по ее словам, она страдала от «рассредоточенного сознания». Начались интенсивные переговоры Олимпийского комитета США с руководством МОК, чтобы С.Байлз не проверяли на допинг после соревнований.

Переговоры шли трудно и долго. Наконец в последний гимнастический день президент МОК Томас Бах дал согласие, и Байлз выступила в упражнении на бревне, взяв бронзу. Ее «рассредоточенное сознание» вернулось в норму...

* * *

Президент Турции объявил зоной бедствия районы страны, подвергшиеся лесным пожарам. Он же заявил о поджогах и о задержании поджигателей.

В России, начиная с мая, только разрастаясь, горит Якутия. Город Якутск живет в сплошном дыму. Пожары пытаются тушить с помощью авиации, но каждый день и каждую ночь в тайге возникают новые очаги пламени. На конец июля там уже сожжено около пяти миллионов гектаров леса. Но никаких зон бедствия в стране никто не объявил. (Во время самых интенсивных якутских пожаров В.В. Путин писал статью о едином русском и украинском народе.)

Центральные СМИ по-прежнему, как и год, и два и три года назад, долдонят о неких «природных» пожарах в Сибири. О поджогах ни президент, ни глава правительства, ни работники МЧС не заикнулись ни разу. И поджигателей нам по ящику никогда не показывали. А что показывать? У нас их нет и не может быть по определению. «Природные» пожары есть, а поджигателей — нет. В Турции они есть, а в России — отсутствуют начисто. Потому что кому-то очень не хочется, чтобы их показали. Кому-то гораздо выгоднее и удобнее вешать стране лапшу на уши в виде «природных» пожаров...

На одной из своих редких пресс-конференций Д. Байден проговорился, сказав о том, что по всему миру действуют двадцать тысяч американских диверсантов. Можно не сомневаться в том, что большая их часть находится в России.

Президент Путин предложил Эрдогану задействовать российскую авиацию в тушении турецких пожаров.

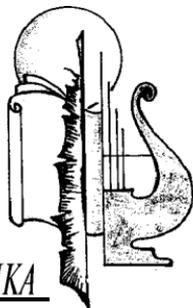
А Якутия продолжает гореть.

ИЗ ПОКОЛЕНИЯ СОЗИДАТЕЛЕЙ

К творческому портрету поэта Анатолия Зеленцова

Поколение встречающего свое 85-летие поэта Анатолия Матвеевича Зеленцова вот уже треть века как вытеснено на обочину нашего информационного пространства при всём том, что в это время был издан итоговый роман Леонида Леонова «Пирамида», а сегодня самые взыскательные читатели всё еще могут найти где-нибудь в сети новые стихи таких крупнейших наших современных поэтов, как Владимир Костров или Юрий Ключников.

Да, конечно же, всё в мире стремительнейше меняется. Но подобно тому, как признаки простуды остаются у нас неизменными с сотворения мира, так и у литературы остается неизменной её симптоматическая суть. Вот и выдающийся русский философ и антиковед А.Ф. Лосев в своей «Истории античной эстетики» особое внимание обратил на то, что Софокл в своих трагедиях *«изображал людей такими, какими они должны быть, в то время как Еврипид изображает их такими, какими они являются в реальной действительности»*. Увы, во всего лишь этическом противоречии между двумя

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

величайшими трагиками V века до н.э. уже обнаруживаются противостоящие одна другой духовно-нравственные энергии древнегреческой цивилизации. Одна еще полна созидательного духа «века Перикла» как вершины политического развития Афин и древнегреческого искусства, а другая уже является ознаменованием неизбежности предстоящего упадка и разложения.

А если судить так же и по опыту XX—XXI веков нашего собственного бытования, то становится очевидным, что со времен Перикла ничего не изменилось в значении литературы для политических, культурных и всяких иных исторических процессов. Например, когда за довоенную пятилетку наша разрушенная страна вдруг превратилась в мощнейшую сверхдержаву, а затем, одержав величайшую в своей истории Победу над внешним врагом, подчинившим себе почти всю Европу, стала не только лидировать в освоении космоса, а и быть главным фактором всех позитивных общемировых процессов, наша отечественная литература *«изобразала людей такими, какими они должны быть»*. И эта направленность литературы была вполне осмысленной и называлась в литературоведении «социалистическим реализмом». А вот после «оттепели» наши писатели стали изображать людей также и *«такими, какими они являются в реальной действительности»*. И вроде бы менялось у литературы отношение к человеку только потому, что менялась сама наша жизнь.

Но и Китай за это же время стал другим. Однако в Китае, теперь уже не социалистическом, но не уступающем мощью своей вполне рыночной экономики и стремительно растущими запасами интеллектуальных ресурсов всем самым развитым странам мира, а по темпам развития давно лидирующем, — самым издаваемым и самым читаемым до сих пор остается роман «Как закалялась сталь» Н. Островского, где человек изображен именно *«таким, каким должен быть»*.

Поколение Анатолия Зеленцова помнит не только Великую Победу нашего народа во Второй мировой войне, а и послевоенную нищету. И общую для всей нашей страны окрыленность полетом Гагарина оно помнит. Его поколение помнит также и все дискуссии 70—80-х годов прошлого века о том, какими должны быть литература и её «правда о человеке», закончившиеся в «лихие девяностые» тем, что наиболее доступною массовому читателю оказалась литература уже иная, уже ничего общего не имеющая не только с Софоклом, а и Еврипидом.

Но даже и после смены самого культурного кода в нашем информационном пространстве Анатолий Зеленцов упрямо

не изменяет высокой традиции русской классики. Как и Лев Толстой в Андрея Болконского и в Наташу Ростову, он в своего лирического героя вкладывает всё то человеческое, что человека во всех его самых высоких смыслах достойно, что наша русская цивилизация за тысячу лет обрела в своем развитии.

Потому и историческое пространство у него остается неделимым на прошлое, настоящее и будущее. Вот он пишет о погибшем на фронте отце:

*Ты на войне был рядовым пехоты,
Весною на одной из переправ
Под грохот пушек, стрекот пулемётов
В бою пал смертью храбрых, смерть поправ.*

В этих строках сам поэт (его лирический герой) и его отец являют нам единый человеческий образ. Вечные высокие смыслы подвига отца в поэзии Анатолия Зеленцова предопределяет не просто родственную и кровную («*Я до сих пор во сне мальчишкой плачу//По не пришедшему с войны отцу...*» — сознается поэт), а воистину сакральную слитность сына с отцом.

Мы с поэтом Зеленцовым живем в разных городах, и мое телефонное общение с ним не выходит за пределы событий в жизни Тольяттинского отделения Самарской писательской организации СП России. Потому при нашем уже многолетнем знакомстве мне так и не представилось повода спросить у Анатолия Матвеевича, верует он в Бога или не верует. Но — если верует, то и перед Богом он даже в своей пейзажной лирике стоит как перед своим родным отцом:

*Милая Родина, нежная Родина,
Как хороша ты в рассвете смородинном.
Бархат зелёный пшеницы озимой
Стелется мягко кудрями любимой.*

Ведь это его отец отдал свою жизнь за Родину такую же для него драгоценную, как и *кудри любимой* женщины. А чтобы кому-то не показалось, что слишком вольно я трактую стихи поэта Зеленцова, то приведу также и те его строки, в которых его патриотизм, не по общим современным лекалам сотканный, а личностный и более глубинный, заявляется более прямо и осмысленно:

---

*И пахнет в мире нежно мятой,
И пахнет миром резеда...
Война, убитая солдатом,
Пусть не воскреснет никогда.*

О том, что людьми «такими, какими они должны быть», были многие наши матери, напоминает нам Анатолий Зеленцов в одном из самых запоминающихся своих стихотворений:

*Война и детство — лапти и онучи,
И похоронки в каждый дом...
Колонны пленных немцев, будто тучи,
Плелись под проливным дождём.*

*Мы, дети, в них кидали комья грязи,
А матери совали свёклу им.
Зачем её давали этой мрази?
Ведь так хотелось есть самим.*

Сам я родился в Курской области уже через шесть лет после войны, но и мое сердце, что называется, обливалось кровью, когда я слушал в детстве рассказы о зверствах фашистов во время оккупации нашего села. Однако же наши матери, даже и пройдя через испытания самой кровопролитной войны, не утратили таких своих свойств, как милосердие и сострадание. И этой своей ничем непреодолимой добротой они смогли придать нашему мировосприятию не слепое и не трагическое, как должно быть в вечной борьбе за существование, а самое что ни на есть гармоничное, самое счастливое ощущение слитности своей живой души со всем, что для нас жизненным пространством является. Потому-то даже и в теперешнее, отнюдь не ласковое к живым душам время, мной прочитываются как самые родные вот эти стихи поэта Зеленцова.

*Ночью в деревне весенней порою
Пахнет сиренью, цветочной грозью.*

*Ночью в деревне душистое лето
Льёт ароматы цветов до рассвета.*

*Ночью в деревне так тихо, так тихо —
Слышно, как шепчутся просо с гречихой.*

Поэт Анатолий Зеленцов настолько цельный как творческая личность и настолько органичен в своей уверенности во всепобеждающей силе добра и милосердия, что даже стихотворение о таком природном катаклизме, как буря, звучит у него вполне простодушно:

*Кругом потемнело в посёлке,
Мальчишки попрыгали в дом.
И буря бодливым телёнком,
Резвясь, пронеслась за окном.*

*Все стихло... И вечер прекрасный,
И скворушка милый свистит.
Лишь месяц с небес уже ясных
Пугливо на землю глядит.*

То есть сам характер поэзии Анатолия Зеленцова — это и есть человеческая суть поколения последних гигантов, на плечах которых наша страна удерживалась как сверхдержава, и на плодах созидательного труда которых до сих пор остается она на плаву. Никакие бури, никакие преграды, в том числе и обусловленные их социальным происхождением, не оказывались для них непреодолимыми. Сам Анатолий Матвеевич, родившийся в селе Кянда Пензенской области, где ныне проживают всего лишь более полусотни человек, сразу после службы в Советской Армии, еще не имея иного, кроме школьного, образования, стал работать наравне с профессиональными журналистами в местных газетах, а окончил свою параллельную поэтическому поприщу деятельность в званиях Ветерана труда, ветерана ВАЗа и заслуженного машиностроителя Российской Федерации.

*Я не был никому обузой
И до сих пор всю тружусь.
Я — сын Советского Союза,
И этим я всю жизнь горжусь.*

*Не шёл по жизни с лёгким грузом,
Всегда тащил тяжёлый груз.
Я — сын Советского Союза,
Да возродится наш Союз!*

И это не политическая декларация поэта, это строки из стихотворения о том, в чём поэт мыслит свое человеческое достоинство даже и сегодня, когда созидательный, в том числе и поэтический труд уже не в цене.

Опять же, у меня нет повода отнести к поэту Анатолию Зеленцову как к бестревожному оптимисту, твердо уверовавшему в то, что человек свою человеческую суть непременно сохранит и в будущем свое высокое предназначение непременно исполнит.

Есть у поэта и полное трагических предчувствий обращение к родной деревне, которая для него является не просто малой родиной, а и частью его души:

*Нас с тобой не будет скоро:
Растворимся в вышине.
Не дала нам власть простора
В нашей русской стороне.*

Или:

*Умирает моя деревня —
Умирает вся жизнь моя.
Умирает моя царевна,
Вместе с ней умираю и я.*

Отсюда и его стремление запечатлеть уходящий человеческий образ в его счастливейших мгновениях, в полноте всего его внутреннего богатства, состоящего из «пшеницы вороха // Среди твоих больших полей», из «шёлка лугов отавных», из «белых блузок» инея на берёзах и иных самородных драгоценностей, которые, как всякие иные богатства, скопить можно не на лицевом счете, а только в душе. И только при условии, что душа наша развита именно в высоком человеческом смысле и значении.

Такие же, для души, богатства запечатлевает Анатолий Матвеевич и в своей прозе. Это его реквием, его Русь уходящая, это, что называется, простые люди с непростыми судьбами и характерами, — такие, как, например, односельчанка Елена Михайловна Коренкова, более чем достойно прожившая свою жизнь при всем том, что, по её собственному признанию, «*Все женихи погибли на войне и мой тоже*».

...Моя мать, проучившаяся всего лишь полгода в церковно-приходской школе, за всю свою жизнь не прочитала ни одной книги, только Евангелие иногда читала, вымолвляя каждое слово вслух и по складам. Но мои послевоенные брат и сестра учили наизусть заданные им в школе стихотворения. И она из их бубнежа некоторые строки запоминала. И частенько по утрам меня, дошкольника, пыталась поднять с кровати такими словами: «Коля, уже ж и травка зеленеет, и

солнышко блестит, и ласточка с весной к нам летит! А ты валяешься... Вставай, завтракай и беги во двор поиграть!» Или какими-то другими строками, на свой лад переиначенными, пыталась меня, самого младшего и изнеженного, позвать к завтраку.

Такою воистину народной была наша высокая русская классика.

Вот и об Анатолии Матвеевиче Зеленцове я с уверенностью могу сказать, что поэт он по строю своей души глубоко народный и потому для меня, его читателя, драгоценный. А к какому ряду его поэзию отнести в нашей современной русской национальной литературе, пусть судят сами читатели.

(Стихи Анатоля Зеленцова читайте на стр. 109. — *Ред.*)

ВО ИМЯ ЗЕМНОЙ КРАСОТЫ

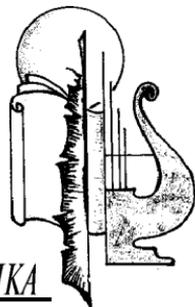
«ВОДА ЧИСТА И ХОЛОДНА...»

Красота и смысл в стихах Владимира Шемшученко

Туда, где пахнет яблоком и хлебом,
Туда, где Бог людей своих хранит,
Под русским некончающимся небом,
Где всё и вся — по-русски говорит.

Владимир Шемшученко

Совместить гражданскую тематику с пейзажными и собственно лирическими стихотворениями удастся далеко не всякому автору. Подобное свойство таланта при-
суще, как правило, только большим поэтам. Во всех остальных случаях одни творческие приоритеты, теряя выразительность и единственность художественного высказывания, уступают другим — и перед читателем предстает по преимуществу либо трибун, либо певец затаенных переживаний.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Стихи Владимира Шемшученко почти всегда остро социальны, их отличает жесткость национальных и родовых акцентов, духовная определенность. Эти приметы воплощены в интонации, в словаре, в логике развития сюжета и его контрастах. С полным правом их можно отнести к «поэзии мысли». Однако образность и способность поэта совмещать далекое с близким и мгновенное с вечным выходят за границы подобного лирического ареала и рождают вещи поистине нежные и тонкие.

Новая книга стихотворений Шемшученко «Мысль превращается в слова» знакомит нас с автором во многом универсальным, а название сборника словно бы говорит, что слова, напитанные мыслью, притягательны и широки, глубоки и подчас самодостаточны, поскольку в них живет красота, которая выше всякого рационального суждения. И в заглавном тезисе книги самым важным оказывается *превращение*.

Шемшученко здесь предстает фигурой неожиданной в каждой последующей строке. Он может проявиться тихо и доверительно, в жанровом отношении — занимательно. И вдруг возникает сюжетный поворот или, точнее сказать, сюжетный перелом — и образ автора становится предельно отчетлив, а речь его обретает твердость и непререкаемую интонацию. В новом сборнике он кажется более лиричным по сравнению со своим литературным обликом прежних лет. Большой цикл стихотворений «Марине» является в этом смысле центром книги, в которой, разумеется, есть и другие тематические позиции. Однако такое единство любви и призвания, экзистенциальной тоски и социальной рефлексии, природных картин и жанра делают эту вещь своего рода «художественным позвоночником» всего корпуса представленных вниманию читателя поэтических повествований.

*Чиркну спичкой — и станет светло,
И в оконном стекле отраженьё
Передразнит любое движенье,
И рука превратится в крыло...*

.....
*Вспомни, как не плясал под чужую дуду,
Как старался в дугу не согнуться...
Не гони меня — я без тебя пропаду,
И стихи по земле разбредутся.*

.....
*Я вижу рождение зла и добра
В лучах отражённого света.
Я знаю, как чёрная смотрит дыра
Из табельного пистолета.*

.....
*Перебранка полешек, бормотанье огня
И волос твоих рыжих волнующий запах...
Я тебя назову: свет осеннего дня
Или лучше — предзимье на заячьих лапах.*

У Шемшученко в построении сюжета очень большую роль играет созерцание. Причем автор, вглядываясь в пейзаж или ситуацию, не остается вдалеке от событий, но как-то неуловимо к ним приближается, будто скользя и тем самым преодолевая дистанцию. В этом есть элемент кинематографа, хотя чувство меры позволяет поэту погасить движение и остановиться вовремя, не превращая дальнейшее в фантазмагорию деталей, что так примечательно в текстах модернистских авторов. Он помнит, что «Россия — это тишина», а русское созерцание приближает человека к самой материи бытия, преображая быт, который на деле — только малое, самое начальное средство, необходимое для прозрения.

Человеческая память живет в природе, в ее нерукотворных составных частях — реке, поле, лесе, которые однажды могут воспалиться и восстановить эпизоды прошлого: в печали — и радости, в беспощадном ужасе — и щедрости измученного сердца. Вот почему так много биографических отсылок в стихах поэта к истории рода и дружбе с корневыми, прошедшими жестокие испытания людьми, порой со страшной судьбой, но с не засохшим сердцем.

... Ты слышишь, как растет трава
Из глаз единственного брата...

.....
*Он был болен и знал, что умрёт.
Положив мою книгу на полку,
Вдруг сказал: «Так нельзя про народ.
В писанине такой мало толку».
Я ему возражал, говорил,
Что традиции ставят препоны,
Что Мефодий забыт и Кирилл,
Что нет места в стихах для иконы.*

---

*«Замолчи! — оборвал он. — Шпана!
Что ты смыслишь! Поэзия — это...»
И закашлялся. И тишина...
И оставил меня без ответа.*

Русское начало у Шемшученко никогда не пряталось и не отрекалось от самого себя, он — человек наследства. Красный и белый цвет в его строках постоянно спорят друг с другом, будто имперская Россия и ее советское воплощение. Ни один цвет не берет верх постоянно. Эти краски, каждая по-своему, дороги автору и вошли в его плоть и кровь. Между тем, он с болью понимает, что сегодня русский человек на родной земле стал фигурой неприкаянной. Исподволь, более изображая, а не называя вещи должными именами, поэт предлагает читателю мизансцены, в которых азиатский уклад теснит изначальный, славянский: «Всё назойливей запахи кухни восточной, / Но не многие знают — так пахнет беда». У него чрезвычайно обострено вглядывание и вслушивание в реальность. Он чувствует: что-то происходит, и обозначает — *что*. Осязает всей кожей: какие-то события готовятся и вот-вот свершатся, и обозначает — *почему*.

*Проснусь среди ночи, как в детстве, луну отдышу
В замёрзшем окошке, и свет снизойдёт к изголовью...
У Господа я всепрощенья себе не прошу,
Я только молю, чтобы сердце наполнил любовью.*

*Когда надо мной в одночасье нависнет вина
За то, что себя возомнил и судьёй, и пророком,
Я чашу раскаянья радостно выпью до дна,
Чтоб сын, повзрослев, из неё не отпил ненароком.*

Многие приметы настоящего и прошлого Шемшученко показывает вскользь на фоне размеренной интонации лирического рассказа. Сочетание мелькнувшей жизненной грани, острой и ранящей, со спокойной сюжетной основой оказывается на редкость пронзительным. Точно так же построены и подготовлены почти все финальные строки самых важных стихотворений поэта. Примечательно, что когда он пишет о природе или о любви, о быте или творческом призвании, у него совершенно непредсказуемо, но очень естественно в строке возникает человек русской идеи, русского уклада и русского характера («Как всё просто, по-русски, без глу-

---

пых прикрас»; «...от безбожных отцов не рождаются русские дети»; «Я — смиреннейший подмастерье, данник русского языка»; «Мы ляжем в нашу землю здесь, мы не уйдем, мы коренные, / И рюмку водки с коркой хлеба оставим на краю стола»).

В художественном созерцании поэта есть одна важная особенность. Соприкасаясь с большими вещами, он не умаляет собственную мысль, не принимает свою зримую малость в виду огромных окружающих предметов. Он — их часть, которая столь же велика. Это слияние человеческого космоса — с космосом вещественным, слияние *на равных началах*. Потому что *видимый человек* есть только тень *человека подлинного* («...Между небом и мной — неразрывная нить»; «...тучи тычутся в колени / И тают от тепла руки»; «...заново научишься дышать / И чувствовать губами привкус звука»).

Не в последнюю очередь в таком мироощущении называется происхождение автора. Он может посетовать на «западный» Петербург, который ему куда ближе срединной и пестрой Москвы («Все никак не привыкну к лесам и болотам, / Не хватает простора глазам степняка»), однако все его стихи о городе теряются на фоне более общих сюжетов. Кажется, что в них нет сверхзадачи, лирического откровения. И в том — совсем не изъян поэта Владимира Шемшученко, тут видны бытийные провалы *города* как такового. Наверное, мы вплотную подошли к черте, отделяющей органичную жизнь от искусственной, вольное и радостное присутствие в мире — от выморочного и безысходного. Близость подобной вехи в той или иной степени сказывается на всём строе современного ума и душевного обыкновения — в России это кажется несомненным...

*У берега вода чиста и холодна.
Прозрачные леса отчаянно красивы.
Плесни-ка мне, дружок, карельского вина,
Затеплим костерок — ну, хоть у этой ивы.*

*Она среди камней стоит, едва дыша —
Объятия ветров настойчивы и грубы...
Мы наберём с тобой сухого камыша,
И для неё сошьём из дыма лисью шубу.*

---

*Как дышится легко! Как звёзды высоки!
И воздух не горчит, а первым пахнет снегом...
Я подниму с земли листочки-лепестки
И глубоко вдохну, и выдохну: О-н-е-г-а...*

Говоря о превращении замысла в слово, необходимо обозначить творческие черты поэта, который собственно и осуществляет это, без преувеличения, волшебство. Фигура его противоречива, своенравная натура позволяет ему без церемоний, «прямо в губы» целовать слова. Хотя такой облик во многом напускной: автор вслушивается в звучание речи и искусно организует ее, оживотворяя художественными образами — и уходя от первоначальной сухости тревожащего сердце и душу замысла («Подснежник скукожился в банке, / Как ставшая былью мечта»). Поэт рисует нравы литературной среды в духе традиций Блока и Есенина, одновременно насыщая сюжет отблесками социальных явлений, драматизмом судьбы художника.

*Позарастала жизнь разрыв-травой.
Мы в простоте сказать не можем слова.
Ушёл, не нарушая наш покой,
Безвестный гений, не нашедший крова.*

У Шемшученко есть очень мудрое стихотворение, скромно определенное автором как «дидактика». Поэтическое вдохновение, по его словам, стоит соединять с реальным миром, яркими чувствами, с любовью к Родине, с неподвластной разуму песней. Поэзия — вся здесь, рядом с нами и внутри нас, на грани видимого и невидимого. И в этом ее загадка и великая сила.

*Не заглядывай в бездну, поэт —
Жизнь земная всего лишь минутка.
Расскажи, как цветёт незабудка,
Поднебесья вобравшая цвет.
<...>
Расскажи, как туманный рассвет
Режет крыльями дикая утка...
Не заглядывай в бездну, поэт —
Своеволье не стоит рассудка.*

У Владимира Шемшученко очевидна драгоценная для нынешнего времени особенность таланта: он способен видеть предмет и картину как нечто целостное. Острота худо-

---

жественного зрения позволяет ему вглядываться в детали, не расчлняя действительность на мертвые составные части, что с энтузиазмом душевнобольного делает сочинитель-постмодернист. Красота и смысл — не инструменты познания отчужденного мира, а часть человека и царства, в которое он был некогда призван Создателем. Хочется верить — не по ошибке.

ГОНЕЦ

Чувство правды и справедливости в стихах Николая Беседина

Я пойду за порог в звездопад
И увижу, как выплечет небо
На дождями омытый закат
Сладкий запах крестьянского хлеба.
Как на реках и в росной траве
Отразится живыми огнями
То, что мы, сознавая вполне,
Разрушаем своими руками.

Николай Беседин

Сегодняшний день предъявляет поэзии требования, о которых вчера и помыслить было невозможно. Новые заботы с неизбежностью пронизывают ткань стиха — пусть это будет поэт зрелый или молодой, наследующий творческие достижения советской эпохи или обращающий взгляд в модернистское начало XX века. Власть и народ, нравственный закон и вседозволенность, равнодушие к прошлому и тлетворное настоящее, природа, сотворенная Богом, и цивилизация, выкованная человеческими руками — и еще множество уточнений, которые упомянутые противостояния переводят в режим почти кровавой борьбы. Только кровь эта не льется наглядно, но постепенно исчезает из жил русского человека, унося с собой жажду жизни и продолжения рода своего.

На фоне разных поколений, вошедших в литературный процесс в последние десятилетия, стоит обратить взгляд на феномен, которому нет аналога в отечественной поэзии. Кумиры «серебряного века», оказавшись в стане советской словесности, с годами, за редким исключением, наглядно утрачивали как прежние формальные и интонационные наработки, так и способность к художественному прозрению. Напротив, на рубеже XX—XXI столетий поэты минувшей социалистической эпохи удивительным образом смогли преобразовать классическую прозрачность строк, столь поощрявшуюся критикой и цензурой в годы их молодости, в ясный философско-лирический слог, отчетливо отражающий и уродливую реальность, и страдания русской души. Теряющая свою опору как в природе, так и в житейском укладе, из которого насильственно «вынута» категория справедливости, эта душа сегодня находится в духовных сумерках. Из них есть только два выхода: во тьму, накрывшую западный мир, или в светлый оком, до времени свёрнутый, будто в коконе, в понятии «Святая Русь».

Изображая действительность, до предела искаженную отсутствием повседневной нравственности и духовного закона, эти поэты, наследники советской литературы, с поразительной ясностью сводят в одном лирическом высказывании прежнее и нынешнее, должное и неподобающее, красоту, еще не ушедшую из нашей жизни окончательно — с «мусорным ветром» современной цивилизации.

В этом контексте поэзия Николая Беседина отличается замечательной искренностью и представляет собой русский голос, сохранённый в стесненном состоянии в советские годы и свободно льющийся в наше время, уже почти лишенное идеалов, однако не способное заглушить ни благородную ярость сердца, ни память о Большой эпохе.

У Беседина есть одна поразительная по точности строка, определяющая, кажется, едва ли не всякий шаг России на ее историческом пути. Беспредельный порыв и житейская разбросанность, сокровенный источник высоты и тяжкая доля страдальцы — эти приметы сконцентрированы в «крестьянском облике» родной земли и

сжаты до словесной формулы: «Столько не жала, сколько посеяла...»

Внимательный глаз и традиция русской пейзажной лирики, когда движения и предметы отчетливо видны, а сам автор незримо присутствует в картине, — одно из важнейших свойств поэтики Беседина. Берущее начало в давних акмеистических установках, такое творческое правило — разумеется, в самом общем виде — было чрезвычайно распространенным в советской литературе. Конечно, каждый автор претворял подобные качества стиха в узнаваемые читателем образы по-своему, однако именно эта художественная тенденция позволяет определить поэзию советских лет как прямую наследницу «золотого века» русской поэзии. Одним из первых об этом упомянул Борис Сиротин, говоря о творчестве Ярослава Смелякова.

Предметность слога не позволяет современным стихам окончательно провалиться в модернистские схемы, где за словами не угадываются ни вещь, ни глубокое переживание, а есть лишь отпечаток авторского «Я» — примечательный знак эгалитарного общества.

У Беседина природа очеловечена, олицетворена, и в том — его внутреннее желание чувствовать себя в единстве с отчей землей, родным краем. В свою очередь, живой окружающий мир, наполненный щебетом птиц и шумом листьев, вечерней зарей и волнами колышущихся колосьев — способен поведать о человеке многое. Еще и потому он так дорог открытому сердцу лирика-песнопевца.

*А что же за нами?
А кто же за нами
Затеplit поля и цветы?
Какую любовь осенит небесами
Во имя земной красоты?
Железная поступь компьютерных буден
Пройдет, как Батыева рать.
И некому будет, и некому будет
Правду о нас рассказать.*

Человек без Бога в душе — это также и человек вне природы, удаленный за ее пределы и воспринимающий свой

природный дом лишь как объект приложения собственных рациональных усилий. Примечательно, что такие координаты существования почти однозначно предполагают катастрофическую потерю жизненного смысла, в особенности — для русского самосознания. И тогда бедняк становится разбойником, богач превращается в средоточие животного начала, гедонистического и смертельного — как в духовном отношении, так и в биологическом.

Надлом современной эпохи сказывается почти во всех стихах Николая Беседина. Свидетель великих событий, в современности он чувствует себя лишней фигурой, попавшей во времена мелкие и бесплодные: «Мои старомодные вещи // Полны молчаливой гордыни...»

Живущий «...на обломках идей, На развалинах Божьего храма. В государстве усталых людей, Посреди многоликого срама...», — он всей кожей воспринимает самоубийственное движение России по навязанной ей исторической траектории: «...Мне на память приходят киты, / / Что выбрасываются на берег».

Даже в картине поздней осени у поэта очевидны черты сегодняшнего дня: «На теплохладные поля // Снега ложились по-хозяйски». Земля не вспомнила весенние «заветы», «не растопила, не сожгла опустошительную силу», но лишь убрала в белый саван «свою могилу». Здесь ключевые слова филигранно определяют два противоположных действующих лица: бесцеремонный и беспощадный пришелец и равнодушный хозяин, забывший свой род и покорно принимающий собственную бесславную кончину. Таков образ современной России, приходящий на ум в горькую минуту почти каждому, кто любит свою родину. И ему соответствуют отчетливые приметы «теплохладного» современника:

*То ли паперть, а то ли перрон.
Молчаливо народ суетится.
То ли свой ожидая вагон,
То ли батюшку ждет помолиться.
В каждом слепленном наспех лице
Было что-то тупое, покорное.
Пьяный мальчик рыдал об отце,
И шептал кто-то Слово Нагорное.*

<...>

*Не жалея минувших потерь,
Каждый в счастье грядущее верил.
И открылась за папертью дверь.
И никто не вошел в эти двери.*

Говоря о текущем дне, Николай Беседин касается темы памяти. Во многом именно она определяет его отношение и к настоящему, и к будущему. Советский период истории теперь оболган, мифологизирован и предан анафеме. Несмотря на дежурные слова власти о позитиве тех лет, отряды олигархического агитпропа изо дня в день марают грязью достижения наших дедов и отцов, говоря, что тогда не было «высот» — одни только «провалы». Действительно, советское время крайне противоречиво, в нем есть черные пятна и светлые страницы, однако не гиене вести речь о биографии льва. И если ты чувствуешь Россию своей родной страной, а не местом временного пребывания, то принимаешь и горечь ее поражений, и славу ее побед. А уж как уместить всё это в одном сознании, в одном сердце... В том-то и состоит достоинство или скверна нашего нынешнего русского современника.

*Что случилось с тобой, моя Родина?
Зашаманили душу твою,
Обольстила змея-подколодина,
Обещавшая жизнь, как в раю.
Мне ответили сытые граждане,
Свысока озирая народ:
— Мы возмездья давно уже жаждали
За поганый семнадцатый год.
И сказали довольные граждане:
— Нам хватает достатка вполне,
Мы теперь никому не обязаны —
Ни отцам, ни великой стране.
...Мне ответили нищие граждане:
— Лишь бы не было только войны.
Да, мы голь, но не суки продажные,
Нет пред Родиной нашей вины.
И пошел я один косогорами,
По путям, где ни зги не видать,
По лесам да равнинам, с которыми
Так легко обо всем забывать.*

Решенный в сказовом стиле сюжет совершенно чужд публицистике с ее ораторскими интонациями, но замечательно точен в портретном отношении, когда художником схвачен сам тип человека, о котором идет речь. Кроме того, alter ego автора поставлено перед необходимостью не только ответить на вопросы о прошлом, но и определить духовно своих нынешних собеседников.

Говоря о «великой и грешной», ушедшей в вечность стране, поэт не делит ее народ по формальному признаку на православных праведников и всех остальных — грешников разного разряда. Воинский подвиг — трудовой, материнский — таких вершин человеческого духа было много в то время, они хорошо вписываются в определение «практический христианин». В подобном смысле Зоя Космодемьянская и Александр Матросов кажутся святыми мучениками. «Вера сумасшедшая» и «праведная вина» тех грозных лет у Беседина обозначены образно, однако интуитивно он нашел единственные слова, которые применимы к эпохе и ее людям — потому что сказаны они с любовью и уважением, с чувством принадлежности к русскому роду: «И прости ее, Боже, что каялась // Не у тех, к сожаленью, икон»; «Но над всеми смертями и бедами // Было что-то, что небу сродни».

*И когда-нибудь праздные гости
Спросят новых вселенских святых:
— Что за звезды горят на погосте?
И услышат:
— Молитесь о них.*

Заметим: не «новоначальные» скажут финальные слова стихотворения. Истинно святые, в числе которых и православные новомученики советских лет, произнесут: «Молитесь о лежащих под обелисками». Тогда как вдохнувшие ветры «оттепели» все-то будут показывать миру язвы «великой той державы».

*Мы думали, что мы молились
И за живых и за распятых,
А мы смертельно простудились
На сквозняках шестидесятых.*

---

*И мир запомнил не победы,
Оставим в стороне лукавство,
А наши жалобы и беды
В том, неподвластном злату царстве.*

Исключительно важная характеристика Советского Союза: «неподвластное злату царство». Пожалуй, на сегодня в этом словесном абрисе сосредоточено наибольшее «портретное» сходство наших представлений о стране и времени, в которых жили отцы и деды, — с реальностью, что ушла под воды истории более двух десятилетий тому назад.

Но что же связывало воедино тех людей, которые все вместе составляли великое государство, идеи которого теперь, в капиталистической России, куда живее, чем на закате СССР? Стремление к правде и справедливости в настоящем и способность к жертве во имя будущего. В те годы образ завтрашнего дня во многом был окрашен в почти религиозные тона, хотя собственно религия была изгнана идеологией из повседневности. Сейчас сокровенный русский человек не мыслит жизни своих потомков без православной веры, и все идеалы минувшего обретают уже небесный отсвет.

Способность к жертве и таким образом утверждение личности героя — отчетливая черта поэзии Николая Беседина. Проявляясь то мимолетно, то развернуто, она являет собой, по существу, максимум: таким должен быть мужчина на Руси — воин ли, крестьянин, мыслитель...

*Не в смерти Истина.
Но не распявший плоть
На крестной дыбе самоотреченья
Не прикоснется к имени — Господь.
Земного царства мимолетный гость,
Он не постигнет истины значенья.*

Поэт, соединяющий слова в строки и скрепляющий их таинственным чувством, что берет начало то ли в его сердце, то ли в мистических небесах, в обыденном порядке — колеблющийся человек. Он сетует, что устал от потерь, безропотно отдав «любовь свою, заветные могилы, //Свой край родимый горестный и милый // И дух

побед, что дед мне завещал»... За дверью — смерть, пришедшая за ночной птицей, олицетворяющей душу певца, его вдохновенный дар.

*— Не открывай ей дверь!
Я знаю, ты не сможешь одолеть,
Ты не спасешь и сам себя погубишь.
Ты ни во что не веришь и не любишь.
Ты не способен жертвенно сгореть.
Смерть только кровью можно превозмочь,
Чтоб новый день в огне зари родился.
Но ты не воин.*

В сегодняшнем обществе эти доводы куда как убедительны, их транслирует ТВ, они пронизывают страницы либеральной литературы, напиваются, словно ядовитые соки, интернет. Однако способность к самопожертвованию не покинула душу нашего современника, она дремлет и ждет чистого и властного веления совести, которая, как известно, есть эхо Гласа Божьего.

*Но ты не воин.
Я перекрестился
И дверь открыл.
И расступилась ночь.*

Таков странный нищий, одетый в камуфляж, со словами военного приказа на ремне и надписью на картонке: «Подайте на патроны!» А также тени советских солдат, лежащих в братских могилах по всей Европе. Погибший на Шпрее комвзвода поднимается из земли и обходит высотку, где «русские парни лежат», и снова зовет их в бой за поруганную Родину. Безногий солдат, «беззлобно ругаясь, спросил», зачем он тревожит их прах, какая вина корёжит его пробитое сердце...

*И тихо комвзвода ответил,
Сдержав то ли боль, то ли злость:
— Мы вроде с тобой не в ответе
За то, что с Россиейстряслось.
И жизнь не была нам дороже*

---

*Отчизны. На том и сошлись.
Чиста наша совесть.
И всё же
С тобой мы в ответе за жизнь.*

И поднялись павшие, и зашагали «незримые миру» войска:

*Десантники шли и пехота,
Штрафных батальонов ряды,
И черные дьяволы флота,
Поднявшись из темной воды.
Бросая свои пьедесталы,
И пушки и танки ползли,
Все те, кто в войне той кровавой
От гибели спас полземли.
Безногий солдат неумело
Всё полз на культяпках впотьмах,
И знамя Победы горело
В его беспощадных руках.*

Перед нами второе возвращение солдат домой: в 1945-м, на родину-победительницу — с радостью; теперь, на родину, втопанную в грязь, — со стальной решимостью. В этом «Марше павших» потрясает последовательное включение в поход всё новых и новых солдат и оружия, как и эпитет в самой последней строке стихотворения: «в беспощадных руках». Непреклонность суда мертвых героев не кажется эмоцией экзальтированного современника-патриота: это святое право подкреплено жертвенным подвигом русского солдата («жизнь не была нам дороже Отчизны»). Здесь присутствует та «ярость благородная», которой насыщена песня «Священная война».

У Беседина не один сюжет решен в жанре поэтического размышления, который был чрезвычайно развит в советской литературе. Интонационно автор выступал от лица своих современников, хотя словесно это нигде не оговаривалось. Само рассуждение предполагало, что его итог становится общим достижением поэта и его читателя, стихи неявно «дарились» всем, кого волновали вопросы, звучащие в душе певца, ставшего на короткий

срок философом. В сравнении с поэзией текущего дня контраст разительный: огромное множество лирических опусов повествуют только о коллизиях в сознании эгоистичного сочинителя и совершенно не становятся актом взаимопознания поэта, читателя и общества.

В одном из упомянутых стихотворений Николая Беседина есть очень важная мысль о бытийном союзе веры и рода, что так важно для русского человека сегодня:

*Кто чужд истокам, чужд и небесам,
Проклявший семя будет проклят сам.
Возмездие судьбы неотвратимо
Над тем, кто делит то, что неделимо.
Кто чужд истокам, чужд и небесам.*

И автор обращается к древней русской истории, сказовым сюжетам, видениям, соединяющим современность с Русью.

В «Стоянии на Угре», полном предчувствий и воспоминаний, «вызревает печаль над лугами в туманах. // И рождаются тени на том берегу, // В малахаях, со стрелами в жёлтых колчанах».

*Прозвучал колокольный призыв вдалеке
И умолк.
Русь как в сон погружается в небыль.
Никого. Только мальчик стоит на песке
Возле самой воды, отражающей небо.*

Тут и надежда на новое поколение, и на очищение («возле самой воды»), и на небесную силу — всё те же упования исподволь характеризуют и наше время.

В «Братине» изображена картина житейского и духовного разорения родной земли. Мать попросила утолить жажду «влагой зоревой», но не стала пить «росы луговые» ни из серебряного ковшика, ни из туеска березового, а подала сыну братину:

*Людям отнеси.
Что нальют, насыпят ли —
Всё приму я, грешница.
Мало ли наварено яства на Руси?*

Здесь слышатся ритмические и образные отголоски великой Некрасовской поэмы, однако сюжет баллады сжат символическим отображением реальности и решен в духовном ключе. Собрал сын в братину «горе горькое», «слёзы да пожарища с кровью пополам», «голод и позор» вкупе с усталыми надеждами и темным похмельем «злобу и раздор», «горсть золота: — Подавись ты, мать!» Всё матушка «выпила, не охнула» и потом «родимая, как травинка сохнула. // И стояла братина около икон».

Заметим, что мать назвала себя грешницей и приняла все людские беды и зло как свои. Перед нами еще один пример жертвенного пути грешного человека. Только жертва и молитва спасительны для Руси — как много веков тому назад, так и сейчас.

В «Братине» показано русское «лихо» (причем только в какой-то степени предметно, в основном — через житейские явления, но очень узнаваемо). А благо — или то, что русскому человеку стоит беречь в окружающем мире и в себе самом — представлено на редкость ассоциативно и выглядит скорее правилом либо наставлением в стихотворении о страннике («Шел по свету странничек...»). Его удивительный «посох тоненький крепости невиданной» был сотворен не из «дуба крепкого» или «камня лепого», а из «рокота речек», «лесного шороха», «травы печалицы», «ржаного зернышка», «веселой радуги в росах подорожника», «кровинки отчей»...

Деревянный или каменный посох, скорее, свойствен западной мифологии и умонастроению — в таком походном атрибуте есть нечто инструментальное с набором функций.

Тогда как перед нами — опора, соединившая в себе звуки и картины, чувства и приметы, а также творящую руку — с землей-кормилицей. Для рационального ума тут присутствуют неуловимые для практического применения атрибуты мира и жизни, за которые и сегодня порицают «неправильного русского человека». А ведь с таким посохом странник легко преодолевал горе и беду, перед ним склонилась «вся земля широкая от горы до колоса», «поклонилось звездами небо предрассветное» — потому что он дарил им мистически необъятную «надежду вечную в доброе и светлое».

Вспомним упования человечества на Россию. Они звучат достаточно отчетливо в этом поэтическом мифе Николая Беседина.

Баллада-видение о княжеском гонце, заночевавшем на берегу реки Оскол пронизана тревогой. Еще звенит ночная тишина, пламя костра спокойно, а «медлительная Русь спит в теремах и огнищах былинных». Только «мать склонилась над уснувшим сыном, // Предчувствуя всем сердцем смертный груз», и старый воин, «в забытии тревожном, // Культовой кистью проводя по ножнам, // Всё смотрит неотрывно на восток». Но вот костер догорел, и «горизонт взметнулся от пожара». Гонца сгребает тлеющие угли, «идет к лодке и достает багор»: оттолкнувшись от берега, по течению реки он «дальше понесет беду»...

А ведь в самом начале стихотворения автор, видя отблеск у речной воды, задается вопросом: «Кто у костра? Турист ли отдыхает // Или уставший княжеский гонец?» И стягивает времена тем самым, напивается древними приметам настоящий день. Мастерски прописывая детали, будто живописец, погружённый в историю, он создает перед глазами читателя картину былого нашествия и словно говорит: общая на всех беда может быть преодолена лишь совместными усилиями.

В лирике Николая Беседина словарь, обнимающий собой традиционную предметность мира — семейную, крестьянскую, природную, воинскую — составляет фундамент его стихотворной речи. Соединяясь с душевными коллизиями автора и публицистикой, этот словарь, будто якорь, удерживает поэта в пространстве важнейших традиционных понятий, которыми поверяются новые реалии.

В поэтической интонации Беседина есть ноты стиснутого волей страдания — угадываются и безмерная печаль, и внутренние душевные скрепы, что всё еще держат ее на полувздохе рыдания. Для русского жития это узнаваемое состояние. В нём затаённо присутствует вера в то, что сегодня всё не кончается. А также сосредоточена сердечная надежда на Промысел и на милосердие Божье к мужественному, смиренному и терпеливому человеку.

*И очнутся поля от сиротства,
безверья и горя,
И о верности отчей земле
возгласят небеса.*

г. Воронеж

Дорогие друзья!

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на первую половину 2022 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

В каталоге «Почта России» подписной Индекс «МГ»: П6410 — как для индивидуальных подписчиков, так и для предприятий и организаций.

В первом полугодии 2022 года редакция планирует выпустить следующие номера: №1-2, №3, №4, №5-6.

Уважаемые подписчики «Молодой гвардии»!

У вас есть возможность подписаться на наш журнал на первое полугодие 2022 года непосредственно через редакцию. Для этого необходимо перечислить 1000 руб. на нашу карту Сбербанка (цена подписки на весь год соответственно — 2000 руб.). Номер карты: 2202 2005 6546 0175. А также сообщить свой полный почтовый адрес по телефону: 8 916 939 22 69 или на эл. почту: mg0002015@yandex.ru

---

Дорогие друзья!

Журналу «Молодая гвардия» очень нужна ваша финансовая помощь. Лишённый поддержки государства, наш журнал надеется на помощь верных читателей и подписчиков. Наша общая цель — сохранить «Молодую гвардию» в качестве патриотического национального издания, необходимо-го каждому честному и думающему человеку. Денежные средства можно перечислить на карту Сбербанка РФ: 2202 2005 6546 0175.

Также оказание финансовой поддержки можно осуществлять по следующим реквизитам:

ООО «Журнал «Молодая гвардия»

ИНН 9721060860

КПП 772101001

БИК 044525593

ОГРН 1027700067328

Р/с: 40702810302590002402

Корр. счет: 30101810200000000593

АО «АЛЬФА-БАНК»

В платёжном поручении указать: «Помощь журналу».